

ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

III.

АРТЕМОВСКІЙ - ГУЛАКЪ.

Литературная дѣятельность Котляревскаго, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, рѣзко бросающихся въ глаза критику нашего времени, имѣла важныя послѣдствія. Своею пародіей и двумя театральными пьесами онъ напомнилъ Украинцамъ, что у нихъ есть родной языкъ не для того только, чтобъ выбрать неисправнаго мужика. Даже и его пѣсня *Віють вітри* имѣетъ свое историческое значеніе. Панички время Котляревскаго, дѣйствіемъ чужеземнаго воспитанія, сдѣлались неспособны понимать высокія красоты нашихъ народныхъ пѣсень и стыдились пѣть ихъ въ своемъ кругу. Пѣсню, сочиненную Иваномъ Петровичемъ, вхожимъ во всѣ знатныя полтавскіе кружки, было не стыдно спѣть за фортепьяно: то была не мужицкая пѣсня, да и чувства въ ней выражены такъ деликатно, какъ и въ романахъ Капниста. Содержаніе, тонъ и складъ пѣсни Котляревскаго пришлись по силамъ и вкусу современныхъ ему кружковъ семейныхъ, точно, какъ легкій супъ—для разстроеннаго желудка; и кто знаетъ? можетъ быть, она провела за собой не одну народную пѣсню въ то общество, которое давно уже пренебрегло звонкоголосую и прямодушную степную музу. По крайней мѣрѣ то несомнѣнно, что другія сочиненія Котляревскаго дали законность появленію украинской простонародной рѣчи на бумагѣ. Мы знаемъ нѣсколько подражаній собственно *Енеидѣ*, которыя никакъ не могли добиться печати за множествомъ книжицъ, обѣщавшихъ издателямъ болѣе вѣрный

сбыть ⁽¹⁾. Подражанія эти начались еще при жизни Котляревскаго и, конечно, не подвинули украинской литературы ни на волосъ впередъ; но жужжанье стиховъ украинскихъ, въ такъ называемыхъ патриотическихъ кружкахъ, дѣлало свое дѣло: оно, точно колокольчикъ сказочнаго Вадима, манило Украинцевъ въ какую-то невѣдомую имъ область, непохожую на то, что они знали въ печатномъ мірѣ. Можетъ быть, были и болѣе самостоятельные опыты въ стихахъ и прозѣ, съ проблесками таланта истиннаго и вкуса вѣрнаго, но оставались скрытыми отъ разбор-

(1) Въ дѣтствѣ я имѣлъ въ рукахъ разговоръ двухъ поселянъ о похоронахъ черниговскаго архіепископа. Слѣдующіе стихи, сохранившіеся у меня въ памяти, состоятъ въ самомъ близкомъ родствѣ съ *Енеидою* Котляревскаго:

Тамъ намалѣвано и пѣкло,
Такѣ страшнѣ, що ажъ бідá.
Оттáмъ, бра, дúшно, тамъ и тѣпло!
Смолá течѣ такъ, якъ водá, —
Течѣ зъ гадюки, та й палáе,
А чортъ людѣй тудí таска́е.
Лихá годíна за грíхí!
Булó простúпишъ хочъ не хóтя,
Якъ прійде вй́тъ до насъ ворко́тя,
Таска́тъ прика́же въ млинъ мíхí,
Абó у в́инницю по дрóва, —
Забúдешъ, й плéчí що бо́лять....

Укажу еще на стихи подъ заглавіемъ *Вакýла Чмиръ*, написанные въ концѣ *Грамматики Малороссійскаго Нарѣчíя*, Павловскаго, какъ на смѣхотворство безъ опредѣленной цѣли, въ духѣ *Енеиды*. Вотъ ихъ образчикъ:

Крича́въ, вища́въ,
Стогна́въ, пища́въ,
Такъ нíхтó не чýе,
Що сей коза́къ
У нóлí такъ
Зли́денно ночýе.
Въ бідí засну́въ;
Якъ же скрепну́въ
Морóзъ, та ще кр́ечний,
Такъ и нóги
До дорóги
Примéрзли и плéчí.
Відъ сей хвýкги
Е́го рýки
Закля́кли и гýби:
Леж́ить коза́къ,
Якъ пов́ний макъ,
Пз́ціпивши зýби.

чивыхъ цѣнителей, подобно обнародованному мною въ *Хатъ* разсказу Продчука, лѣтъ двадцать или тридцать валившемуся въ хозяйственныхъ бумагахъ помѣщичьяго семейства. Что касается до печатнаго міра, то едва черезъ двадцать лѣтъ послѣ перваго изданія *Енеиды* появился преемникъ Котляревскаго въ украинскомъ стихѣ. То былъ г. Артемовскій-Гулакъ.

Около сорока-пяти лѣтъ тому назадъ, грамотные земляки наши, Харьковцы, основали у себя періодическое изданіе, подъ заглавіемъ: *Украинскій Вѣстникъ*. Образцами для нихъ, очевидно, служили журналы петербургскіе и московскіе. Издатели были не въ силахъ создать своеобразный литературный органъ, и, рядомъ съ невинными статейками о Малой Россіи, о гетманѣ Хмельницкомъ, о Сковородѣ, помѣщали стихи и прозу во вкусѣ *Сына Отечества* и *Сѣвернаго Архива*, издаваемого приспомянутымъ Бугаринымъ. Возрожденіе украинской народности не было въ то время дѣломъ общаго одушевленія или глубокихъ соображеній передовыхъ умовъ. Оно совершалось болѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно, и единственнымъ украинскимъ писателемъ стоялъ, покаместъ, на пустой аренѣ Котляревскій. Но сила вещей взяла свое, и *Вѣстникъ*, только по имени украинскій, черезъ два года по своемъ основаніи, представилъ образцы дѣйствительно украинскихъ стиховъ и прозы. Неожиданно явился продолжатель дѣла, начатаго Котляревскимъ, и въ первомъ своемъ опытѣ, подъ заглавіемъ: *Панъ та Собака*, обнаружилъ, что задача украинской словесности, послѣ изданія *перелицеванной Енеиды*, сдѣлалась уже гораздо серьезнѣе. Это стихотвореніе принято было тогдашнею публикою съ восторгомъ и, не смотря на то, что авторъ подписался подъ нимъ только буквамиъй ...ъ, сдѣлало имъ его популярнымъ между Украинцами (¹). Къ сожалѣнію, г. Артемовскій-Гулакъ не напечаталъ потомъ ничего равносильнаго первому своему опыту, а наконецъ и совсѣмъ пересталъ появляться въ печати. *Украинскій Вѣстникъ* прекратился въ началѣ 1821 года и сдѣлался теперь библіографическою рѣдкостью. Стихотворный разсказъ *Панъ та Собака* долго ходилъ въ рукописи, по своемъ обнародованіи въ этомъ журнальцѣ, но стихи Шевченка увлекли вкусъ немногочисленныхъ любителей украинской словесности въ другую сто-

(¹) Авторъ *Пана та Собаки* только въ 1827 году напечаталъ полное свое имя подъ балладою *Твердовскій*, напечатанною въ журналѣ *Славянинъ* и въ отдѣльныхъ оттискахъ.

рону, и теперъ ужъ рѣдко гдѣ можно встрѣтити знаменитое произведеніе третьяго украинскаго писателя. Между тѣмъ въ исторіи нашей словесности оно составляетъ явленіе, мимо котораго ни одинъ критикъ не пройдесть не остановившись, и потому, прежде чѣмъ показати его особенності, мы представляемъ его цѣликомъ нашимъ читателямъ.

ПАНЬ ТА СОБАКА.

На зѣмлю злізла нічъ.... нігдѣ ані шишірхне,
Хибá то дѣ-куди крізь сонъ що-небудь пірхне.
Хочъ въ око стрель тобі — такъ тѣмно на дворі.
Уклáвся місяць спать, нѣма ані зорі,
И лѣдві крадькомá якá малѣнька зірка
Зъ-за хмáри вйгляне, ненáче мишъ зъ засіка.
И нѣбо; и землі — усѣ одпочивá;
Все нічъ підъ чорною запáскою ховá.
Одинъ Рябко́, одинъ якъ палець, не дрима́е:
Худóбу пáнську, мовъ братъ рідний, догляда́е.
Бо дармо їсти хлѣбъ Рябко́ нашъ не любивъ:
Івъ за пятѣхъ, алѣ тѣ ївъ, що заробивъ.
Рябко́ на пáнському дворі не спить всю нічку.
Коли́бъ тобі на сміхъ бу́ло де вѣдно свічку,

Абó въ селі де на опічку

Мая́чивъ кагане́ць.

Всі сплять, хропóуть,

А дѣ-які сопóуть.

Ужѣ и панотѣць,

Прилізши изъ христинъ, до ўтрені понхáвся....

А нашъ Рябко́, кажó, все спáтки не вклада́вся.

Знай небора́къ ганя́ то въ той, то въ сей кутóк:

То зазира́е въ курні́къ, то — дѣйко до свинóкъ!

Спита́: чи всі такі живѣнькі порося́тка;

Инді́ки та качкі, курча́тка й гусеня́тка?

То звідті́ль навпросте́ць

Маха́е до ове́ць,

До клóні, до стіжківъ, до ста́ні, до оборо́и;

То зновъ назáдъ чимъ дужъ, — щобъ ча́сомъ Моска́лі

(А їхъ тогді бу́ло до хрі́на на селі),

Щобъ Моска́лі, мовля́въ, не вбра́лись до ко́мори.

Не спить Рябко́ та все такъ гáвка, скаучи́ть,

Що сýчий синъ, коли ажъ въ ўхахъ не лящи́ть!

Все дóма: якъ би то піддо́бритьца підъ пáна?

Не зна́ жъ, що не минѣ Рябкá обрадо́вання!

Якъ гавъ, такъ гавъ, покі свінуло на дворі;
 Тогді Рябко простягсь, захріпъ въ своїй норі.
 Чому жъ Рябку не спать? чи знавъ вінъ, що зъ нимъ буде?
 Заснувъ вінъ смачно такъ, якъ сплять всі добрі люде,
 Що щиро стережуть добра своїхъ панівъ....
 Якъ ось — трусь, галась, крикъ!... ввесь двіръ загомонівъ:
 »Цу-цү, Рябко! на, на! сюді Рябка кликніте.«
 — »Ось-бсь я, батечки!... чого ви тамъ? скажіте!«

Стрибъ Рябко, вертіть хвостомъ,

Неначе помеломъ,

И знай дурпёнький скáлить зүби

Та ліже губи.

»Уже жъ, бачъ«, дума вінъ, »не дурно це въ дворі

Одъ самоі тобі зорі

Всі панькаютця коло мене:

Мабуть, самъ Панъ звелівъ віддати Рябку печене

И що зосталося варене

За те, що, бачъ, Рябко всю Божу піч не спавъ,

Та гавкавъ на весь ротъ, злодіївъ одганявъ.«

— »Цу-цү, Рябко!« ще разъ сказавъ одінь псяюха....

Та й ханъ Рябка за ўха!

»Кладіть Рябка!« гукнувъ... Ажъ ось и Панъ прибігъ.

»Лупіть Рябка!« сказавъ; »чухрайте!... ось батігъ!«

— »За що?« спитавъ Рябко; а Панъ кричить: »Чухрайте!«

— »Ой! ёй! ёй! ёй!« а Панъ імъ каже: »Не вважайте!«

— »Не буду, батечку!... За що жъ це честь така?«

— »Не слўхай!« панъ кричить; »лупіть, деріть Рябка!«

Деруть Рябка, мовъ шіря,

На галась збіглась двіря:

»Що? якъ? за що? про що?« — Не знає ні одінь.

»Пустіть!« кричить Рябко: »не будь я песький синъ,

Коли вже вдержу білшъ!...«

Рябко нашъ хочъ не бреше,

Такъ що жъ? Явтухъ Рябка все знай по жижкахъ чеше.

»Пустіть, швидчій пустіть!« Панъ на весь ротъ гукнувъ,

Та й зъ хати самъ умкнувъ.

»Пустіть!« гукнули всі: »Рябко вже вдоволиўся!«

— »Чимъ, люде добрі, такъ оце я провинився?

За що жъ глузуєте?« сказавъ нашъ неборакъ;

»За що зпущаетесь ви надо мною такъ?

За що, за що?« сказавъ, та й попустівъ патёки,

Патёки гіркихъ слізъ, узявшись за боки.

— »За те«, сказавъ одінь Рябкові зъ наймитівъ,

»Щобъ не кобшкавъ ти вночі своїхъ Панівъ;

За те... але що тутъ?... ходімъ, Рябко, лишъ зъ хати:

Не дуже, бачу, ротъ тутъ можна роззявляти.
Ходімъ, Рябко, на двіръ.»

— Пішли.

— »Се не пусте»,

Сказавъ Явтухъ Рябку: »оце тебе за те
По жижкахъ, бра Рябко, такъ гърно пошмагали,
Що Панъ изъ Пáneю сю цілу нічъ не спали.«
— »Чи вінень я сему? Чи ти, Явтухъ, здурівъ?»
— »Гай, гай!« сказавъ Явтухъ. »Рябко! ти знавсінівъ;
Ти вінень, бра Рябко, що нічю розбрехався:
Ти жъ знавъ, що вчора нашъ у карти Панъ програвся!

Ти жъ знавъ,

Що хто програвъ,

Той чорта (не теперъ на споминки) здрімáе, —
Той батька рідного, розсърдившись, програвé!
Ти жъ знавъ, кажу, Рябко, що Панъ не бóде спать.
До чого жъ гавкавъ ти? на що жъ було гарчáть?
Нехай би гавкавъ самъ, а ти бъ уклáвъ тихенько,
Забравшись въ ожерéдъ, та й спавъ би тамъ гарненько.
Теперъ ти бачишъ самъ, що мо́кримъ вінъ ряди́мъ
Напáвся на тебе, и знай верзé притьмо́мъ:
Що грóшей вчора вінъ проціндривъ щось не трóхи;
Що Пáню черезъ те всю нічъ кусáли блóхи;
Що бóцимъ вчора вінъ гратъ въ кáрти бъ не сідáвъ,
Колибъ сёгóднішню бувъ нічъ хочъ заку́нявъ;
Що бóцимъ ти, Рябко, такъ гавкавъ, якъ собáка;
Що бóцимъ по тобі похóдить ще й ломáка;
Що бáця ти ёму остівъ, надосолівъ,
И бáця вінъ тебе за те й прохворостівъ.
А бачъ, Рябко, а бачъ! не гавкай, не ганя́йся;
Ляжъ, хірний, та й мовчи, и зъ Пáномъ не рівня́йся.
Чого брехáть? нехай нашъ Панъ здоровий бóде,
Вінъ самъ и безъ собáкъ сю пáнщину одбóде.»

Послу́хавъ нашъ Рябко пора́ди Явтуха.

»Нехай тяжка ёму го́дина та ли́ха«,

Сказавъ, »щобъ за моé, якъ ка́жуть, жи́то

Та ще менé и б́ито!

Коли моé не въ ла́дъ,

То я зъ своїмъ наза́дъ.

Чи ба́ба зъ вóза, — що жъ? вели́ка дуже ва́да!

Кобі́лі легши́й візъ, сёму коби́ла й ра́да.»

Отта́къ серде́га нашъ Рябко помі́рковáвсь,

Та й спать на ці́лий день и ці́лу нічъ попхáвсь.

Засну́въ Рябко, захри́пъ, ажъ ожерéдъ трясе́тця;

Рябкú й не спітця, й не верзётця,
 Що вже Моска́лики въ ко́мори́ й на дво́рі
 Скрізь ни́шпорять, мовъ тутъ воні́ й господа́рі,
 Що вовкъ ягня́тъ, а тхі́рь курча́токъ убіра́е....
 Ажъ тутъ и на дво́рі тужъ-ту́жъ уже́ світа́е.
 »Пу-цú, Рябко́!« тутъ всі, повибі́гавши зъ хатъ,
 »Пу-цú, Рябко́! на, на!« гукну́ли якъ на гвалтъ.
 А нашъ Рябко́ тобі́ и ўсомъ не морга́е;
 Хочъ чúе, та мовъ спить и мовъ не дочува́е.
 »Тепе́рь-то«, дúма вінъ, »мій Па́нь всю нічку спавъ,
 Бо не буди́въ є́го Рябко́ и не бреха́въ;
 Тепе́рь-то вінъ мені́ свою́ пока́же дя́ку;
 Тепе́рь уже́ не втре мені́, якъ вчо́ра, ма́ку!
 Нехай цу́дкають... мене́ симъ не зве́дуть,
 Поки́ самі́ сюди́ обідъ не принесу́ть.
 Та ще й тогді́, не бі́йсь, поска́чуть коло́ мене́,
 Поки́ возму́ я въ ротъ хочъ стра́ву, хочъ пече́не!«
 — »Пу-цú!« сказа́въ ище́ Рябко́ві тутъ Явту́хъ;
 »Пу-цú!« зади́хавшись, мовъ зъ є́го пе́рло духъ.
 »Ходи́мъ, Рябко́!«

— »Э́ге, ходи́мъ! Не дúже ква́пся,
 Самъ принеси́ сюди́.«

— »Иди́ жъ хутчи́й, не ба́вся!«
 — »Ба не ци́ду, Явту́хъ!«

— »Иди́, бо клі́че Па́нь!«
 Сказа́въ, та й зашморгну́въ на ши́й вінъ арка́нь.
 »Чеші́ть Ряба́!« гукну́въ... ажъ тутъ іхъ щось зъ деся́токъ
 Влі́пили зъ со́теньку ки́їв Рябкú въ завда́токъ.
 »Лупі́ть Ряба́!« кричи́ть тутъ Па́нь, якъ наві́сний;
 Рябко́ жъ нашъ тілько́ вже що те́плий та живи́й.
 Рази́въ изъ ши́сть Ряба́ водо́ю одли́вали,
 И сті́лько жъ разъ є́го, одли́вши, зновъ шмага́ли,
 А по́тімъ переста́ли.

Рябко́ спита́тъ хоти́въ, але́ Рябкiв язи́къ
 Бу́въ въ ро́ті спу́таний, неначе́ пу́томъ зъ ли́къ,
 И гергота́въ щось, якъ на си́далі́ инди́къ.
 »Пості́й!« сказа́въ Явту́хъ Рябко́ві, »не турбу́йся,
 Я пра́вду всю ска́жy: »Ото́, Рябко́, шану́йся,
 Добра́ своїхъ Па́нівъ, якъ ока́, стережи́,
 Зара́ння спати́ не ква́псь, въ со́лому не би́жи́,
 Злоди́въ обгана́й та га́вкай на зви́рюку.
 Не га́вкавъ ти, Рябко́, — за те́ жъ ми, бачъ, въ на́уку,

Изъ ла́ски, зъ ми́лости Па́нівъ,
 Влі́пили соте́не́къ изъ п'ять то́бі ки́їв.«
 — »Чорті́ бъ уби́въ тво́го, Явту́хъ, зъ Па́нами ба́тька

И дїдину, и дїдька
 За ласку їх!» сказавъ Рябко тутъ на-одрізъ.
 Нехай їмъ служить більшъ рябий въ болоті бісъ!
 »Той дурень, хто дурнімъ идє Панамъ служити,
 А більший дурень — хто їмъ дїма угодїти!
 Годївъ Рябко їмъ, мовъ болячці й чиряку,

А що жъ за те Рябку?

Сяку мать та такү!

А до того щє спорѣли батогами,

А за вислугу палюгами.

Чи гавкає Рябко, чи мѣвчки нічю спить,
 Все випадѣ такі Рябка притомомъ побить.

Ужє мені, бачү, чи то тудї — високо,

Чи то сюдї — глибоко;

Повѣрнесся сюдї — и тїта гарячє;

Повѣрнесся тудї — и тамъ-то болячє.

Хочь би я тїсто внїсѣ псяюсї изъ дїжєю,

То бѣ вінъ розтѣвкѣ и ту надѣ спїною моєю.

Зѣ ледѣчимъ все бїдѣ: хочь вѣртѣ-крутѣ, хочь крутѣ-вѣртѣ,

Вінъ найде все тобї хочь въ черепѣчку смерть.»

Котляревщина отозвалась въ Артемовскомъ-Гулакѣ прежде всего ямбомъ, несвойственнымъ украинской народной поэзіи. Шевченко, поэтъ иной эпохи и иного полета, уклонился отъ ямба при самомъ началѣ своего литературнаго дѣла, какъ ни соблазнительно звучалъ тогда ямбъ въ прекрасныхъ стихахъ Пушкина. Во всемъ *Кобзарь*, первомъ блестящемъ своемъ опытѣ, не обратился Шевченко къ этому размѣру. Г. Артемовскій-Гулакъ раза два, въ немногочисленныхъ стихотворенїяхъ своихъ, оставлялъ ямбъ, и стихъ его отъ одного этого становился ближе къ народнымъ пѣснямъ, которыя служили для Шевченка единственнымъ образцомъ тона и вкуса.

Но, независимо отъ метра, въ складѣ рѣчи и въ манерѣ разсказа г. Артемовскаго-Гулака, отзывается также Котляревскій.

На зѣмлю злізла нїчъ....

Хочь въ ѳко стрѣль тобї, такъ тѣмно на дворї;

Уклѣвся мїсяць спать....

И лѣдвї крадькома яка малѣнька зірка

Зза хмѣри вїгляне, ненѣче мишѣ зѣ засїка.

Въ своемъ родѣ, это превосходные стихи, но они какъ-будто написаны тѣмъ же перомъ, что и слѣдующіе:

Бурхнїло зѣ пѣба, мовъ изъ бѣчки,

Що промочїло до сорѣчки;

То дра́ла въ-рб́стичъ всі́ далі́.
 Тро́йниці́ ста́ли всі́, якъ хлі́оща;
 Імъ лу́чплася невси́пуща;
 Не ра́ди и дощ́у бу́лі (Енеида, ч. II.).

У Котляревскаго есть даже стихи, буквально похожіе на начало *Пана та Собаки*:

Якъ тільки́ та сумра́чна, те́мна
 Пізъ не́ба злі́зла чо́рна пі́чъ,
 Го́дина жъ ста́ла дуже́ певна́,
 Якъ повті́кали зі́рки прі́чъ. (Енеида, ч. III.)

Только эти стихи слишком ничтожны сравнительно съ стихами г. Артемовскаго-Гулака. Литературныя требованія очевидно были въ его время ужъ не тѣ, что во времена Котляревскаго, да и таланты авторовъ были не равны. Мы думаемъ, судя по первымъ опытамъ г. Артемовскаго-Гулака, что явился онъ въ наше время, съ своимъ сильнымъ и глубокимъ стихомъ и съ тою образностью, которой исполненъ юмористическій рассказъ его о Панѣ и Собакѣ, онъ оставилъ бы въ украинской словесности прочный памятникъ своего существованія. Но тогдашнее общество не оцѣнило его по достоинству, при всемъ успѣхѣ, какимъ пользовались первые пробы пера его между любителями украинскаго слова. Въ тогдашнемъ обществѣ было еще слишкомъ много авторитетовъ, которые давали такимъ пьесамъ, какъ *Панъ та Собака*, значеніе каприза и не позволяли имъ занять какое бы то ни было мѣсто въ храмѣ русской словесности. Молодому, начинающему писателю трудно было не поддаться общему взгляду на свое дѣло, запечатлѣнное характеромъ отдѣльной, еще не признанной народности. Что-то у него шевелилось въ душѣ противъ исключительнаго господства одной великорусской рѣчи въ грамотномъ русскомъ мірѣ; но высказалъ онъ свои понятія въ формѣ литературнаго юродства, которое пошло у насъ отъ Котляревскаго и до сихъ поръ не выводится въ украинской прозѣ; а высказавъ, онъ все таки пересталъ писать украинскіе стихи и, вѣроятно, призналъ напечатанное юношеской затѣей, недостойной ума солиднаго. Какъ бы то ни было, — теперь, когда украинская литература уже не кажется легкой затѣей праздности, намъ интересно перечитывать, какъ наши предшественники ставили вопросъ о существованіи чего-то непохожаго на великорусскую словесность. Авторъ *Пана та Собаки* присовокупилъ къ своей пьесѣ стихотворное посланіе къ Квиткѣ и объясненіе въ прозѣ къ читателямъ. Выписываемъ то и другое.

СУПІКА

до Грицька К и.

Хто, кажуть, до когó — мы до тебе, Грицько,
 Зъ супікою прийшли: я, бачъ, та мій Рябко.
 Не дай загінуть намъ, не дай зъ насъ кепковати;
 А доки жъ буде насъ зле Пánство зневажати!
 Пусті насъ, Бáтечку, до хáти.

Хочъ б́удимъ, Грицьку, ти на Пáна закрив́ивсь;
 Та зъ пантелику ти, такъ якъ другі, не збивсь.
 Не звикъ ти голобелъ замість коня шмагати;
 Не все жъ підъ нисъ Рябкáмъ, мовлявъ ти, заглядати.
 Пусті насъ, Бáтечку, до хáти.

Хочъ ти, Грицько, пошивсь зъ ріднею въ Москалі;
 Та ба, ніхтó на васъ не плаче на селі!
 Ти знаєшъ, що на те соба́ка, щобъ брехати;
 Що й сто не зб́удять їхъ тебе, якъ ляжешъ спáти.
 Пусті насъ, Бáтечку, до хáти.

Хочъ ти не разъ, Грицько, кислиці въ пельку пхавъ:
 Та твій *Рябко* одъ їхъ оскóми не чувáвъ:
 Бо óчі б́ачили, що трéба куповати;
 Нехáй хочъ ви́лізуть, а трéба дои́дати.
 Пусті насъ, Бáтечку, до хáти.

Пусті! Чи бачъ, якъ *Песъ Рябкá* почастовáвъ!
 Коли б́ ёму а́зикъ роді́мець одібра́въ:
 Щобъ вінъ замість *Рябкá* до віку мавъ гарча́ти;
 А нашъ *Рябко* щобъ сівъ за ёго въ кáрти гра́ти!
 Пусті насъ, Бáтечку, до хáти.

Чи бачъ, що лéдві вже вінъ ќу́лші волочé;
 Що такъ зъ ёго ю́шійть и пáсока течé!
 Та тожъ-то такъ звелівъ всю шќуру скрізь списáти,
 Що-тó тобі не́мá и ќурці де клюва́ти.
 Пусті насъ, Бáтечку, до хáти.

Пусті! та й скличъ до насъ тихъ нав́исні́хъ Панівъ,
 Що во́ду изъ своїхъ вивáрюють *Рябківъ*;
 Звелі́ їмъ сгру́пъ *Рябківъ* довгё́ннюкo полиза́ти:
 А́дже жъ-то и надъ Псо́мъ повíнно лáску ма́ти.
 Пусті насъ, Бáтечку, до хáти.

Суплі́ку жъ сю мою ти, Грицьку, самъ чита́й;
 Леда́чому і́й пасќудить не дава́й;
 Бо якъ почне́ Моска́ль по-сво́бѣму склада́ти,
 Та *вотъ!* та *што́?* та *какъ?* чита́вши примовля́ти;
 Тоді́ хочъ умикáй изъ хáти.

Люди добрі и ви, панове громадо! уже, коли будете читать оцю казку, то будьте ласкові, де тільки трапитця вамъ на дорозі наткнѣтьця на *Е*, вимовляйте ёго, якъ бѣцимъ-то тамъ наригѣвано *Э*: бо, бачъ, у насъ воно зъ діда зъ прадіда завсіді такъ вимовляетьця; хибѣ тільки після *голоснихъ* якихъ слівъ, отъ якъ бува часомъ після *а, е, о* и друг. та ще й зъ початку вимовляетьця мякенько, мовъ по-москѣвській. Я такі й хотівъ бувъ, щобъ замість *Е* скрізь надрюковѣть *Э*; та пішовъ до голови по розумъ, помірковавсь трѣхи и побачивъ: що, крий Бѣже, якъ було бъ тяжко поверху читать; одъ-того, бачъ, що наші очі ще не зовсімъ побратались зъ симъ ярепѣдовимъ *перевертнемъ Э*. — Вонѣ-то мені, мовлявъ, про своїхъ и не страшно: уже-то нашого брата, мужика, не вчи, каже, якъ читать; такъ отъ же лихо та бідѣ зъ тими Москалями! Вони хочъ що посвоѣму перехристять, и, я жъ кажѣ, мій Рябѣкъ випѣе одъ їхъ добру повну: уже що я знаю, то у ёго не останетьця ні одного цілого реберця!... Сказано — Москаль! вінъ безъ *вотъ* и не стѣупить; язикъ, мовъ въ постолѣхъ; який же ёго одмінокъ вторѣпае, що вінъ верзѣ? Оттакъ вони й книжки дрюкѣють. Уже нема ёго й на свѣті нічого кращого, якъ (цѣрство небесне) Енѣй въ нашій одѣжі; эге! та ба! Москаль, бачъ, порався и коло ёго, — и ёго одягнувъ по-москѣвській. Абѣ, нехай вѣжко икнѣтьця хоть-бі й нашому Ш... зъ ёго Козакѣмъ ⁽¹⁾. Э!... якъ-бі тільки Бѣга не побоявсь, то — бѣсѣвъ синъ — колибъ не те казавъ, що й... та ба!... лѣчче прикусѣть язикъ. Москаль не зачепѣ — лихо, а зачѣпишь — то й дѣсять. Я тільки, бачъ, грѣшний подѣмавъ: що хто чогѣ не тѣмить, то нехай и не тѣка тудѣ носа; нехай, я жъ кажѣ, вибачѣйте, зъою головою въ димъ не лізе.

Писавъ би й бѣльше, якъ вимовлять азбуку по-нашому, та, ей-Бѣгу, такъ тѣсно, якъ въ шинкѣ, що й повернѣтьця оттѣтъ нѣде.

Читатель, конечно, не оставилъ безъ вниманія стиховъ, которыми г. Артемовскій-Гумаць объясняетъ (надо сказать очень неловко и нескладно) и безъ того ясный смыслъ *Пана та Собаки*. Сцены дикаго произвола, подобныя представленной у г. Артемовскаго-Гулака, видно, дѣлали и сорокъ лѣтъ назадъ сильное впечатлѣніе на благороднѣйшія натуры: иначе — эта пьеса не была бы такъ популярна въ Украинѣ не только послѣ, но и до ея напечатанія. Г. Артемовскій-Гулакъ состоялъ въ литературномъ родствѣ съ авторомъ *перелицеванной Енеиды*, но, не смотря на то, одной ужъ темой перваго своего печатнаго произведенія придавъ украинскому слову достоинство, котораго оно въ литературѣ еще не имѣло. Языкъ г. Артемовскаго-Гулака также далеко чище, сильнѣе и разнообразнѣе языка Котляревскаго. Даже смѣшное у него является уже не въ каррикатурѣ дѣйствительно-

⁽¹⁾ Крайне нелѣпная опера князя Шаховскаго, *Козакъ Стихотворецъ*.
Н. К.

сти, а въ самомъ положеніи вещей. Простодушное, но не цѣнимое ни во что усердіе Рябка смѣшнѣ насъ, не оскорбляя нашего уваженія къ личности, заключенной въ его собачью шкуру, да и самъ авторъ ужъ далеку отъ смѣха Котляревскаго: каждая черта въ юмористической его живописи имѣетъ внутренній смыслъ, который придаетъ его смѣху достоинство благородной сатиры. При этомъ вся сфера дѣйствія определена у него съ артистическою любовью къ изображаемому предмету. Это ужъ не смѣшанныя черты и краски, которыми Котляревскій изображалъ народный бытъ, не тѣ разсчитанные на одинъ смѣхъ мазки, которыми онъ набрасывалъ бойцевъ, роющихъ носомъ землю, или боговъ, выглядывающихъ изъ небесъ,

Якъ жаби літомъ изъ росіи.

Въ его описаніяхъ мы видимъ картины, возбуждающія нашу улыбку наивною своею вѣрностью часто печальной дѣйствительности украинскаго захолустья.

Рябко на панському дворі не спить всю нічку.

Колибъ тобі на сміхъ було де видно свічку,

Або въ селі де на опічку

Майчивъ каганецъ.

Всі сплять, хрючуть,

А дѣ-які сопуть.

Ужѣ и панотецъ,

Прилізши изъ христинъ, до ўтрені попхався...

А нашъ Рябко, кажѣ, все спатки не вкладався.

Знай небораць ганя то въ той, то въ сей кутіокъ:

То зазирне въ курнікъ, то — дѣйко до свиніокъ!

Спитя: чи всі такі живенькі поросятка,

Индіки та качкі, курчятка й гусенятка?

То звідтіл навпростецъ

Махає до овець,

До клуні, до стіжківъ, до стані, до обори;

То зновъ назадъ чимъ дужъ, щобъ часомъ Москалі

(А їхъ тоді було до хріна на селі),

Щобъ Москалі, мовлявъ, не вбралісь до комори.

Разсказъ идетъ у г. Артемовскаго-Гулака въ строгой послѣдовательности и не заключаетъ въ себѣ ничего лишняго, что можно сказать только о весьма немногихъ изъ начинавшихъ писателей. Не все стихи у него одинаково безукоризненны и удачны, но изъ всей пьесы можно бы выбросить развѣ только послѣднее двустихіе, въ которомъ авторъ не

совсѣмъ удачно воспользовался извѣстнымъ каламбуромъ народнымъ:
круть-верть, а въ черепóчку смерть.

Пока читатель не вошелъ еще въ самую идею повѣтствованія, авторъ умѣлъ занять его мастерскимъ описаніемъ сферы, въ которой должно совершаться дѣйствіе, что — скажемъ опять — удастся немногимъ изъ начинающихъ, да и у писателей опытныхъ не рѣдко приступъ къ повѣсти обнаруживаетъ механизмъ авторства, за недостаткомъ истиннаго одушевленія своимъ предметомъ. Еще бы нѣсколько стиховъ — и вступительное описаніе повседневной жизни Рябка показалось бы растянутымъ. Но авторъ остановился во-время (признакъ таланта сильнаго) и вдругъ переходитъ отъ спокойной повѣсти къ траги-комедіи, гдѣ ужъ онъ окончательно овладѣваетъ читателемъ и до конца пьесы поддерживаетъ въ немъ живѣйшее участіе къ своему несчастному герою. Въ самомъ переходѣ этомъ показалъ авторъ мастерство, въ его время рѣдкое, избѣжавъ рѣзкости и внезапности, которая такъ часто встрѣчается въ сочиненіяхъ людей, не призванныхъ къ искусству. Онъ предупредилъ своего читателя двумя стихами, заставляющими ожидать чего-то чрезвычайнаго. Отъ этого слѣдующая картина, при всей своей бурѣ, не отдѣляется отъ предыдущей, не дѣлаетъ скачка, вообще вредящаго искусству, а составляетъ только новую сцену того же міра, въ которомъ происходила и первая, спокойная сцена траги-комедіи.

Здѣсь превосходно воспользовался авторъ тѣмъ комизмомъ, который заключается не въ словахъ и оборотахъ, а вытекаетъ изъ самого положенія вещей. Читатель, по приведенному стиху, догадывается, что Рябку предстоитъ горькая чаша, и въ поднявшемся со всѣхъ сторонъ зовѣ: *цу-цѹ, Рябко! на, нѣ!* слышитъ уже что-то зловѣщее; но простодушный и глупо-усердный Рябка судить о панской благодарности по себѣ. *Ось, ось я, бѣтечки!* восклицаетъ онъ радостно. Мастерское описаніе его собачьей увѣренности въ своихъ заслугахъ еще усиливаетъ грустный комизмъ его положенія:

Стрибѣ Рябко, вертѣть хвостомъ,

Ненѣче помеломъ,

И знай дурненький скѣлѣть зѹби

Та лиже гѹби.

»Ужѣ жъ бакъ, дѹма вінъ, не дѹрно це въ дворі

Одъ самої тобї зорї

Всі панькаютця коло мене:

Мабѹть самъ панъ звелѣвъ віддѣть Рябкѹ печѣне

И щб осталося варене,
За те, що, бачъ, Рябко всю Божу ніч не спавъ.»

За этимъ слѣдуетъ самое сильное мѣсто пьесы, вѣрное дѣйствительности. Обращу вниманіе читателя на счастливую черту, проведенную въ этой сценѣ. Когда дѣло доходить до грустнаго паѳоса, Рябко, въ крикъ своемъ, прибѣгаетъ къ комизму, истинно украинскому:

Не буду, батечку!... За щб се честь така?

Тяжелое чувство, стѣсняющее грудь читателя, облегчается смѣхомъ, и самая сцена, отталкивающая своимъ смысломъ, выходитъ отъ этого болѣе художественною.

Деруть Рябка, мовъ пір'я,

продолжаетъ авторъ, очень кстати маскируя каламбуромъ чувство собственной раздражительности, которое всегда вредитъ художественности изображеній. Если мы не имѣемъ достаточныхъ основаній признать въ немъ критическое самосознаніе творчества, то должны признать природный инстинктъ, который указалъ ему нѣсколько разъ, въ продолженіе этой оригинальной пьесы, какъ распорядиться на счетъ вниманія и впечатлѣній читателя.

»Пустіть! гукнулі всі: Рябко вже вдовольнівся!»

Не напиши онъ этого стиха, было бы долго еще непонятно, какъ смотрѣла дворянка на расправу Пана; но здѣсь, сквозь рабскую иронию, слышится состраданіе и убѣжденіе, что дальше съ Рябкомъ не осталось ничего дѣлать, если только во что-нибудь цѣнить его, какъ вещь, необходимую для панскаго двора. Этотъ стихъ, между прочимъ, составляетъ искусный и необходимый переходъ отъ панской катавасіи, отъ бурнаго хора траги-комедіи къ тихому соло безсильной жалобы, изливающейся въ безсильныхъ слезахъ:

»Чимъ, люде добрі, такъ оцѣ я провинився?

За щб глузуйте?» сказавъ нашъ неборакъ.

»За щб зпущаєтесь ви надо мною такъ?

За щб, за щб?» сказавъ, та й попустивъ патѣки,

Патѣки гіркихъ слізъ, узявши за бѣки.

Въ этой жалобѣ поражаетъ насъ — хотя конечно это случайность — то обстоятельство, что Рябко жалуется не на пана, а на *добрыхъ людей*. Этимъ онъ какъ-будто хочетъ сказать, что они, именно они вино-

ваты въ безмысленномъ его поступкѣ съ-существомъ, состоящимъ въ собачьей должности, что безъ нихъ его неистовства были бы не возможны, что онъ только знаменатель ихъ варварскаго образа мыслей и рабскаго ничтожества ихъ душъ. Едва ли былъ у автора разсчитать на то, чтобъ заронить въ умы читателей подобную мысль. Но художественный инстинктъ такое великое дѣло въ писателѣ, что иногда, мимо его вѣдома, дѣлаетъ изображаемый предметъ родникомъ разнообразныхъ идей и соображеній. Можно указать не одного писателя, который, подъ наитіемъ творчества, возбудилъ въ читателяхъ идеи, которыя никогда не посѣщали его головы въ видѣ философскихъ выводовъ изъ міросозерцанія.

Что касается до г. Артемовскаго-Гулака, то послѣдовавшія за *Паномъ та Собакою* его произведенія не обнаруживаютъ въ немъ высокаго строя мыслей, и въ чисто художественномъ отношеніи стоятъ ниже первой пробы пера. Что это значить? какъ это объяснить? Мы не находимъ другого отвѣта на эти вопросы, какъ только: что въ его время было еще рано писать подобныя вещи; что вокругъ него немного могло тогда найтись истинныхъ цѣнителей подобнаго произведенія, что вообще читающее общество тогдашнее взглянуло на *Пана та Собаку* не съ существенной стороны пьесы и разсмѣялось не тѣмъ смѣхомъ, какимъ, напримѣръ, сопровождались — безконечно, впрочемъ, высшія по художественности — творенія Гоголя. Талантъ во всѣ вѣка и во всѣхъ обществахъ — одна и та же сила, по своимъ природнымъ свойствамъ; проявленіе таланта въ той или другой формѣ зависитъ отъ общественнаго развитія, а возрастаніе его — отъ степени, въ какой необходимъ онъ своей средѣ для выраженія ея внутренней жизни. Посмотрите на Харьковъ и прикосновенныя съ нимъ провинціи сорокъ лѣтъ назадъ; взвѣсите моральное развитіе среды г. Артемовскаго-Гулака тогдашними профессорскими лекціями, книгами, выходившими въ Харьковѣ, и наконецъ самимъ журналомъ, въ которомъ помѣщенъ *Панъ та Собака*. Могло ли общество, стоявшее во главѣ просвѣщенія всей провинціи Харьковской и всей Украины вообще, оцѣнить эту пьесу по достоинству, какъ первый опытъ поэта, и поддержать его юношескія стремленія? Увы! еслибы даже это и случилось, то какіе сорокъ лѣтъ предстояли этому обществу въ его дальнѣйшемъ развитіи? Не было ли бы это странствованіе по пустыни Аравійской? а вождь и законодатель гдѣ? Г. Артемовскій-Гулакъ не годился для этой роли уже по одному тому, что въ окружающей его сферѣ не было побужденій, которыя заставляютъ массу ис-

катъ выхода изъ положенія, мертвящаго ея силы. Само общество не нуждалось въ моральному вождѣ, не чаяло его и, еслибъ онъ явился, то не признало бы. Вотъ почему, какъ намъ кажется, авторъ *Пана та Собаки* не только не шагнулъ впередъ, но въ слѣдующей же своей пьесѣ отступилъ назадъ и сталъ въ уровень съ требованіями своего времени и своей литературной среды. На этомъ уровнѣ онъ ужъ и держался во все время своего авторства, о прекращеніи котораго было странно бы сожалѣть критику нашего времени. Перепечатаемъ здѣсь *Солопія та Хіверю* изъ *Украинскаго Вѣстника*, составляющаго библиографическую рѣдкость. Все это ужъ давно покрыто забвеніемъ и должно показаться новымъ даже и для тѣхъ, кто читалъ *Украинскій Вѣстникъ* во время его циркуляціи. Въ этой растянутой пьесѣ г. Артемовскій-Гулакъ не похожъ на самого себя. Ничтожество идеи, вялость изложенія, разглагольствованія на мѣсто живыхъ образовъ — все это показываетъ, что юношескій благородный огонь, не получивъ поддержки со стороны общества, началъ пылать въ поэтической душѣ слабѣе прежняго. Одинъ языкъ не измѣнилъ автору *Пана та Собаки*; языкъ у него и здѣсь сохранилъ свою гибкость и разнообразіе.

СОЛОПІЙ ТА ХІВРЯ

АБО ГОРОХЪ ПРИ ДОРОЗІ.

Казка.

Vous voyez le grand gain, sans qu'il faille le dire,
Que de ses ports de mer le roi tous les ans tire;
Or l'avis, dont encore nul ne s'est avisé,
Est qu'il faut de la France—et c'est un coup aisé —
En fameux ports de mer mettre toutes les côtes;
Ce serait pour monter à des sommes tres hautes!

Molière, Les facheux, acte III, scene III.

Спромігся *Солопій* весною на горóхъ,
Та й сівши зъ *Хіверю*, собі міркують вь-двохъ:
Чи то продать ёго, чи то ёго посіять?
«А щó жь тутъ мірковать? не поліну́йсь провія́ть»,
Сказала *Хіверя* тутъ; «въ мішечки позсипай,
Та й сіять на поле підъ дощъ мерщій чухра́й!»
— «Вонó-то, *Хівере*, бачъ тутъ не за тимъ идётця;
Алє посіять такъ, якъ у людєй ведётця —
Нехай ёму лихє! — горóхъ ласєнька річъ,
И діворá за нимъ полізе хочъ у пічъ.

Ти жь рѣшешь сѣяти горбѣхъ на перелѣзі.
 Эй, *Хіоре*, перелігъ лежить нашъ при дорѣзі:
 Эй, обскубуть горбѣхъ нашъ зеленцемъ, побачь!...
 Въ лопаткахъ обнесуть... тогді хочь сядь, та й плачь!»

— «Якби вражої ти матері сумѣшъ?

Цуръ дурня! нависий! Чи ти жь тогѣ не чѣшъ,
 Що якъ урѣдить Богъ, то дасть на долю всіхъ?
 Чи се жь не глумъ тобі, не сѣромъ и не сміхъ, —
 Врагъ матіръ зна чогѣ безгладому жахатця?
 Та-дже жь, якъ кажутъ-то, коли вовківъ боитьця,
 То нічого ходить зъ сокірою и въ лісѣ.
 Пидь жь, кажь, та сій; не мимри тамъ пидь нісѣ!
 Аби лишъ, Гбсподи, на ниві намъ вродило,
 То буде намъ и всімъ; чи чѣшъ ти, *мурмило*?
 Не будь уїдливи и впартий, мовъ осѣ,
 Мовъ паровістий кінь: бо вілаю, якъ пса.»

— «Эй, *Хіоре*, *Солоній* сказавъ їй, «не сварися;
 Бо, дѣлибі, горбѣхъ нашъ згине! схаменися.

Пу, сількось... я пидь, посію, та не тамъ,
 А де-небѣдъ въ куткѣ, що й врагъ не найде самъ.»
 — «Не перебѣдью бо такъ довго, *Солонію*!

Бо я горбѣхъ сама де схочу, тамъ посію;
 Сама я й викошу, якъ треба на покісѣ,
 И ось тобі тогді я дѣлю дамъ пидь нісѣ!
 Але, мій голубе, прошу тебе по ласці:
 Послѣхай часомъ тихъ, що ходять и въ запасці;
 Плюнь, сѣрце, на тогѣ, хто такъ тобі сказавъ,
 Що буцімъ Богъ жінкамъ волѣсѣ довге давъ
 За те, що рѣзумъ їмъ укоротивъ чимало:
 То погань такъ верзла, школярство такъ брехало!
 А я жь-то й мужиківъ, круті ти не верті,
 Не разъ вже бачила такихъ дурнихъ, якъ ти!
 Оттакъ! — питай людѣй; бо той, хто їхъ питає,
 Мовъ старецъ безъ цїпка по стѣжкахъ не блукає.

Не разъ вже за двома зайцями ти ганявъ,
 За те жь ні одного гонившись не пиймавъ;
 Не разъ ти жаловавъ ухналиківъ старенькихъ,
 За те жь ти скілько вже згубивъ пидківъ новенькихъ!
 Оттакъ ти и теперъ горбѣхъ запропастишь,
 Коли бь ти самъ пропавъ!»

— «Чогѣ ти тамъ гарчийшь?»

Сказавъ нашъ *Солоній*; та й зъ сѣрця дѣйко зъ хати:
 Запрігши гѣлихъ вінъ, ну перелігъ орати.
 Зоравъ, посіавъ вінъ горбѣхъ, заволочивъ;
 Ажъ тутъ и дрібний дощъ рілля ѣго змочивъ.

Зійшовъ горбѣхъ, підрієхъ, зацвівъ увесь рясененько.
 Хто йшовъ, той приглядаєхъ горбѣхъ пілненько.
 Тимъ часомъ вже почавъ вбиватьця й въ лопатки;
 Ажъ тутъ прийшла черга и на самі стручки.
 Хто йде, горбѣхъ скубіє: гребецъ скубіє у жмєню;
 Іде косарь и жнець — нагарбають въ кишєню;
 Прискочить дїтворя, и въ пєлену смикне.
 Зібравъ нашъ *Солоній* горбѣхъ, та знай клинє,
 И на чімъ світъ стоїть по-сороміцькій лає;
 Усіхъ батьківъ съ того вінъ світа випвертає:
 »Стонадцять би копійць зъ рогами вамъ чортівъ!
 А!... бісївъ народе! коли бъ ти околівъ!
 Коли бъ ти кожнимъ бувъ стручєчкомъ подавився!
 Щобъ въ горлі вінъ тобі кілкомъ бувъ зупинився!
 Коли бъ щобъ тріснувъ бувъ одъ єго твій живіть,
 Ніжъ мавъ оцє мене ти посадить на лїдъ!
 Щобъ горошїночка въ твоїхъ кишкѣхъ бісовськихъ
 Такъ набубнявіла, якъ барабанъ москѣвський!«
 Багацько дє-чого співавъ тутъ *Солоній*,
 Молився за ввесь рїдъ хрещєний и за свій.
 То, вгамовавшись, зновъ до свого вертався;
 До *Хїєрі* сїкався, за макогінъ хватався;
 То зновъ по доброму ладу вінъ їй казавъ:
 »Бачъ, *Хїєре* нависня, що нашъ горбѣхъ пропавъ!
 Бачъ, шкѣпо бісова, чогό ти наробила!
 Та ти жъ мене навігъ оцє запронастила!«
 Іще смачнєньке щось хотівъ сказати вінъ їй....
 »Послўхай лишъ сюди«, сказала *Хїєря*, »стїй!
 Ужє, якъ бачу я, тебе не перепєрти:
 Хто дурнемъ уродівсь, тому дурнімъ и вмерти!
 Алє бъ, мовлявъ, іще сюди й туди зъ дурнімъ:
 Ось лихо та біда зъ дурнімъ, та ще й зъ лихимъ!
 Казала я тобі: що Богъ якъ намъ урідить,
 То бїде намъ и всімъ, и злбдїй не зашкідить.
 Ажъ такъ и єсть: хочъ ти посїявъ два мішкі,
 Хочъ, тїлько хто хотівъ, той наші рвавъ стручки —
 Пєхай єму въ корїєсть! а все жъ, хвалїти Бѣга,
 Зібравъ ти сїмъ мішківъ горбѣху зъ перелбга!
 Де пють, то тамъ и лють: безъ шкбди не бува,
 Абї здоровенька лишъ наша голова....
 Алє ти хочєшь, щобъ не їли кбзи сїпа,
 И сїті щобъ були? ой, мўдрий дўже зъ сїна!...
 Ну, цуръ тобі та пекъ! роби ти щб хотї:
 Орі, мелї и їжъ; хочъ гблову скруті!
 Про мене, я тепєрь и не роззївлю рбта....

Та вже жъ побачимо, якá тво́я робóта!
 Та й лю́де жъ, сіючи хочъ тра́тять, а орю́ть:
 То ду́рні, отъ якъ ти, несіяні ростуть.
 Эй, схаменёся ти, та пізно, *Солонію!*»
 — »Та вже жъ хочъ схамену́сь«, сказа́въ вінъ, »хочъ посію,
 Та не по тво́єму: зроблю́ якъ самъ умію;
 Зроблю́, щобъ и стручка́ піякий бісъ не вкравъ.«

Зробі́въ нашъ *Солоній*, якъ самъ здоро́вий зна́въ:
 Вінъ на дру́гу весну́ плугъ и разі́ забра́вши,
 И міжъ пше́ницею и жі́томъ поора́вши,
 Вь се́ре́дині́ горóхъ увесь засія́въ сві́й:
 »Тепе́ръ-то«, ду́ма нашъ дурне́нький *Солоній*,
 »Тепе́ръ-то мій горóхъ вже, ма́буть, розцві́тає!
 Неха́й цвіте́, неха́й тимъ ча́сомъ доспі́ває.
 Ось, якъ піду́ вь жнива́ пше́ниці й жі́та жать,
 То, ча́су ма́рне щобъ мовлі́въ не звако́вать,
 Скошу́ и сві́й горóхъ, вь ко́пці́ посклада́ю;
 То й зъ нимъ у́браюсь, и ра́зомъ жи́вть не зга́ю.«

Пішо́въ вь жнива́: та-ба! ні зёрна не заста́вть!
 Проці́ндривъ *Солоній* горóхъ и просви́ста́въ,
 А за горóхомъ вь-гурть и жі́то и пше́ницю,
 Бо тільки зо всёго́ солóмн взя́въ сь ко́пцю!
 А якъ же це? — Отта́к: проно́хали вь се́лі,
 Що *Солоній* горóхъ посія́въ на ріллі́
 Міжъ жі́томъ та помі́жъ пше́ницею сво́єю, —
 Дава́й ході́ть вь горóхъ!... ході́ли — и хідне́ю
 Пше́ницю й жі́то все такъ зма́ли та стовкля́,
 Що, сучий синъ, ко́лі и місце́ їхъ знайшли́.
 Щó жъ *Хіґра*? румсае! а щó жъ чини́ть небóзі?
 Якъ тільки жъ за́здріла *Роззя́ву* на порóзі,
 Зняла́ торбі́нки дві́ новісі́нькі зъ кі́лкі:
 »А бачъ, га́діюко, бачъ! ти жа́лова́въ стручка́;
 Тепе́ръ же зъ ді́тками безъ хлі́ба ми шма́тка!
 Бачъ, сі́пу га́спидський, чортóвський *Солонію!*
 До чо́го насъ до́вівъ ти, бісі́въ скупердя́го?
 Иди́ жъ тепе́ръ звідці́ль, щобъ тво́й и ду́хъ не пахъ!
 Не вмівъ сво́го, — носи́ жъ ти хлі́бъ чу́жий вь торба́хъ.«
 Ска́зала, та й торбі́ на ёго́ почі́пля́ла,
 И міжъ старці́в, мовъ пса, *Солоній* прогна́ла!...

Послу́хайте мене́, ви всі, *Солоні́й*,
 Що зна́й му́дрете, и го́лови свої́
 Чортъ-ба́тька-зна на́дъ чимъ морóчите до ка́та:

Якъ въ борщъ, замість курчятъ, намъ класти кошенята;
 Якъ груші на вербі и дүлі вамъ ростуть;
 Якъ істи *дазбига*, та ще й гладкими бутъ;
 Якъ локшину варить для війська изъ папёру;
 Якъ квашу намъ робить зъ чорніла и тетёрю;
 Якъ борошно молоть безъ жорнівъ язикомъ;
 Якъ бджоли годовать безъ мёду часникомъ;
 Якъ кохви пить панамъ съ квасолі зъ буряками;
 Якъ ниви засівать, безъ сімья, кізяками;
 Якъ зъ кожного зерна сімъ кварть горілки гнать;
 Якъ сіно намъ перомъ косить, якъ кіньми жать,
 Щобъ людамъ и сніпкѣ не дать на заробітокъ,
 И пташці ні зерна погодовати дітокъ....
 Заплійте лишъ оцю, скажені ви, брехню:
Де треба рўки грить, тамъ треба и огиб!
 Та вже зъ васъ не одинъ оравъ підъ небесами;
 А якъ на зёмлю злізъ, — пішовъ въ старці съ торбами!...

Заключительные стихи *Солопїя та Хіврі* имѣютъ смыслъ двоякій. Въ нихъ выразились: во-первыхъ, недовѣрчивость тогдашняго провинціального общества къ новѣйшимъ способамъ жизни вообще; во-вторыхъ, осужденіе людей, которые воображаютъ, что можно сдѣлать скачокъ изъ одного столѣтія въ другое и, посредствомъ механическихъ приѣмовъ, заставить варварское общество жить образованною жизнію другихъ, дослуживавшихся до лучшей участи, народовъ. Очевидно, что Г. Артемовскій-Гулакъ въ этой пьесѣ былъ органомъ только убѣжденій первой категоріи: иначе онъ бы всю пьесу повернулъ ко второму, случайному смыслу своихъ стиховъ, котораго они въ то время не могли имѣть для большинства его читателей. Мысли его наклонились — но и то неопредѣленно — въ эту сторону только потому, что онъ, пиша по-украински, необходимо долженъ былъ взглянуть на предметъ своего сочиненія глазами простолюдина. Народная муза, за одно то, что онъ не отчуждался ея языка, подсказала ему здѣсь прекрасное двустишіе, которое не мѣшало бы принимать къ соображенію почаше и нынѣшнимъ экономистамъ:

Щобъ людамъ и сніпкѣ не дать на заробітокъ,
 И пташці ні зерна — погодовати дітокъ.

Что касается до первой, главной половины смысла, какой угодно было автору придать своей пьесѣ, то общество и тутъ наложило на его талантъ свои оковы. Въ то время всѣ нововводители казались людямъ благоразумнымъ Донъ-Кихотами. Г. Артемовскій-Гулакъ, видно, не понималъ различія, какое полагаетъ греческій Платонъ между поэзією

благоразумныхъ и поэзією безумствующихъ, и очутился на сторонѣ первыхъ. Онъ былъ не въ силахъ провидѣть въ этихъ Донъ-Кихотахъ ихъ преемниковъ, которые, наслѣдовавъ ихъ великодушіе, позаботятся о болѣе точномъ ознакомленіи съ предметомъ и пошире и посвѣтлѣе взглянуть вокругъ себя. Усилія науки войти въ самую жизнь съ каждымъ годомъ оправдываются новыми успѣхами, и теперь ужъ иное впечатлѣніе производятъ стихи, которые г. Артемовскій-Гулакъ помѣстилъ въ заключеніе своей пьесы, какъ самый громкій аккордъ:

Та вже зъ васъ не оди́нь ора́въ підъ небеса́ми,
А якъ на зе́млю злі́зъ — пішо́въ въ старці́ зъ горба́ми.

Подобно тому, какъ велѣдъ за Бартомъ и Овервегомъ, не смотря на всѣ ихъ неудачи и страданія, отправлялись и отправляются путешественники во внутреннюю Африку, такъ и въ область сельско-хозяйственныхъ опытовъ пускаются одинъ за другимъ великодушно-предпріимчивые люди, на которыхъ и теперь еще милая наша родина, изъ своихъ уѣздныхъ и губернскихъ городовъ, смотритъ тысячами глазъ, какъ на сумасбродовъ. Разница, впрочемъ, та между усиліями современныхъ намъ дѣятелей экономического прогресса и ихъ предшественниками, что теперь съ каждымъ годомъ виѣдряется болѣе и болѣе въ мыслящей части общества убѣжденіе: что не единицы развитія, а развитія массы создаютъ благоденствіе края. Въ старину на массу не обращали вниманія, вырывались изъ нея впередъ и этимъ самымъ дѣлались иностранцами посреди собственнаго народа. Естественно, что просвѣщенные усилія подобныхъ единицъ были смѣшны въ глазахъ непонимаваго ихъ общества, и г. Артемовскій-Гулакъ, поэтому, не совсѣмъ неправъ въ своихъ насмѣшкахъ надъ современными ему учеными агрономами. Жаль только, что онъ своимъ талантомъ сослужилъ службу облѣбившимся рутинистамъ и такимъ образомъ унижилъ искусство и самой дидактикою, и примѣненіемъ ея къ дѣлу жизни.

За *Солопѣмъ та Хіврею* слѣдуетъ объясненіе въ родѣ того, что и послѣ *Пана та Собаки*. Дико читать намъ теперь эти юродивыя разглагольствованія въ духѣ *Енеиды* Котляревскаго; но въ то время подобный тонъ удовлетворялъ земляковъ нашихъ, и они помирали со смѣху надъ фразами, перенесенными изъ кабака въ типографію. Дальше этого тона тогдашняя проза не ходила. И при всемъ томъ замѣтно въ авторѣ стремленіе выставить нелѣпость украинскаго аристократизма, стремленіе благородное, но неоправдавшееся ни на историческія понятія о своемъ на-

родѣ, ни на убѣжденія лучшей части современнаго общества, и потому безсильное и, можно сказать, преждевременное. Какъ памятникъ первыхъ попытокъ заговорить въ журналѣ на родномъ языкѣ въ прозѣ, мы приводимъ здѣсь объясненіе г. Артемовскаго-Гулака, напечатанное имъ въ видѣ примѣчанія къ *Соловій та Хівря*.

ПИСУЛКА

до того, котрый що-Бѣжого місяця Українського Гінця по
всіхъ усюдахъ розсилає.

Євграпе!

Бажавъ еси казки: отъ-тобі *Соловій та Хівря*! Не здивуй самъ, та нехай вибачить и громада, коли казка не до-шмигн. Самъ бачивъ еси, та дѣякимъ и не повилазило, що я захирівъ такъ, що й головѣ не підведѣ; та ще мѣже й доведѣтца вистоятъ добрий калантірь у домовині! А вже, самъ здоровъ знаєшъ, що лѣжачи не далѣко зайдешъ; я жъ кажу: лѣжачи якъ робѣта? Вонѣ, Євграпе, лѣжачи добре тільки панамъ: імъ скрізь спірно йде робѣта; бо хочъ и лѣжні нападуть, то вони все такі дармо часу не згають; крикнуть: *давай*, — дають; а коли *нема*? — то бьютъ. Кого? Оце кого! уже жъ не собаку! А коли биття обридне? то що жъ! то карти мнуть. Эгѣ! та все такі мнуть, та все такі не гуляють! Та ще й пані, Євграпе, не всі такі трудящі: бо инший паномъ уродивсь, паномъ охрестивсь, паномъ и зрісъ; а далѣбѣ и мужикъ клеznąть не вмѣ, — оттакѣ лихо!... Такий у насъ, бря, и підъ Харьковымъ недалѣчко: ось хочъ би й... не хѣчу! не хѣчу! ей-Бѣгу, не скажу! гріхъ! Я у ёго хлѣбъ-сіль ївъ; а ти хѣчешъ, щобъ я виявивъ, що вінъ ні въ карти гратъ не тямить, ні мужиківъ лупить не вмѣ. Та й зъ насъ, Євграпе, не якъ робѣта. Ище жъ то, мовлявъ, тобі и сякъ и такъ; бо тобі дѣ-що йноді и черезъ дзвінку перелізе; а я такий пришепеловатий, що й сибѣ дурниці не втну. Та я то трѣхи и въ картахъ шпую, бо такі зъ першого погляду, якъ тільки побачу, що зъ однимъ окомъ, то такі заразъ и вгадаю, що тѣ, мабуть, найстарший. Я такъ, Євграпе, часомъ и людей пізнаю: якъ тільки заздрю кого, що хочъ свої родимі притаманні ще й не повилазили, та вже, бачъ, дивитця въ однѣ чужѣ кожному підъ нісъ, мовъ ёго не добачає, то я такі заразъ, сучий спить, коли не вгадаю, що тѣ мабуть найстарший дурень. Ой, щось я дуже брізнувъ! колибъ лишъ нѣжницѣ на столі не обізвѣались! Та вже жъ, матері їхъ ковінька! Чи бѣдуть битъ, то нехай бьютъ; уже менѣ не такі били, та й ті не багачько добра вибили. Уже, я жъ кажу, мені гірше не бѣде; я вже й такъ пью добру пѣвну: отъ, лежу та стогну, та вожусь изъ знахурами, неначе кітъ изъ оселѣдцемъ. Ище разъ тобі кажу — що лѣжачи не якъ робѣта: ось *Пана та Собаку* и сидячи написавъ, та ще й то дѣ-котримъ панамъ, мѣже, такъ догодивъ, якъ *Рябко* своєму. Що жъ чинить, Євграпе! Дурнямъ, якъ-то кажуть, самъ Богъ не вгодить. Та вже-то вонѣ гріхъ казати, бо могѣ *Рябка* у самому Петен-

бурсі, у Москві и скрізь такі гладыли не протівь шерсти и приймали, неіа́че ко́го й до́брого; такъ отъ же, бачъ, все такі у де-якихъ підп'я́нківъ шапкі на голові загорілись! Бода́й вони́ такъ на світі булі, якъ мені кортіло зъ німи грізнись: цуръ імъ, пекъ імъ, осі́на імъ, ма́ріна! То до́брого, мовлявъ, пола́й и покарта́й, — а вінъ тобі ще й поклони́тця, а леда́чому що́? ти ёму́ образі, а вінъ тобі лубля! Неха́й вони́ тямля́тця! Леда́чого, мовлявъ нашъ Онопрі́й, не займа́й — и самъ себе не каля́й; уже́ горба́того, Ёвгра́пе, хибá моги́ла спра́вить. Отта́къ-то, го́лубе! Лі́хо й зъ пра́вдою, лі́хо й зъ брехне́ю: за пра́вду бьють, за брехні́ю віри не да́ють. Отта́ка лови́ся! що́ сучи́й синъ, коли́ зна́єшь, куди́ на світі й поверну́тьця. Що́ жъ робі́ть? Мовча́ть? Та́д же жъ мовчу́, коли́бъ уже́ імъ за́щипло! Я жъ-то вже й кажу́, Ёвгра́пе: що́ нема́ ёго́ й на світі, якъ изъ сво́єю рідне́ю — зъ мужико́мъ: чи поску́бтись, чи побі́тьця, чи й поми́р'ятьця, то все воно́, такі́ сказа́но, сві́й бра́ть. Я жъ то одъ то́го о́це и на *Соло́пія* на́па́вся: адже́ жъ пані́въ нема́ *Солопі́въ*? Якъ ти дума́єшь, Ёвгра́пе? Ти писме́нніши́й відъ мене, ти ба́гато де-чо́го шу́пишь; ти вже бува́въ у бува́льця́хъ; ти вже, я жъ кажу́, бувъ и на ко́ні и підъ ко́не́мъ. Скажи́, будь ла́скавъ, Ёвгра́пе, чи нема́ се́го́ іме́ння міжъ пана́ми? щобъ мені́ ча́сомъ грі́ха не взяти́ на ду́шу. А то опану́е мене́ ли́ха та неща́слива го́діна, якъ ча́сомъ, кри́й Бо́же, изъ-помі́жъ панкі́въ вірветця́ не оди́нь *Соло́пія*! Бо́ вже у мене́ щось не дурно́ свербі́ть чупрі́на: э́й, та бу́дуть би́ть скаже́ні! Та́ вже жъ, сі́лько́сь, неха́й бьють; уже́ зъ насъ, Ёвгра́пе, неба́гацько олі́й ви́бьють. А́би лишъ, Го́споди, мені́ до сме́рти, а сме́рть мо́я не за го́рами, а тамъ я й ду́лю імъ ви́ставляю! Бері́, Ёвгра́пе, ка́зку. Що́ бу́де, то бу́де, а бу́де те́, що́ Богъ на́мъ дасть. Бері́, кажу́, *Соло́пія*, неси́ вь дрюка́рню, неха́й твій Мико́ла дрю́ке: я жъ кажу́, коли́ вовка ля́ка́тьця, то и вь лі́с не йти. Не та́кий чортъ стра́шний, якъ ёго́ малю́ють!

Слѣдующая пьеса г. Артемовскаго-Гулака замѣчательна безцвѣтностью стиха и тупостью сатиры. Она направлена на кого-то изъ тогдашнихъ авторовъ харьковскихъ и, вѣроятно, имѣла мѣстный интересъ, но, какъ почти все подобныя произведенія, не производит на посторонняго читателя никакого впечатлѣнья, кромѣ скуки. Авторъ писалъ эту вещь въ болѣзненномъ состояніи, какъ это видно изъ примѣчанія издателя. Потому, можетъ быть, она и вышла плоше всего, что намъ извѣстно изъ его печатныхъ украинскихъ стихотвореній. Появилась она въ *Украинскомъ Вѣстникѣ* съ французскимъ эпиграфомъ собственнаго авторскаго сочиненія, который и мы удерживаемъ въ нашей перепечаткѣ.

ТЮХТІЙ ТА ЧВАНЬКО.

Побрежєнка.

Mes jours sont le tissu d'un contraste étonnant:
 Je ne vis qu'en pleurant, et je mourrai riant!
 L'amour, pour tant de coeurs l'object de plus doux charmes,
 Fut pour le mien la source et des maux et des larmes!
 Pour adoucir mon sort et mes regrets cuisants,
 En poussant des soupirs j'écris des vers plaisants.
 Qu'ils sont droles, ma foi, ces destins que les notres!
 Quoi!... je pleure, et morbleu! j'en fais rire les autres!

Нашъ Віршомазъ *Тюхтій* старіхъ людей шанує,
Гарасько якъ звелівъ, вінъ такъ и компоує.

Чи справжки, чи й на жарть що тільки написавъ,
 То такъ на девять рікъ те въ скріню и запхавъ!

А на десятий рікъ якъ вийме, прочитає:

Побачить самъ здоровъ, що тамъ ладъ бісѣ має;

То въ грѣбу такъ такі и впре шпаргала все!

Отъ братъ єго *Чванько* слабкий уже на се:

Що начеркавъ, то такъ въ дрюкарню и несє!

Алє громада їхъ однако поважає:

Того ні сномъ не зна, другого не читає.

Скажѣть, будь ласкаві: хто зъ їхъ дурніший двохъ?

Та глѣзду, грѣхъ казати, скупенько у обохъ!

Такъ перший же хочъ тимъ за працію надолужить,

Що въ девять рікъ хочъ разъ тепломъ собі услужить;

Другий такий дурний, що мєрзне вінъ, дрижѣть,

А книжокъ же єго сѣ пять сажнівъ такъ лежѣть!...

ДЕ-ЩО ПРО ГАРАСЬКА.

Вонѣ-то, бачъ, по нашому *Гарасько*; а по-москѣвській *Гораций*. О! вже вони хочъ що, то по свѣму перековерсають. Тамъ-то вже предивѣна єму мова! Отъ часомъ трапитця такъ, що зъ годину стоїшъ передъ нимъ, а вінъ тобі січє та руба: що жъ? пєсь, коли й слівцє уторбнаєшъ, що вінъ тамъ гергоче!! Отъ тільки бѣцїмъ-то й дочуваєшъ: *вотъ* та *вотъ*; та *штіо*, та *штіо*; та *гаварю-кажѣ*, *гаварю-кажѣ*!!... а що вінъ тамъ тобі *говорить-каже*, тогѣ, далибі, й зъ попомъ не розберєшъ! Пшє бъ то щось казавъ, бо язїкъ дѣже свербѣть; та цуръ їмъ: у насъ, бачъ, уся старшина москѣвська, чи то далєко до ліха? Я жъ кажѣ — цуръ їмъ: візьмєшъ, якъ-то кажуть, личкомъ, а оддасї ремінцємъ.... Я-то тільки, знаєшъ, хотївъ казати отъ про тогѣ *Гараська*, бо вінъ уже подавно казавъ: що коли вже Лудїпїрь підцькує когѣ маглювати вірші, то нехай наязбонить та й *попим premet in appuit*. Вінъ-то оцє казавъ, бачъ, *политеїнський*, — бо вінъ бувъ, собі на лихо, *Литоїнъ*; а по-нашому, то во-

но зна́читця ще: що коли вже написавъ щб, то нехай куді запровтб-
рить такъ, щббъ тільки мйші та пацюкі про те знали.

Одже я ёго часомъ, такъ якъ и *Чванько*, не дуже-то слухаю — байдуже!
Инше діло у Литві, а йнша річъ у Москві: може, воно тамъ колись и до-
бре було. А у насъ тії погані *віршомазіи* стільки наплодилось, що, якъ
би кожний ховавъ те на десьаь рікъ, що за годину набазгра, то бь нйде
було чоловікові й хати нанять за папёрами!...

Ви, дурні, я жь кажу, на се лишь не вважайте;

Людей пита́йтеся, та й свій ви розумъ майте.

Не вамъ *Гарасько* сей ука́зъ скомпонува́в:

Винь самъ розу́мний бувъ, розу́мнимъ и писа́въ;

Пиши́ть, и крамарі́въ, папе́рниківъ годуйте!

У насъ холо́дний край, а лісь ставъ доро́гий;

Дурні́ ні по́-чому: що сту́пишъ, то й дурні́й.

Пиши́ть, будь ла́скаві, — подя́кують вамъ лю́де:

За дурня́ми та й всімъ розу́мнимъ те́пло бу́де....

На этихъ трехъ пьесахъ, столь неравныхъ по достоинству, утвер-
дилась извѣстность г. Артемовскаго-Гулака, какъ украинскаго поэта.
Но это было не все, что написалъ онъ: ходили въ рукописи оды его,
переложенныя изъ Горация, баллада *Твердовський*, переведенная изъ
Мицкевича, и еще кое-что. *Твердовський* появился въ печати въ жур-
наль *Славянинъ* 1827 года; прочія стихотворенія напечатаны въ *Ут-
ренней Звѣздѣ*, альманахъ 1834. Уже по одному тому, что это пере-
воды и передѣлки съ чужого, нельзя ихъ ставить наравнѣ съ первымъ
его опытомъ, хотя языкъ въ нихъ до того хорошъ, что дѣлается груст-
но, зачѣмъ было автору останавливаться на пробѣ пера! Предостав-
ляемъ судить самому читателю:

ТВЕРДОВСЬКИЙ

Малороссійская баллада.

»Нѣте, хлопці! швидко, шпарко!

Музики, заграйте!

Гей, шинкарю! гей, шинкарко!

Горілки давайте!»

Ріжуть скрипки и бандури!

Дівчата гошціють;

Хлопці, пійть ажъ летця зъ шкури,

Коло їхъ гарціють.

Бряжчѣть чаркѣ, люлькѣ шкварчѣть,
 Шумѣе горѣлка;
 Стукъ, гармидеръ, — свистѣть, кричѣть,
 Голосить сопѣлка.

Панъ Твердѣвський въ кінці столѣ
 Съ поставцѣй черкае:
 »Гуляй душа! тра-ла-ла-ла!«
 На весь шинкѣ гукѣе!

Въ бѣтька й мѣтѣрь отѣмана
 И громаду лае;
 Скрутивъ жѣда, якъ Гѣмана,
 Ще й ѣсомъ моргае!

Сикнувся уланъ, — вінъ вздовжъ єго
 Шаблюкою тріснувъ.
 Уланъ — тю-тю! га-га! го-го! —
 Зѣйцемъ въ куткѣ пріснувъ!

Взявъ набѣкирь писаръ шапку:
 Панъ грѣшнѣ забрязкавъ;
 Ажъ гулькѣ! — писаръ верть въ собаку,
 И на всѣхъ загавкавъ.

А шевцѣви панъ Твердѣвський
 Въ такі знакѣ дався,
 Що, мабуть, изъ часъ москѣвський
 Барѣломъ качався.

Въ нѣсъ втерѣбивъ двѣ бурѣльки;
 Зъ бурулѣкъ, мовъ зъ кѣхви,
 Бѣють пѣдъ стѣлю черезъ рѣльки
 Джерѣла сивѣхи.

Бѣють джерѣла.... панъ-гульвіса
 Кѣхоль пѣдставляе;
 Ажъ зиркѣ въ кѣхоль — що у бѣса?
 Вѣюнъ на днѣ играе!

»Духъ Святѣй, мирѣне, зъ нами!
 Вѣлупѣть лишъ бѣньки!«
 Вѣюнъ утѣкъ, а цапъ зъ рогами
 Вѣлазѣть изъ шклянки.

Мекнувъ, мовъ ёго родімець
 Почавъ мордувати,
 Та й стрибъ въ комінъ; ажъ гулькь — Німець
 Стоїть середъ хати!

Нісь — карлючка, ротъ свинячий,
 Гіря вся въ щітині;
 Ніжки кúрячі, собачий
 Хвістъ, ріжки цапні!

Дригъ ногою! круть ріжками!
 Въ поясъ поклонівся:
 »Ну, Твердовський, часъ, изъ нами
 Щобъ ти расплатівся!

»Гулявъ есї, верховодивъ,
 Усімъ въ знакі дався;
 Дівчатъ любивъ, жінокъ зводивъ,
 Надъ всіми знущався.

»Чого душа забажала,
 Мавъ всёго ти стільки!..
 Курей, ковбасъ, мяса й сала,
 Бочками горілки.

»Нагрівъ и намъ ти чупріну,
 Якъ самъ здоровъ знаєшь:
 Окульбачишъ, мовъ скотіну,
 Та всюди й гасєшь!

»Годі глузувать зъ чортами!
 Слова — не полба:
 Чи забúвъ, яка міжъ нами
 Зъ тоббою умова?

»Ліса горá.... брїтва.... палець....
 Папéру півъ кáрти....
 Гáйда въ пéкло! кровъ не смáлець,
 Зъ чортами не жáрти.

»Въ пісьмі стоїть (читáй сміло):
На кагáлэ бісовський
Зъ начинкою дúшу й тіло
Одписавъ Твердовський.

Служить ёмѹ чортѹ мають
 (Такъ прийшлось въ умову),
 Поки въ Рѣмі не піймають.
 Аминь сѣму слову!

»Що теперъ, Твердовський, буде,
 Про те въ пеклі знають:
 Сю корчмѹ хрещені люде
 Рѣмомъ називають.»

— »Бачъ, чортїка! бачъ, падлюка!
 Якъ умудрувася!
 Се вже, бачъ, німецька штѹка»,
 Твердовський озвася.

»Та вже жъ, чи йти въ пекло справді,
 То й підемъ, байдуже!
 Але й ти роби по правді
 И не чванься дуже.

»Заглянь въ контрактъ твій зо мною,
 Якá тамъ умова?
 Ще три штѹки за тобою;
 Вітнешъ — ні півъ-слова!

»Отъ бачъ, висить надъ дверима,
 Завбільшки изъ цапа,
 Передъ твоїми очима
 Малівана шкапа!

»Нехай шкапа підо мною
 Огиремъ гарцює;
 Нехай крутить головою,
 Стриба и басѹє.

»Ти, тимъ часомъ, піску въ жмѣню:
 Гаряпникъ тройчатий
 Сплеті зъ піску, якъ зъ ремѣню,
 Коня поганяти.

»Ще жъ попасать коня трѣба,
 Стать на одпочінокъ:
 То вже, гляді, щобъ якъ зъ неба
 Вродівся будінокъ, —

»Будінокъ зъ лупинъ горіха,
 Оттамъ за байракомъ;
 Изъ борідь жидівськихъ стріха,
 Цвяхована макомъ.

»Отъ и гвіздокъ на починокъ,
 Чверть локтя завдбжжж;
 По три въ кожну вбий зъ мацінокъ,
 А менше ні трішки.»

Бісъ перістий свіснувъ, класнувъ, —
 Ажъ кінь вже басує;
 Батігъ зъ піску въ руці ліснувъ.
 Твердівський сумує.

Скікъ въ стреміна, давай дріза....
 Ажъ — що за одмінокъ? —
 Стріха въ хмарахъ забиццала,
 И стоить будінокъ!

»Вігравъ справу! Бачъ, псяюха,
 Здихавсь, мовъ скажений!
 Ну, теперъ скупайсь по ўха
 Въ водіці свяченій.»

— »Змілуйсь, свате, я въ сій зъ роду
 Лазні не купався.
 Скорчивсь, зморщивсь, — шубовствъ въ воду!
 Та й назадь порвався.

Захлинувся, чхнувъ и пріснувъ;
 Трійчи закрутівся,
 Трійчи тупнувъ, трійчи свіснувъ,
 Ажъ шинкъ затрусився.

Хмара якъ нічъ налетіла,
 И сонце сховалося;
 Галоць, крюківъ, воронъ сіла
 На стрісі зібралося!

Крюкають, кавчять, мекечуть
 Всіми голосами:
 То завійють, то шепечуть,
 Бряжчять ланцюгами!

»Ну, Твердовський, другу справу
Віграли чортяки.«

— »Не кваптесь лиш, ще на славу
Втру я вамь кабаки.

»Куць програвъ, куць вигравъ справу, —
Ще якъ доведѣтца.
Виграй трѣтю. Глянь на лаву:
Що тобі здаѣтца?

»Цмоќнись зъ жінкою моєю,
Вона твоя буде;
Якъ я живъ на свѣті зъ нею —
Про те знають люде.

»Будь ти їй за чоловіка
(Остатня умова),
Присягайся любити до віка,
Та тоді й ні слова!

»Нехай піпъ вамъ рѹки зв'яже.
Теперъ, по сій мові,
Люде добрі, що чортъ скаже —
Бувайте здорові!«

А чортові не-до-сбли;
Хвостикомъ киває,
Нісь скопівивъ, мовъ гринджбли,
И дверей шукає.

Стрибъ по хаті, хапъ за клямку;
Твердовський по піці,
Трісь по гірі! — розбивъ шклянку
И горщикъ зъ полиці.

»Эй, не бийсь, кажѹ, Твердовський!
Гвалтъ, рятуйте, люде!
Бо вілаю по-бісовській,
Тяжко слухать буде.«

А тимъ часомъ скікъ къ одвірку —
Пу ціломъ стрибати!
Зъ прогбнича зүздрівъ дірку,
Та й шморгнувъ изъ хати....

»Ой! держіть, ловіть псяюху!«
 Усі загукали;
 А псяюхи нема й дѣху:
 Поминай, якъ звали!

»Жінко люба, гбді плакати«,
 Твердівський озвѣс:
 »Хотівъ зъ чортомъ васъ посвѣтати,
 Та й чортъ излякався.

»Мабуть, всі чорті — бурлаки
 Та ще й рбзумъ мають,
 Знають, де зймуть раки —
 Одъ жінокъ втікають.

»Мбже, въ пеклі інше діло;
 Въ насъ сего немає:
 Жінка гризе дѣшу й тіло,
 Мужикъ попиває.

»Нйте жъ, хлопці, швидко, шпарко!
 Музики, заграйте!
 Гей, шинкарю! Гей, шинкарько!
 Горілки давайте!«

РИБАЛКА.

Малороссійская баллада.

Das Wasser rauscht, das Wasser schvöll.
 Ein Fischer sass daran,
 Sah nach dem Angel ruhevoll,
 Kühl bis ans Herz hinan.

Gothe.

Водѣ шумить!... водѣ гуля!...
 На березі Рибалка молоденький
 На поплавецъ глядѣть и примовля:
 Ловітця, рибонькі, великі и маленькі!

Що рибка смикъ, то серце тѣхъ!...
 Серденько щось Рибалочці віщує:
 Чи то тугу, чи то переполохъ,
 Чи то коханнячко?... не зна вінъ, а сумує.

Сумує вінъ, — ажъ ось реве!
 Ажъ ось гуде! — и хвиля утікає!...

Ажъ — гулькѣ!... зъ воді дівчинонька пливѣ,

И косу счісує, и брівками моргає....

Вона й морга, вона й співа:

»Гей! гей! не падь, *Рибалко* молоденький,

»На зра́дний такъ ні щу́ки, ні ли́на!...

»На щб ти нівечи́шъ мій рідъ и плідъ любе́нький?

»Коли́бъ ти знавъ, якъ *Рибалка*мъ

»У морі житъ изъ рибками гарне́нько,

»Ти бъ самъ пірну́въ на дно къ ли́на́тъ

»И парубо́цькее одда́въ би намъ серде́нько!

»Ти жъ ба́чивъ самъ, — не ска́жешъ: *ні*,—

»Якъ со́нечко и міся́ць червоне́нький

»Хлюпо́щутця у насъ въ воді на дні

»И изъ воді на сві́тъ вихо́дять веселе́нькі!

»Ти жъ ба́чивъ самъ, якъ въ те́мну ні́чь

»Бли́щя́тъ у насъ зіро́ньки підъ водо́ю:

»Ходи́ жъ до насъ, покíнь ти ў́дку прі́чть!

»Зо мно́ю бу́дешъ житъ, якъ бра́ть живе́ зъ сестро́ю!

»Зи́рний сюди́!... чи се жъ вода́?...

»Се дзе́ркало: глянь на свою́ уро́ду!...

»Ой, я не зъ тимъ при́йшла сю́да,

»Щобъ намовля́тъ зъ воді на па́рубка незго́ду!»

Вода́ шуми́тъ!... вода́ гуде́....

И ні́женьки по кісточкі́ займа́є!...

Рибалка вставъ, *Рибалка* йде,

То спі́нитця, то впа́ть все глі́бшене́ько пірна́є!...

Вона́ жъ морга́, вона́ й співа́....

Гулькѣ!... прі́снули на сі́німъ морі ска́лки!...

Рибалка хлюпъ!... За нимъ шу́бовсть вона́!...

И бі́льше вже ні́гдѣ не ба́чили *Рибалки*!...

БАТЬКО ТА СИНЪ.

Басня.

»Эй, Хведьку, вчись! Эй, схаменісь!»

Такъ Паноте́ць ка́завъ свої́ дити́ні:

»Шану́йсь! бо, да́либі, коли́сь

Тму, мну, здо, тло — спи́шъ на спи́ні!»

Хведько́ не вчивсь — и скоштува́въ

Березово́ї ка́шки,

Та впа́ть не вчивсь и пуста́ва́въ:

Побівъ шибкі п пляшки;
 И щобъ не скоштуваъ одъ Батька різочокъ,
 Вінъ різку вперъ въ огонь, та й заховавсь въ кутокъ.
 Ажъ батько за чубъ хіпъ! и, не знайшовши різки,
 Дрючкомъ Хведька разівъ изъ шість оперезавъ!...

Тоді Хведько крізь слізки

Такъ Батькові сказавъ:

»Колибъ було знаття, що гаснидська дрючина

Такъ дуже дошкулі, то, песька я дитина,

Колибъ я такъ робивъ:

Я бъ вперъ дрючокъ въ огонь, а різки бъ не паливъ!

РИБКА.

Басня.

Въ ставочку Пліточка дрібненька

Зъ нечевья зүздріла на ўдці червяка,

И такъ була раденька!

И думка-то була така,

Щобъ підвечірувать смачненько.

Ну, дѣймо до ёго швиденько!

То зъ-ббку ускубне,

То зъ-переду поцүпить,

То хвостика лизне,

То зъ-нізу внять підстүпить,

То вірне, то пірне,

То сіпне, то смикне,

Вовтузитця, ялзтитця и пріе,

Та ба! те ротиня такє узеньке, бачъ,

Що нічого не вдіе!

Хочъ сядь, та й плачь!

»Ой горенько мені на світоньку«, мовляє,

»За що менє такъ доля зневажає?

Тимъ пельку и живітъ дала сь ковальскій міхъ,

Тимъ зүби мовъ шпичкі, а намъ, на глумъ, на сміхъ,

Ротъ шпилькою неначе простроміла!...

Ой, правду дідина небога говорила:

Що тільки на світі великимъ риbamъ жити!

А намъ малимъ въ кулакъ трубить!»

Такъ Пліточка въ воді на долю нарікає,

А на гачкү червякъ все хвостикомъ киває!...

Червякъ кива, — ажъ ось, зі дна

Гулькъ Щука! бовть!... вона

За ўдку хіпъ!

А ўдка сіпъ!

Зъ воді шуббвствъ въ окріпъ!...
 »Ой лішечко! оцѣ жъ якъ дядина збрехала!...«
 Изъ ліку Пліточка сказала,
 И більшъ не скържилась на долю пліточокъ,
 За ласенький на ўдочці шматокъ:
 Що Богъ пославъ, — чи то багáто, чи то трóшки —
 Въ кушіръ залізни, іла мóвчки.

ДО ПАРХОМА.

I.

*Aequam memento rebus in arduis
 Servare mentem: non secus in bonis, etc.*

Horat. Lib. II. Od. 3.

Пархóме! въ щáсті не брика́й!
 Въ нудзі притьóмъ не лізь до нéба,
 Людéй пита́й — сві́й рóзумъ май;
 Якъ не мудру́й, а вмерти трéба!
 Чи карата́ешъ ві́къ въ журбі,
 Чи то, за поставце́мъ горі́лки,
 Въ шинку́ нарі́зують то́бі
 Цимба́ли, ко́бзи и сопі́лка;
 Чи п'я́ний підъ тинóмъ хропéшь,
 Чи до го́споди лі́зешъ ра́чки
 И жі́нку макогóномъ б'є́шь,
 Чи самъ товчéсь на вкóлачки;
 Орі́ и засі́вай лані́,
 Косі́ ширóкі перелóги,
 И грóшки за баштані́
 Лупі́,— та все одки́нешъ но́ги.
 Поки́нешъ все: сті́жки й скирті́,
 Всі́ лáсоці: паслі́нь, цибу́лю;
 Зага́рба інши́й все, а ти
 Ззі́си за гірку пра́цю ду́лю....
 Чи со́цькимъ ба́тько твій въ селі́,
 Чи самъ на па́нцині праці́юе,
 А сме́рть зрівня́е всіхъ въ землі́:
 Ні́ зъ кимъ скаже́на не жарту́е....
 »Чи *читъ*, чи *лішка*?« за́гукá;
 Ты кри́кнешъ: *читъ*!... »Ба брéшешъ, сáну!«
 Озвѣ́тця па́плюга съ кутка́,
 Та й зцѣ́пить зъ пѣ́чі въ до́мовину....

ДО ЇГО ЖЪ.

II.

Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi quem tibi
Finem Di dederint, Leuconoë; nec Babylonios
Tentaris numeros, etc.

Horat. Od. 12.

Пархóме! не мудруй, ворóжки не пита́й,
Якъ довгий вікъ прокарата́ешъ;
Що вікувала вже *зозу́ля*, — прожива́й,
А білше.... шко́да, що й бажа́ешъ!
Хочъ всіхъ ти ушпирі́въ збері́ и знахурі́въ,
Хочъ покума́йся ти зъ відьма́ми:
Ніхто́ не ска́же намъ, такъ я́къ би ти хоті́въ,
Що до́ля за́втра зроби́ть зъ на́ми.
Чи доведéтця ще поду́шне запла́титъ?
Чи до снагі́ вже розпла́тився?
На щó, про щó тобі надъ ці́мъ чупрі́ну грі́ть!
Дурний, дурний! а вь шко́лі вчівся....
Терпі́! за до́лею, куді́ попхне́, хили́сь,
Якъ хили́тця одъ ві́тру гі́лка.
Чи бу́дешъ житъ, чи вмере́шъ, Пархóме, — не журі́сь;
Журі́сь обь ті́мъ, чи е горі́лка!...
А е, такъ при на сті́лъ! часту́й, та й самъ круглий.
Чи намъ, Пархóме, тре́ба скі́льки?
Та вже жъ — чи вкоро́чать сві́й ві́къ, то вкоро́чай
Вь шинку́ надъ бо́чкою горі́лки.
Отъ, ми бази́каємъ, а часъ, мовъ ві́лъ зъ горі́,
Чухра́, ёго́ не налі́гаешъ.
Отъ, скі́льки бъ ви́пили до се́і ми порі́,
Такъ ти жъ бу́цімъ не дочу́ваешъ.
Ну жъ! цупъ оста́нню ти гривня́ку зъ капшукá,
Покі́ стара́ перé ганчі́рки;
Бо вже — якъ ве́рнетця, то думка́, бачъ, така́,
Що помре́мо обі́два безъ горі́лки.

Вотъ все, что намъ извѣстно, посредствомъ печати, изъ украинскихъ сочиненій г. Артемовскаго-Гулака. Какое же мѣсто занимаетъ онъ въ нашей юной словесности, получившей права гражданства только въ недавнее время? Мы говорили о природныхъ задаткахъ его таланта. Если бы г. Артемовскій-Гулакъ умеръ, написавши только *Пана та Собаку*, то, по надеждамъ, какія должно возбудить подобное произведение начинающаго писателя, мы бы сказали, что лишились въ немъ великаго по-

эта. Но авторъ стихотворной трагикомедіи благополучно остается въ живыхъ, даритъ насъ еще нѣсколькими пьесами, уже слабѣйшими по изложенію и не столь значительными по содержанию, наконецъ советѣмъ умолкаетъ. Эти обстоятельства сбавляютъ много цѣны первому его произведенію и ставятъ его талантъ въ разрядъ пассивныхъ талантовъ, которые слишкомъ подчинены общему настроенію умовъ своего времени, не въ силахъ сдѣлаться органомъ благороднѣйшаго меньшинства, иногда безразлично затеряннаго въ толпѣ, и неспособны стоять одиноко посреди общества съ своими безсмертными убѣжденіями. Отдавая, однакожъ, должную дань уваженія предшественникамъ нынѣшнихъ писателей, сошедшимъ съ литературной арены, мы должны признать за г. Артемовскимъ-Гулакомъ великую заслугу относительно развитія украинскаго слова послѣ Котляревскаго. Его языкъ до сихъ поръ не потерялъ цѣны своей и заслуживаетъ прилежнаго изученія. Въ наше время измѣнился вкусъ относительно выбора предметовъ рѣчи и самихъ оборотовъ; но, независимо отъ этого поворота, произведеннаго въ насъ болѣе шимъ противъ прежняго уваженіемъ къ народу, формы языка, сила выраженія, разнообразіе оттѣнковъ слова, гибкость и вмѣстѣ мужественная дебелость рѣчи — все это придаетъ немногочисленнымъ произведеніямъ г. Артемовскаго-Гулака высокое достоинство. Мы тѣмъ болѣе дорожимъ его стихотвореніями, что въ послѣднее время исчисленныя нами литературныя достоинства начали упадать у нѣкоторыхъ изъ нашихъ писателей, подававшихъ большія надежды, и замѣняться небрежностью и слабосиліемъ, обыкновенно сопровождающими работу спѣшную и такъ сказать насильственную. Такимъ писателямъ языкъ г. Артемовскаго-Гулака можетъ быть полезнымъ упрекомъ въ неуваженіи къ дѣлу литературы. Глядя съ этой стороны на его литературную дѣятельность, мы должны приписать его продолжительное молчаніе благородному, чуждому пустого славолубія, сознанію, что сдѣлано имъ столько, сколько, по его силамъ, возможно было сдѣлать. *Quid potui, feci; faciant meliora potentes*. Эти слова мы вкладываемъ въ мысль безмолвствующаго поэта, для котораго наступило уже потомство, съ новыми воззрѣніями на предметы творчества, съ новыми, въ его время неизвѣстными, стремленіями.

П. Кулишъ.

6 января 1861.

С. Петербургъ.

ЧЕРТЫ

НАРОДНОЙ ЮЖНОРУССКОЙ ИСТОРИИ.

I.

ЮЖНОРУССКАЯ ЗЕМЛЯ. — Поляне-Русь. — Древляне (Польсье). — Волынь. —
Подоль. — Червоная Русь.

Древнѣйшія извѣстія о народахъ, занимавшихъ Южнорусскую Землю, очень скудны; впрочемъ, не безъ основанія, руководствуясь какъ географическими, такъ и этнографическими чертами, слѣдуетъ отнести къ южнорусской исторіи древнія извѣстія объ Антахъ, по крайней мѣрѣ къ юго-западной отрасли этого народа. По извѣстію нашего лѣтописца, Улучи, Бужане и Тиверцы имѣли много городовъ по Бугу и Днѣстру вплоть до устья Дуная и до моря; они назывались у Грековъ Великая Скуфь. Лѣтописецъ нашъ понималъ такъ, что подъ этимъ народомъ должно разумѣть народъ, извѣстный Грекамъ; и дѣйствительно мы встрѣчаемъ у греческихъ писателей Антовъ — народъ славянскаго происхожденія, на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ. Не возможно, чтобъ подъ именемъ Антовъ разумѣлись только Днѣстранскіе жители; безъ всякаго сомнѣнія, этому имени придавали пространнѣйшее географическое значеніе. По толкованію ученыхъ, *антъ* есть прозваніе старонѣмецкое (Szafarzik, 402) и значитъ *великанъ*; это наводитъ насъ на предположеніе, что слово Антъ должно быть тоже названіе, что и *Великая Скуфь* нашего лѣтописца. Невольно мы встрѣчаемъ соотношеніе съ южнорусскимъ преданіемъ о томъ, что въ Украинѣ, въ древности, жили люди исполинскаго роста — *Вѣлетні*, т. е. великаны, ходившіе съ цѣлой сосной въ рукѣ, опираясь на нее какъ на палку. Это высокорослое племя оставило свои слѣды въ тѣхъ земляныхъ валахъ и *могилахъ* (кургамахъ), которыми усыпана Южная

Русь. За свои грѣхи и за вражду между собою, они были потоплены; послѣ нихъ явились другіе великаны, — погибли тоже въ свою очередь, — и съ тѣхъ поръ родъ человѣческій началъ мельчать. Преданіе о великанахъ теперь уже сбилось съ пути и, кажется, въ немъ надобно искать два преданія: въ одномъ, народъ признаетъ великановъ предками своими, воображаетъ, что прежде родъ человѣческій былъ рослѣе и массивнѣе, а впоследствии измелчалъ, а въ другомъ признаетъ великановъ враждебными предкамъ народа, къ которому принадлежать рассказчики, и даже нерѣдко самихъ этихъ великановъ считаетъ болѣе фантастическими чудовищами, чѣмъ людьми. Эти великаны имѣютъ соотношеніе съ змѣями, столь значительное мѣсто занимающими въ нашихъ сказкахъ, и, какъ видно, суть тоже, что въ лѣтописныхъ преданіяхъ древніе Обры (Чешск. Obg, Польск. Olbrzym — великанъ), враги и мучители Славянскаго племени.

Слово *Велетни* и преданія о древнихъ исполинахъ указываютъ на сходство, а, можетъ быть, и единство ихъ со словомъ *Вельняне*, которыми, по словамъ нашей лѣтописи, замѣнились народныя названія Бужанъ и Дулибовъ. У лѣтописца нашего говорится въ одномъ мѣстѣ »Бужане, послѣ же Вельняне«, а въ другомъ мѣстѣ, ниже перваго, »Дулибы сядяху по Бугу, гдѣ нынѣ Вельняне«. Или Дулибы были славянская вѣтвь, впоследствии замѣщенная другою, или же одно названіе, древнее, одного и того же народа замѣнилось другимъ — Вельняне.

Слѣды названія Дулибовъ остались до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по Горыни. Такъ на рѣкѣ Туріи есть деревня Дулибы, между Никополемъ и Гущею (въ Ровенскомъ уѣздѣ); три деревни подъ этимъ именемъ, въ восточной Галиціи, на рѣкѣ Стрипѣ и въ губерніи Подольской; сверхъ того, созвучныя названія попадаются и въ другихъ мѣстахъ Руси, даже не южной; напримѣръ — Дулебчина въ Гродненской губерніи. Это распространеніе имени Дулибовъ по пространству Русскаго міра указываетъ, что оно нѣкогда имѣло значеніе шире и не ограничивалось однимъ только краемъ на Волини.

Слово Вельняне кажется имѣть тождество съ *Вельнянами* Массуди, которые были нѣкогда сильнымъ народомъ, имѣли своего князя Мажека. Это указываетъ какъ бы на то, что въ древности народы южнорусскіе составляли одно тѣло, въ извѣстной степени сильное, которое приняло названіе Вельнянъ, т. е. великаго народа. *Велінний* значитъ тоже, что *великій*, тоже что *антъ*. А какъ подъ именемъ Антовъ разумѣли не какой-нибудь частный этнографическій признакъ, но большой отдѣлъ сла-

вянского племени, то, вѣроятно, и подѣ Велынянами разумѣется не одинъ какой либо народъ, а союзъ южнорусскихъ народцевъ. Итакъ, названіе Антовъ и Велынянъ и преданія о *вѣлетникахъ* состоятъ между собою въ связи и указываютъ на древнее единство и взаимную связь народовъ Южной Руси.

Западная часть этого народа, уже близъ самыхъ горъ Карпатскихъ, носила названіе *Хорватовъ*. Правдоподобно производятъ это имя отъ *hrb* — *холмъ*, и въ такомъ случаѣ Хорваты будутъ тоже, что Гуцулы (или Горалы) — жители Карпатскихъ горъ и ихъ подножія. Назывались ли Хорватами жители восточной Галиціи къ границамъ нынѣшней Россіи? Едва ли. По Днѣстру, какъ говорятъ, жили Улучи и Тиверцы; слѣдовательно, жители побережья этой рѣки не назывались Хорватами.

Хорваты, конечно, были близки къ Тиверцамъ и Улучамъ, ибо теперь потомки Хорватовъ, какъ потомки послѣднихъ, — Южноруссы по языку, съ незначительными мѣстными отмѣнами.

Давнее знакомство съ Греками, вѣроятно, способствовало цивилизаціи южнорусскаго народа и, конечно, она бы стояла на значительной степени, если бы притомъ не препятствовали ей развитію безпрестанные находы съ востока дикихъ ордъ, причинявшихъ ему разореніе. Онъ былъ народъ земледѣльческій: объ этомъ свидѣлствуютъ Греки въ описаніи Антовъ; да и изъ нашихъ лѣтописцевъ это видно, какъ показываетъ самое преданіе о томъ, что Обры запрягали Дулибовъ въ плуги. Обрядъ, отправляемый отцомъ семейства въ сочельникъ, по своему сходству съ обрядомъ Свантовитова богослуженія въ Арконѣ, указываетъ на свою древность и, своимъ характеромъ, свидѣлствуетъ о древности земледѣлія у южно-русскихъ Славянъ.

Множество городовъ у Днѣстрианскихъ жителей, Улучей, показываетъ, съ одной стороны, небезопасность края, гдѣ жители подвергались непріятельскимъ набѣгамъ и должны были укрываться въ укрѣпленныхъ городахъ; съ другой — извѣстное развитіе осѣдлости и цивилизаціи, ибо, не смотря на опасности, они, вмѣсто того, чтобы, подобнономадамъ, уйти прочь, предпочитали лучше оставаться въ опасномъ краѣ и изыскивать средства для своего огражденія. Устройство городовъ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на существованіе въ странѣ администраціи, ибо гдѣ были города, тамъ, конечно, къ городамъ принадлежали округа: такъ вездѣ было у Славянъ. Сильнымъ и энергичнымъ народомъ въ тѣ времена, кажется, они не были, потому что ихъ легко покоряли чужеземцы, какъ и удалось Олегу.

Степень цивилизации частей южнорусского народа издревле была различна. Такъ, по извѣстіямъ нашего лѣтописца, Поляне изображаются цивилизованнѣе Древянъ. Поляне знаютъ бракъ; у Древянъ, какъ и у другихъ первобытныхъ народовъ, удерживалось *умыканье* дѣвицъ. Какъ ни подозрительно могло бы казаться предпочтеніе, оказываемое, въ отношеніи нравственнаго образованія, Полянамъ предъ Древянами лѣтописью, но дѣйствительно Поляне имѣли болѣе залога цивилизации, чѣмъ Древяне: первые обитали близъ большой рѣки и, слѣдовательно, могли завести удобнѣе знакомство съ образованною Греціей и съ берегами Тавриды, гдѣ еще сохранялись остатки древней образованности; походъ Кія подъ Цареградъ, переселенія Кія на Дунай и обратно, — все это преданія, въ которыхъ несомнѣнно одно: давнее знакомство Полянъ съ Греціей.

Договоры Олега и Игоря достаточно показываютъ древность сношеній Полянъ-Руси съ Югомъ. Все, что говорится въ этихъ договорахъ о Руси, относится должно не только къ чужеземной Руси, пришедшей въ кievскую сторону, но и къ туземцамъ — Руси-Полянамъ, ибо въ договорѣ Олега говорится о *возобновленіи* бывшей между христианами и Русью любви. Эта бывшая любовь конечно существовала между славянскими племенами и Греками. И не только у Поляновъ, но отчасти и у другихъ Славянскихъ народовъ, которые чрезъ посредство Полянъ имѣли сношенія съ Греками. Видно, что они строили лодки и плавали по Днѣпру, ходили на море не для разбоевъ, а для мирныхъ сношеній; одни ловили рыбу на Бѣлобережѣ, то есть, у устья Дуная, другіе, съ тою же цѣлю, плавали къ берегамъ Тавриды. Нѣкоторые ходили въ Царьградъ на работы и проживали на службѣ въ императорскомъ войскѣ. Очевидно, что эти извѣстія въ договорѣ относились не къ одной Прусской Руси, но и къ тѣмъ, съ которыми смѣшалась эта Русь. Въ Цареградѣ жили русскіе торговцы и, вѣроятно, торгъ, который они вели съ Греками, былъ выгоденъ для послѣднихъ, когда гости получали отъ императора мѣсячину. Договоры Олега и Игоря говорятъ много объ огражденіи какъ Русскихъ, такъ и Грековъ, въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, отъ порабощенія личностей. Отсюда кажется достовѣрнымъ, что самыя войны Олега и Игоря возникали вслѣдствіе споровъ между Полянами въ Кіевѣ и Византіи, — что однимъ изъ предметовъ этихъ споровъ было то, что торговцы и промышленники попадались въ рабство; ибо тотъ и другой договоръ стараются прекратить торговлю людьми и обязуютъ съ обѣихъ сторонъ отпускать и выкупать изъ плѣ-

на какъ Русскихъ, такъ и Грековъ, въ ихъ взаимныхъ дѣлахъ. Существованіе гостей у Полянъ показываетъ, съ одной стороны, значительное развитіе экономическаго быта, а съ другой — неравенство въ распредѣленіи состоянія. Уже тогда существовали *челядники*. Невѣстно, въ какомъ отношеніи они были къ другимъ сословіямъ — наемные или рабы, — и на какихъ началахъ? У Русскихъ были продажные рабы въ X столѣтіи: это видно изъ Святославовыхъ словъ, что *изъ Руси идетъ шкура, воскъ и челядь*. Такимъ образомъ, въ числѣ вывозныхъ русскихъ товаровъ въ Грецію были невольники. Но въ договорахъ Олега и Игоря хотя и говорится о *българь челядинь*, но въ тоже время духъ договоровъ клонится къ пресѣченію порабощенія личностей, такъ что подъ *челядиномъ* можно повидимому разумѣть служителя, убѣжавшаго отъ договора съ господиномъ, ибо выраженіе *поработить* равносильно — *убить: аще обратитъ Русь кубару греческую въвержену на коемъ мѣстѣ, да не преобидятъ ей; аще ли возметъ отъ нея кто что, ли человека поработитъ, или убьетъ, — да будетъ повиненъ закону руску и греческу*.

Отправляя въ Грецію шкуры, медъ и воскъ, Поляне получали оттуда паволоки, матеріи, бывшія тогда въ употребленіи, и одежды; предметы эти были признакомъ богатства и зажиточности. Другіе товары, приходившіе изъ Греціи, были: вино, овощи и металлы. Поляне знали употребленіе металловъ и монеты. Изъ Греціи они получали золотыя номизмы, съ Дуная (изъ Угровъ) серебро. Въ договорахъ Олега и Игоря цѣнность означаетея *греческими златницами*. Все это показываетъ достаточную зажиточность, по крайней мѣрѣ между нѣкоторыми, и знакомство съ цивилизаціей.

Знакомство съ Греціей распространило между Полянами христіанство. Едва ли можно предположить, чтобъ только съ половины IX вѣка, то есть съ Аскольда и Дира, проникло христіанство въ Кіевъ; легенда объ апостолѣ Андреѣ есть не что иное, какъ апофеозъ памяти о древнемъ христіанствѣ въ той странѣ. Не можетъ быть, чтобы христіанская вѣра не проникала туда издавна путемъ торговли и путемъ проповѣди. Съ половины IX вѣка мы узнаемъ уже объ открытомъ крещеніи Руси, отъ многихъ византійскихъ лѣтописцевъ. Патріархъ Фотій, въ окружной своей грамотѣ, оповѣстилъ отрадное и счастливое для всей христіанской Церкви событіе — обращеніе Руссовъ. Съ тѣхъ поръ христіанская вѣра расцвѣтала въ Кіевѣ и разширялась. Въ договорѣ Игоря мы встрѣчаемъ и церкви, — церковь Іліи, которая была соборная; изъ этого видно, что были

еще и не соборныя. Лѣтописецъ, назвавъ эту соборную церковь, замѣтилъ, что и многіе Варяги были крещены. Видно, христіанство было настолько распространено, что могло привлечь къ себѣ скоро пришельцевъ; еслибъ число Христіанъ было не значительно, то христіанство едва ли могло бы имѣть такое вліяніе на нихъ, будучи религіею только немногихъ. Христіанству можно было научиться въ Кіевѣ; такъ научилась ему и сдѣлалась христіанкою мать Святослава. Язычество, хладнокровно смотрѣвшее на то, что новая вѣра болѣе и болѣе пріобрѣтала поля, только при Владимірѣ оказало дѣятельную оппозицію. Владиміръ поставилъ на холмѣ боговъ, собравши какихъ могъ — и славянскихъ и литовскихъ. Онъ, какъ кажется, облакалъ прежнее язычество въ болѣе опредѣлительныя формы. Подъ 983 годомъ лѣтописецъ рассказываетъ о человѣческой жертвѣ, устроенной Владиміромъ; кажется, этотъ поступокъ былъ не жертвоприносительнымъ, но выраженіемъ мщенія, ибо для жертвы избранъ былъ христіанинъ; точно такъ и впослѣдствіи Литовцы вообще отличались нетерпимостію къ христіанству, всегда соорились съ новою вѣрою и приносили въ жертву своимъ богамъ изъ Христіанъ, напримѣръ, плѣнниковъ нѣмецкихъ. Такъ какъ вѣра Христіанская стала уже сильно распространяться, Владиміръ принялъ сторону язычества и, тогда, конечно возникла оппозиція со стороны Христіанства. Владиміръ отличался деспотическими наклонностями. Кажется, этому способствовало, съ одной стороны, вліяніе Грековъ, которые уже приносили въ Кіевъ понятіе о царственности и величіи своихъ царей, съ другой — вліяніе Хазаръ. Не даромъ, въ рѣчи своей на память Владиміра, Іаковъ называлъ его Каганомъ. Коль скоро Хазарское слово Каганъ вошло въ Русь, то, конечно, вошли до извѣстной степени и понятія восточныя. Именно хазарскимъ правамъ слѣдуетъ приписать и это сладоустрасіе Владиміра, эту толпу женъ и наложницъ. Онъ началъ преслѣдованіе на Христіанъ, и жертвоприношеніе Варяга было однимъ изъ проявленій такого преслѣдованія. Подъ 988 годомъ рассказывается у лѣтописца, что вдругъ являются въ Кіевѣ разныхъ вѣръ учителя: они все хотѣли обратить въ свою вѣру князя и народъ. Что значитъ такое внезапное явленіе, отъ чего они узнали, что въ Кіевѣ можетъ быть перемѣна вѣры? Что заставило Владиміра искать вѣры, когда онъ передъ тѣмъ былъ такимъ ревностнымъ язычникомъ и притомъ, какъ кажется, утвердителемъ языческой религіи? И вдругъ этотъ князь измѣняетъ ей? Вѣроятно, оппозиція язычеству со стороны Христіанства взяла въ Кіевѣ верхъ; князь долженъ былъ уступить, и самъ князь, вѣрно, увлекаясь большин-

ствомъ, началъ сомнѣваться въ божественности своихъ болвановъ. Подобное стеченіе вѣроучителей въ одно время могло быть только тогда, когда къ этому располагали внутреннія обстоятельства страны, куда сошлись эти вѣроучители. Почти несомнѣнно, что принятіе крещенія Владиміромъ было не безъ того, что къ этому располагало его существованіе сильной партіи между Кіевлянами, исповѣдывавшей Христіанство и притомъ Христіанство православнаго закона, восточнаго. По извѣстію лѣтописца, когда онъ собралъ бояръ своихъ и городскихъ старцевъ и началъ съ ними совѣтоваться, какую ему вѣру выбирать изъ нѣсколькихъ предлагаемыхъ, тогда большинство признало, что лучше избрать греческую, и указывало на примѣръ Ольги, называемой ими мудрѣйшею всѣхъ человѣковъ. Конечно, коль скоро образовалось понятіе о превосходствѣ Греческой вѣры предъ другими, то это показываетъ знакомство съ нею и, слѣдовательно, большее въ сравненіи съ другими ея распространеніе. Многочисленностію православныхъ христіанъ въ Кіевѣ до крещенія Владиміра объясняется и та покорность толпы, съ которою Кіевляне стремились креститься по приказанію Кіевского князя. Вѣрно, многіе изъ некрещеныхъ уже были расположены къ Христіанству по наученію своихъ близкихъ и сами не смѣли креститься, а были очень довольны, когда князь уступилъ общему духу. Совсѣмъ иное произошло въ Новѣ-городѣ, куда Христіанство проникало не такъ удачно и не такъ давно, какъ въ Кіевѣ. Тамъ Добрыня долженъ былъ употреблять оружіе и огонь, чтобъ приводить Новгородцевъ на путь истины и спасенія.

Безъ сомнѣнія, сравнительное предъ сосѣдами превосходство цивилизаціи Кіева и Полянъ еще въ язычествѣ, содѣйствовало тому, что этотъ народецъ содѣлался послѣ крещенія центромъ, связующимъ остальные племена Славянъ. Иными являются Древляне, ихъ сосѣди. Здѣсь опять приходится тоже сказать, что сказано уже по поводу Полянъ. Описаніе Древлянъ въ черныхъ краскахъ, какъ, напротивъ, противниковъ ихъ Полянъ въ свѣтлыхъ, показываетъ, что лѣтописецъ не былъ изъятъ отъ народной нелюбви къ Древлянамъ, какъ не былъ изъятъ отъ привязанности къ Полянамъ. Но если мы сознаемъ, что и географическія условія и обстоятельства располагали Полянъ къ полученію и развитію въ себѣ бѣльшей образованности, то съ другой стороны Древлянамъ подобныя условія препятствовали къ ея достиженію. Древляне жили въ непроходимыхъ, дремучихъ лѣсахъ, а лѣсная жизнь, извѣстно, способствуетъ къ одичанію; земля ихъ была менѣ плодородна, скуднѣе было путей сообщенія, которые бы знакомили ихъ съ образованнымъ міромъ. Изъ разсказовъ,

которые лѣтописи помѣщаетъ по поводу прибытія пословъ Мала къ Ольгѣ, видно, что о нихъ ходили такіе же анекдоты, обличающіе ихъ глупость, какіе и теперь ходятъ о Полѣщукахъ, потомкахъ старинныхъ Древлянъ. Такъ, древлянскіе послы некстати говорятъ: «мы не идемъ и не ѣдемъ на лошадяхъ, а несите насъ въ ладьяхъ;» и когда ихъ несли въ ладьи, о нихъ говоритъ лѣтописецъ, что они *въ перегибѣхъ въ великихъ суставѣхъ гордящеся*. Ольга заманила ихъ въ западню. Цѣль разсказа такова, чтобъ показать глупость и несмысленность Древлянъ, что они не могли предвидѣть своей бѣды. Въ томъ вѣкѣ, когда такъ слабы были узы общества, сила и хитрость брали верхъ и умъ измѣрялся именно тѣмъ, чтобъ не попасть въ обманъ. Повѣсть не ставитъ въ упрекъ Ольгѣ ея вѣроломныхъ поступковъ, но выставляетъ глупымъ народъ, который легко было надуть. Древляне не были знакомы съ духомъ мести, и потому такъ довѣрились; это показываетъ, что у Славянъ вообще она была мало развита: иначе, если бы даже предположить, что у Полянъ существовала святость мщенія, а у Древлянъ ея не было, то все-таки послѣдніе не довѣрили бы своимъ врагамъ; но еще не зная пришельцевъ съ Балтійскаго поморья, они думали, что можно и съ ними поссориться, и потомъ помириться безопасно. Ольга пользуется новостью обычая, а уважительный тонъ повѣсти объ Ольгѣ показываетъ, что Славяне стали сами замѣтывать этотъ обычай; впоследствии онъ какъ будто пропадаетъ, ибо даже въ дракахъ нашихъ позднѣйшихъ князей замѣчается, какъ онъ смягчался и исчезалъ; несомнѣнно, что, кромѣ христіанства, на ослабленіе его дѣйствовалъ также перевѣсъ Славянскаго элемента передъ пришлымъ. Избіеніе Древлянъ на тризні, устроенной Ольгой въ честь Игоря, и самое затѣйливое мщеніе княгини посредствомъ воробьевъ и голубей—все это показываетъ, что Древлянъ почитали глуповатыми и простаками.

Изъ всѣхъ извѣстій, переданныхъ намъ лѣтописцемъ, видно, что у этого народа сохранились первобытные обычаи, которые у Полянъ уже измѣнялись подъ вліяніемъ нѣсколькихъ высшихъ понятій. У Древлянъ было неправоуважающее лѣтописцу умыканье дѣвицъ у воды, столь общее всѣмъ почти первобытнымъ народамъ. Имъ извѣстно было земледѣліе, ибо Ольга, склоняя Коростѣянъ поддаться, выражается о другихъ Древлянахъ, что они *дѣлаютъ нивы своя и землю свою*; они занимались скотоводствомъ и овцеводствомъ, когда употребляютъ сравненіе Игоря съ волкомъ, когда этотъ звѣрь ворвется между овецъ; какъ у лѣснаго народа, у нихъ было въ изобиліи звѣроловство и пчеловодство, ибо дава-

ли дань шкурами и медомъ. Они были, какъ кажется, раздѣлены на мелкія области, ибо говорятъ: *наши князи*. За одного изъ нихъ, можетъ быть главнаго, Мала, приглашали идти замужъ Ольгу; — несчастное сватовство, кончившееся порабощеніемъ Древлянъ.

Живя въ лѣсныхъ деревняхъ, Древляне строили города, которые, по общему славянскому обычаю, имѣли значеніе господствующихъ мѣстностей. Въмѣстѣ съ тѣмъ, города были мѣстомъ большей цивилизации, состоящей въ земледѣліи; города древлянскіе не были тѣмъ, чѣмъ впоследствии обозначалось это названіе, а селами: жители занимались земледѣліемъ. Въ деревняхъ занимались болѣе звѣроловствомъ. Всѣ города съ землями составляли одну союзную Землю, и существовало сознаніе о ея единствѣ, потому что когда Ольга покоряла Древлянъ, то обходила съ сыномъ Святославомъ *всю* Древлянскую землю.

По покореніи Древлянской земли, Ольга установила въ ней ловища, мѣста для ловли и сноса звѣриныхъ шкуръ, которыя составляли дань. Древляне должны были ловить звѣрей и доставлять шкуры въ Кіевъ и Вышгородъ. Покореніе Древлянъ было не только подданствомъ, но порабощеніемъ: Ольга оставила только *прокъ ихъ* для платежа тяжелой дани, а другихъ отдала въ работу своимъ мужамъ. Соображая богатства Русской Земли, шедшія, по словамъ Святослава, въ Грецію, видно, что дань, наложенная на Древлянъ, была выгодна для Кіева по торговлѣ съ Греціею. Плоды трудовъ Древлянъ переходили въ Кіевъ въ руки князей и бояръ и отправлялись въ Византію, промѣнивались тамъ на произведенія юга и, конечно, сами Древляне не имѣли никакой выгоды; порабощенные, они должны были работать для господъ.

Покореніе Древлянъ способствовало въ формированію и усиленію высшаго класса, осѣдлости пришлыхъ Руссовъ и смѣшенію народностей. Еслибы принимать произвольно созданную нашими историками-ислѣдователями теорію родового быта съ патриархами—родоначальниками, еслибы родовая связь поглощала семейную, тогда надобно было бы принять издревле строгое аристократическое начало, возвышеніе нѣсколькихъ родовъ, униженіе и порабощеніе другихъ. Но зная исторію Славянскихъ народовъ и въ особенности Русскаго, замѣчая слѣды старые въ древнихъ памятникахъ, не видно, да и предположить нельзя, чтобы на родовыхъ основаніяхъ семьи находились подъ какой нибудь зависимостью отъ извѣстныхъ лицъ-родоначальниковъ; а поэтому невозможно было образоваться родовому рабству, то есть, такому рабству, когда прежняя власть отеческая, по мѣрѣ родственной отдаленности тѣхъ, которые

должны были находиться къ ней, такъ сказать, въ сыновнемъ отношеніи, перешла во власть господскую. Семьи дѣлились отъ ней, и каждая семья, если бы и сознавала связь съ другою, то не была зависима одна отъ другой.

Покореніе Древлянъ, если не вносило въ жизнь Южнорусскихъ Славянъ рабства вновь, то усиливало его, распространяло, упрочивало тѣ начатки его, которые существовали изстари, ибо цѣлый народъ объявленъ былъ въ рабствѣ. И это возвысило высшій классъ. Отсюда-то эти бояре, сильные, подобно князьямъ имѣвшие свои дружины въ Кіевѣ, о которыхъ осталась память даже въ пѣсняхъ (напримѣръ Иванъ Годиновичъ, Чурило Пленковичъ). По происхожденію своему, эти бояре, какъ они назывались, были во-первыхъ Руссы—пришельцы и, во-вторыхъ — Руссы-Поляне, съ массою которыхъ совершилось порабощеніе Древлянского народа. Поляне, и прежде ставшіе уже въ уровень съ пришельцами, скоро усвоивавшими ихъ народность, теперь еще болѣе сливались; они пользовались равенствомъ господскихъ правъ надъ покореннымъ народомъ: и пришлецъ-Русинъ и Полянинъ-Русинъ равнымъ образомъ были господа, высшій классъ въ отношеніи Древлянъ. Часть порабощеннаго народа переведена была въ землю Полянъ—русскую, другая осталась на мѣстѣ, и Руссы съ Полянами сдѣлались владѣльцами въ землѣ Древлянъ. Иначе не могло быть: надобно же было держать въ покорности порабощенный народъ. Слово *становища*, которое упоминается въ лѣтописи разомъ со словомъ *ловища*, указываетъ на учрежденіе новыхъ жилыхъ мѣстъ, назначенныхъ быть административными пунктами. Они именно могли быть повѣрены только Руссамъ или Полянамъ, но никакъ не Древлянамъ. О становищахъ говорится, что то были *ей* (Ольги) становища. Слѣдовательно здѣсь идетъ рѣчь о такой части покоренной земли, которая досталась собственно на долю княгини и ея семейства. Если принять во вниманіе, что въ то время другимъ отданы были въ рабство Древляне, то открывается, что въ Древлянской землѣ явилось два рода господъ: одни—владѣльцы тѣхъ, которыхъ отдали въ рабство, другіе—въ качествѣ должностныхъ лицъ находившіеся на становищахъ. Ольга установила *уставы* и *уроки*, слѣдовательно опредѣленные обязанности. Последнее слово (*уроки*) указываетъ на обязательныя работы; надзирать надъ уроками и собирать дань по уставамъ должны были конечно тѣ, которые поставлены были на становищахъ. Здѣсь исторія наша невольно, по сходству обстоятельствъ, совпадаетъ съ западною, гдѣ господствовала земельная раздача. Часть страны оставляетъ Ольга для себя въ дань, другую раздастъ мужамъ сво-

имъ, дружинѣ. Но остается неизвѣстнымъ, какая часть Древлянской земли была такимъ образомъ поработена? Нельзя думать, чтобъ одинъ Искоростѣнь. Ибо хотя Ольга и говоритъ Искоростѣнянамъ: все ваши города предались мнѣ и рѣшились платить дань и обдѣлывать свои нивы и земли, а вы хотите умереть отъ голода, не повинуясь и не хотя платить дань; — но здѣсь Ольга обманываетъ Древлянъ, сообразно своему обычаю; это видно изъ того, что лѣтописецъ прежде этого замѣтилъ, что Древляне побѣждали и затворились въ своихъ городахъ, слѣдовательно не сдались, какъ увѣрила Ольга. Хотя, послѣ завоеванія Искоростѣня, вся земля Древлянская была подчинена и Ольга устала въ ней уроки, становища и ловища, но, вѣроятно, не все подверглись такой горькой судьбѣ, какъ Искоростѣнь, ибо послѣдній долженъ былъ подвергнуться особому мщенію. Такимъ образомъ, вѣроятно, большей степени поработенія подвергся Искоростѣнь, чѣмъ другіе, и конечно тѣ, которые добровольно сдавались, пользовались большею льготою, чѣмъ тѣ, которые оказывали упорство. Но, какъ видно, Ольга повсемѣстно въ Древлянской землѣ разставила своихъ мужей.

Такое отношеніе двухъ сосѣднихъ народовъ должно было развить въ обоихъ разные взгляды и характеры. Поляне былъ народъ побѣдительный, Древляне — покоренный; первые — господа, вторые — рабы; и, конечно, должны были изъ этого произойти разныя проявленія общественнаго и домашняго быта, разное теченіе исторіи. Кіевъ дѣлался центромъ управленія народовъ не только близкихъ, но и болѣе далекихъ. Покореніе Древлянъ, показывавшее силу Русской Земли, еще болѣе должно было утвердить мысль о первенствѣ ея надъ другими народами. Но такъ какъ ни обстоятельства не способствовали утвержденію централизаціи, ни понятія о ней не развивались, то вмѣстѣ съ другими землями и Древляне скоро начали жить самобытною жизнію уже въ удѣльномъ порядкѣ; это началось тогда, когда Святославъ далъ одному изъ сыновей своихъ, Олегу, въ удѣлъ Древлянскую или Деревскую землю. Центромъ всей Древлянской земли сталъ тогда Овручъ. Граница Древлянской земли протягивалась по сосѣдству къ Кіеву: ибо выѣхавши изъ Кіева на охоту, можно было охотиться на Древлянской землѣ. Кто знаетъ, не проявилось ли возстаніе побѣжденныхъ во враждѣ двухъ братьевъ и что побѣжденные настроили Олега убить Свѣнелдова сына? Это было въ 975, чрезъ пять лѣтъ послѣ воцаренія Олега въ Древлянской земли и черезъ 20 лѣтъ послѣ покоренія Древлянской земли. Когда Олегъ вышелъ противъ Ярополка, то у него былъ полкъ, а не дружина, слѣдовательно (какъ выходитъ постоянно

по смыслу слова полкъ) были ополченные жители края собранные на битву. Здѣсь снова Древляне воинственною силою ополчаются на Полянъ, хотя и подъ измѣненными условіями. Но когда Олегъ былъ убитъ, Ярополкъ, перенявъ власть своего брата, не видѣлъ сопротивленія. Въ продолженіе тридцати лѣтъ расселившіеся по Древлянской землѣ Русины успѣли пустить въ народѣ идею, что надъ ними имѣеть право княжескій родъ; а потому оппозиція, еслибъ и была, то ужъ проиходила бы подъ вліяніемъ этого новаго, умѣряющаго начала.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ отношенія Полянъ къ другимъ южно-русскимъ народамъ: Дулѣбамъ, Улучамъ, Тиверцамъ, Хорватамъ. Еще въ концѣ IX вѣка, съ Улучами и Тиверцами Олегъ не могъ скоро справиться, и подъ годами 884 — 885 сказано, что Олегъ имѣлъ съ ними рать. Во время похода въ Царьградъ (904 — 907), эти народы, а равно и Хорваты, участвуютъ въ его ополченіи противъ Грековъ. Изъ этихъ извѣстій заключили, что тогда, значитъ, народы эти были уже покорены Олегомъ. Можетъ быть, до нѣкоторой степени. Но такъ какъ Олегъ взялъ ихъ въ свое войско, то едвали это было бы возможно, еслибъ покореніе ихъ сопровождалось такимъ же поработеніемъ, какъ Древлянъ Ольгою, ибо въ тотъ вѣкъ участіе въ войнѣ было принадлежностію свободныхъ. Въ договорѣ Олега говорится, что этотъ договоръ съ Греками заключенъ отъ имени его, великаго князя, и свѣтлыхъ князей, сущихъ подъ его рукою. Вѣроятно, послѣ войны съ Улучами и Тиверцами, Олегъ какъ нибудь долженъ былъ съ нимъ помириться, и они стали отъ него въ зависимости на выгодныхъ для себя условіяхъ. Что касается до Хорватовъ, то они первый разъ были подчинены, и отняты у Поляковъ, только при Владимірѣ.

Приливъ пришлаго варяго-русскаго народонаселенія сообщилъ новый оттискъ характеру Полянъ и развилъ въ нихъ воинственный элементъ. Это поддерживалось походами противъ Грековъ. Мы не знаемъ поводовъ, руководившихъ Руссами въ этихъ набѣгахъ; но это не были просто одни разбойничьи набѣги, потому что въ договорахъ виденъ народъ торговый и Греки дорожили сношеніями съ нимъ. Скорѣе всего надобно предположить, что повѣствователь, по обычаю лѣтописцевъ, умалчиваетъ о причинахъ, не выставляя пружинъ, руководившихъ походами Русскихъ, исключая Святославова похода; а эти причины, вѣроятно, заключались въ столкновеніяхъ съ Греками преимущественно по торговлѣ. Поляне долго, кажется, не могли показывать своей самостоятельности и должны были уступать Грекамъ; но когда явились къ нимъ воинственные мореходцы, когда

сошлись они съ Полянами, которые также были плавателями, но только мирными, тогда послѣднимъ сообщился духъ отваги и охота мести за тѣ поступки, которые они считали несправедливыми со стороны Грековъ. Походы въ Грецію способствовали къ утверженію власти князей и соединенію народовъ. То была приманка для удалыхъ того вѣка — собираться подъ знамена вѣщаго князя, идти на далекую сторону и воротиться оттуда съ добычею, привезти паволоки и золота, хвастаться предъ тѣми, кто оставался дома, передавать добычу дѣтямъ на память отцовской славы. Предводители народцевъ легче становились подчиненными Кіевскому князю, когда онъ ихъ обогащалъ. Это, соединяя народы, мало по малу подклоняло ихъ подъ власть единого рода и приготавливало къ новому порядку, когда въ разныхъ частяхъ русскаго міра должны были явиться князья, хотя особые, но связанные между собой и родомъ и единствомъ страны.

По понятіямъ того времени у Русскаго народа, успѣхъ служилъ залогомъ покорности, ибо успѣхъ приписывался вліянію таинственной силы. Такъ Олега прозвали *внщимъ*, вѣдуномъ. А коль скоро онъ былъ вѣщій для народа, то и покорность ему утверждалась. Слава побѣдъ располагала къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. Сильнѣе всего развился духъ удачества и предпріимчивости при Святославѣ, когда удача слѣдовала за удачей. Удачны толпы ходили съ нимъ на стени, побѣдили Хазаръ, которымъ ихъ предки нѣкогда платили дань. Это должно было сильно возвысить народное чувство и еще болѣе прикрѣплять народы къ Кіеву и внушать къ нему уваженіе, ибо изъ Кіева исходили такіе славные подвиги. Толпы охотниковъ отправились со Святославомъ въ Переяславль, удачи далѣе и далѣе заводили духъ воинственности. Завоеваніе Болгаринъ, по современнымъ понятіямъ, не было чѣмъ либо отличнымъ отъ покоренія Древянъ и Тиверцевъ, или присоединенія ихъ къ Кіеву. Болгары были самая близкая къ русскимъ Славянамъ народность; тогда еще языки ихъ и нравы не такъ различались, какъ послѣ; между ними такъ было много общаго, что Кіевляне именно шли туда не съ мыслию о завоеваніи чужаго, а руководясь побужденіемъ близости соединенія Славянскихъ народовъ, долженствующихъ войти въ закладку новой державы. Предѣлы этой державы разширялись по мѣрѣ того, какъ народный взоръ встрѣчалъ сходственное съ своею народностію. О Болгарахъ явилась также мысль, что они должны войти въ русскій міръ. Можно съ этимъ вмѣстѣ проникнуть, какимъ образомъ у Святослава и у товарищей его возникла идея поселиться въ Переяславлѣ Дунайскомъ. Конечно, съ перваго взгляда пока-

зывается здѣсь какъ бы недостатокъ осѣдлости. Нѣтъ; Поляне были осѣдлы, ибо занимались земледѣліемъ; скитались только тѣ, которые занимались торговлею, но договоръ показываетъ, что и послѣдніе, живучи въ Константинополѣ, не утрачивали связи съ родиною; ибо когда умиралъ гость въ Греческой землѣ, то имущество его слѣдовало перенести въ Русь къ милымъ сродникамъ. Изъ этого же договора видно, что русскіе торговцы только временно посѣщали Цареградъ и Грецію, и воротались всегда домой. Это не могло развить у Полянъ охоты перемѣнять навсегда мѣсто жительства. Духъ долженъ былъ измѣняться отъ стеченія молодцевъ изъ разныхъ славяно-русскихъ народцевъ въ дружинѣ князей. Князья своими походами привлекали ихъ съ разныхъ сторонъ Славяно-русскаго міра, составляли изъ нихъ подвижное населеніе кочующихъ молодцевъ, наѣздниковъ и пиратовъ, готовыхъ жить вездѣ, не жалѣя о родинѣ; отечествомъ ихъ дѣлалось море или степь; то были Запорожцы своего вѣка; вотъ этихъ-то удалыхъ и увелъ Святославъ въ Болгарію. Явились Печенѣги. Въ 968 году они осадили Кіевъ. Лѣтописецъ указываетъ, что въ то время некому было охранять города безъ Святослава. Является воевода съ другой стороны Днѣпра, слѣдовательно не Кіевскій. Оборонять Кіевъ въ Кіевѣ было некому. Такія событія должны были неизбежно внушать Руссамъ необходимость не пускаться болѣе въ далекіе походы и не лишать своей земли вооруженной силы. Поэзія геройской отваги начала находить себѣ поле на родной землѣ, а не на чуждомъ югѣ и не на морѣ. Преданія о Печенѣгахъ, записанныя въ лѣтописяхъ, расцвѣчены колоритомъ героическаго эпоса, какъ это видно изъ сказки о кожевникѣ, сказки, до сихъ поръ существующей въ народныхъ преданіяхъ. Но такой духъ господствовалъ не долговѣчно. Поляне увлеклись только на время присутствіемъ между ними чужаго народа. Проявившійся при Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ завоевательный элементъ въ характерѣ народа скоро ослабѣваетъ; ибо онъ явился временно въ слѣдствіе толчка, даннаго пришельцами. Конечно, къ обузданію этой завоевательности помогало и принятіе христіанства, но несомнѣнно и племенное вліяніе; ибо собственною христіанство, еслибъ и огрѣдило Византію отъ нападеній Руссовъ, то обратило бы воинственность послѣднихъ въ другую сторону. Но христіанство даже не перервало сразу и вошедшей прежде въ привычку враждебности къ Греціи; ибо при Ярославѣ, уже по принятіи Христіанства, сынъ великаго князя съ Вышатою сдѣлалъ морской походъ на Византію. То были уже послѣдніе отголоски прежняго угасавшаго теперь героизма. Воинственность народа уже

и прежде стала обращаться не къ завоеваніямъ, а только къ охраненію предѣловъ своей страны. Этому измѣненію содѣйствовали не перестававшіе набѣги народовъ турецкаго племени. Половцы смѣнили Печенѣговъ, отрѣзали у Руссовъ море, разсѣялись по степямъ и остановили распространеніе русскаго элемента на югъ и востокъ по степямъ. Окруженные кочующими инородцами, Русскіе уже не могли думать о завоеваніяхъ. Не мало располагали къ измѣненію воинственности Кіевлянъ и междоусобія, возникшія между ихъ князьями. Какъ народъ молодой, Славяне легко могли увлечься сообщеннымъ имъ отъ чужихъ воинственнымъ духомъ, и героизмъ завоеванія блеснулъ у нихъ на короткое время, но южнорусскій народъ уже прежде познакомился съ спокойною жизнью и получилъ наклонность къ ея удобствамъ. Какъ бы ни были преувеличены рассказы о богатствахъ Кіева, о множествѣ церквей, о восьми торговыхъ площадяхъ у Дитмара, все это имѣетъ свое историческое основаніе. Что Кіевъ былъ дѣйствительно богатъ, это показываетъ то, что здѣсь было издавна важнѣйшее торговое мѣсто для сѣвера съ Византіей. Разумѣется, Олеговы и Игоревы грабежи еще болѣе обогащали его; собираемыя съ покорныхъ народовъ дани способствовали стеченію богатствъ къ Кіевлянамъ. Славянскіе народы, подвластные Кіеву, платили опредѣленную дань, которая шла князю, но князь дѣлился ею съ боярами и дружиною; такимъ образомъ, эта дань обогащала и Кіевъ. Мы знаемъ изъ нашей лѣтописи, что одинъ Новгородъ платилъ ежегодно двѣ тысячи гривенъ въ Кіевъ, а тысячу гривенъ гридямъ, содержа гарнизонъ при князѣ. Предъ концемъ жизни Владиміра, сынъ его Ярославъ вздумалъ-было не отдавать отцу этой дачи, и отецъ хотѣлъ на него идти войною, разбить его, но отъ огорченія умеръ. У Кіевлянъ, въ то время, невольно образовался нѣсколько высокомерный взглядъ на другіе русскіе народы. Такъ, во время борьбы Святополка съ Ярославомъ, когда Святополковъ воевода увидѣлъ противъ себя Новгородцевъ, назвалъ ихъ презрительно хормниками и плотниками, и говорилъ, что заставить ихъ рубить имъ (Кіевлянамъ) хоромы. Но то было выраженіе не воинственнаго завоеванія, а скорѣе зазнавагося господства, привыкшаго къ хорошей жизни на счетъ другихъ.

Въ характерѣ Кіевлянъ было что-то мягкое, роскошное, сибаритское. Не далѣе какъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ крещенія, Болеславъ, пришедши на помощь Святополку, и самъ потерялъ свою царственно побѣдительную крѣпость и войско свое развратилъ и обезсилилъ. Кіевскія женщины славились сладострастіемъ. Богатство, роскошь и веселая жизнь приманивали всякаго, кто только могъ поселиться между Кіевлянами. Черезъ пол-

вѣка послѣ приключенія съ Болеславомъ Храбрымъ точно тоже сдѣлалось съ внукомъ его Болеславомъ Смѣлымъ: тутъ Поляки забыли и своихъ женъ въ Польшѣ и свои дворы и хозяйства. Какъ извѣстія нашихъ лѣтописцевъ о пирахъ Владиміровыхъ, такъ и пѣсни стараго времени, сохранившіяся у Великоруссовъ, подтверждаютъ репутацію сибаритства, которую приобрѣлъ себѣ Кіевъ на Западѣ. Волокитство считалось удалствомъ; волокиты хвастали своими подвигами и поставляли въ нихъ достоинство, какъ въ героическихъ наѣздахъ. Вотъ, напримѣръ, на пиру краснаго солнышка Владиміра одинъ богатырь расхвастался, и говоритъ, что онъ гулялъ молодецъ изъ земли въ землю, загулялъ къ королю:

Король меня молодца любилъ, жаловалъ,
Да и королева вѣтъ молодца также,
А Настасья королевична у души держитъ.

Отцы берегли своихъ дочерей, по выраженію пѣсень, за три-девятью замками, за три-девятью ключами, чтобъ и вѣтеръ не завѣялъ, и солнце не запекло.

О кокетствѣ женщинъ кіевскихъ упоминаетъ и Даниилъ Заточеникъ, говоря: *нѣкогда же видѣхъ жену злообразну, приличную зеркалу и мажущуюся румянцемъ*. Кажется, что вліяніе княжескаго двора, гридницы, поддерживало это сибаритство и развращеніе женщинъ, какъ говорится, напримѣръ, въ пѣснѣ о Маринѣ:

Водилася съ дѣтьями княженецкими.

На кіевскихъ женщинъ въ преданіяхъ, сохранныхъ въ пѣсняхъ, легла память легкомысленности, развращенія и вмѣстѣ съ тѣмъ колдовства. Кіевская кокетка привораживаетъ къ себѣ любовниковъ и мѣняетъ ихъ по произволу. Такова Марина Игнатьевна въ пѣснѣ о Добрынѣ Никитичѣ. Она собираетъ къ себѣ и дѣвицъ и женъ, сводитъ ихъ съ молодцами и сама водится съ дѣтьми со княженецкими и со змѣемъ Горынычемъ — олицетвореніемъ силы, враждебной Русскому элементу, чужеземной, указывающей на пребываніе въ Кіевѣ разнородныхъ племенъ. Она привораживаетъ богатырей къ себѣ:

Разжигаетъ дрова палещатымъ огнемъ;
И сама она дровамъ приговариваетъ:
Сколь жарко дрова разгораются
Со тѣми слѣды молодецкими,
Разгаралось бы сердце молодецкое
Какъ у молода Добрынюшки Никитича.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она умѣетъ перевертывать людей въ звѣрей:

А я-де обернула девять молодцовъ
Сильныхъ, могучихъ богатырей гнѣдыми турами,
А и нынѣ-де отпустила десятого молодца
Добрыню Никитѣвича:
Онъ всѣмъ отаманъ — златы рога.

Другая такая же кокетка грозитъ оборотить ее въ суку:

А и хошъ, и я тебя сукой оберну.

И сама чародѣйка умѣетъ принимать образы:

А и женское дѣло перелестное,
Перелестное, перенадчивое:
Обернулася Марина косаточкой.

Отсюда, конечно, укоренилось въ народѣ прозвище: кievская вѣдма. Кокетство соединилось съ чародѣйствомъ и волшебствомъ, ибо если женщины привлекали къ себѣ мужчинъ, то это приписывалось волшебству.

Типы добрыхъ женъ рѣдки; въ примѣръ можно указать на Василину Микулишну Денисову, которая лучше рѣшилась умертвить себя, чѣмъ измѣнить мужу; но за то сама княгиня, жена князя Владиміра, изображается совсѣмъ не нравственно; и о княжескихъ женахъ осталось въ народѣ тоже воззрѣніе, какъ и вообще о женщинахъ. Жена Владиміра красна солнышка любезничаетъ со змѣемъ Тугаринымъ.

Мужской типъ волокитства, и вмѣстѣ извѣженности, является типически въ Чурилѣ Плѣнковичѣ. Это — щеголь, кружитель женскихъ головъ, старорусскій Донъ-Жуанъ, или Ловласъ. Онъ такъ занимается собою, что когда ѣдетъ по двору своему, то передъ нимъ несутъ подсолнечники, чтобъ не запекло солнце бѣла лица его. Владиміръ князь ни на что болѣе не могъ употребить его при своемъ дворѣ, какъ только на то, чтобъ созывать гостей на пиръ. Пиръ длится во всю ночь, а когда богатыри разъѣзжаются по домамъ,

Въ тотъ день выпадало снѣгу бѣлаго,
И нашли они свѣжій слѣдъ.
Сами они дивуются:
Либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностаѣ.
А ны тутъ усмѣхаются,

говорятъ:

Знать это не зайка скакалъ, не бѣлъ горностаѣ,
Это шелъ Чурило Плѣнковичъ.

Къ старому Берлять Васильевичу,
Къ его молодой женѣ, Катеринѣ прекрасной.

Сладострастіе Владиміра-язычника, столько наложницъ, жившихъ въ его загородномъ дворцѣ—все это гармонируетъ какъ нельзя болѣе съ распущенностью нравовъ въ то время вообще. Пиръ былъ душею общественной жизни. Замѣчательно, что Владиміръ когда крестился и, естественно, потому получилъ наклонность къ мягкости нрава, то, по неизмѣнному народному понятію, показывалъ эту мягкость, эту кротость и любовь христіанскую — въ пирахъ, которые задавалъ народу. Пиръ устраивался послѣ всякаго отраднаго народнаго событія, особенно послѣ побѣдъ, какъ и значится подобный пиръ послѣ побѣды на день Преображенія Господня надъ Печенѣгами, когда построена была церковь въ Василевѣ. Освященіе было ознаменовано праздникомъ. На всякую недѣлю князь устраивалъ пиръ въ гридницахъ на дворѣ. На пирахъ этихъ ѣли мясо скотское и дичь, рыбу и овощи, а пили вино, медъ, который мѣряли проварами (варя 300 проваръ меду). Медъ былъ національнымъ напиткомъ. На пиръ созывались не только кіевляне, но и изъ другихъ городовъ. Въ гридницу допускались провать бояре, гридни, сотскіе, десятскіе, народъ; люди простые и убогіе обѣдали на дворѣ; сверхъ того, по городу возили на колесахъ пищу (хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи) и раздавали тѣмъ, которые не могли, по нездоровью, придти на княжескій дворъ.

Эти пиръ проходили въ то же время не только въ Кіевѣ, но и въ другихъ городахъ; поэтому, въ пригородахъ кіевскихъ, князь держалъ запасы напитковъ, такъ называемые *медуши*.

Какъ такіе пиръ были привлекательны, видно изъ того, что на далекіе вѣка прошла о нихъ память и пирующій князь сдѣлался идеаломъ русскаго довольства жизни, и Владиміръ красно солнышко сталъ синонимомъ добраго и веселаго князя вообще. Въ пѣсняхъ, онъ показывается не просвѣтителемъ Русской земли, а идеаломъ роскошнаго господина; потому онъ остается столько же языческимъ, какъ и христіанскимъ княземъ: одно, что даетъ ему нѣсколько христіанскій колоритъ, это то, что онъ угощаетъ и нищихъ и калѣкъ. По старому русскому понятію, пиръ не долженъ былъ обходиться безъ угощенія нищихъ и калѣкъ. Вообще въ сказкахъ южнорусскихъ, добрый князь или король, когда учреждаетъ пиръ, то непременно приглашаетъ ихъ. Даже если князь чѣмъ-нибудь затрудняется, что-нибудь хочетъ получить отъ судьбы, то пиръ на весь міръ и угощеніе бѣдняковъ есть средство къ

пріобрѣтенію удачі. Памятью древняго сознанія богатства и довольства Кіева и его земли остается въ лѣтописи разсказъ о томъ молодцѣ Бѣлого-родцѣ, который обманулъ Печенѣга (а Печенѣгъ также глуповатъ былъ, какъ и Древлянинъ, въ глазахъ Руссовъ кіевскихъ). Подводя его къ колдцу, гдѣ была поставлена кадъ съ киселемъ, Русскій увѣрилъ Печенѣга, что земля сама производитъ имъ кисель. Здѣсь невольно вспоминаются кисельные берега, медовыя и молочныя рѣки. Такой же смыслъ роскоши и богатства страны представляетъ разсказъ лѣтописца о томъ, какъ дружина сказала Владиміру: *зло нашимъ головамъ! намъ псть деревянными ложницами, а не серебряными!* Кіевскій князь приказалъ искать серебрянныя ложки для дружины, и говоритъ: я серебромъ и золотомъ не найду дружины, а дружиною найду серебро и золото, какъ отецъ мой и дѣдъ доискала дружиною злата и серебра.

Это довольство привлекало въ Кіевъ и въ русскую землю съ разныхъ сторонъ жителей. Населеніе Кіева и русской земли не было однородное: тутъ были и Греки и Варяги, Шведы и Датчане и Поляки, и Печенѣги и Нѣмцы, и Жиды и Болгаре. Эта пестрота народонаселенія объясняетъ и преданіе о предложеніяхъ Владиміру принять ту или другую вѣру; если здѣсь нужно искать исторической истины, то предлагавшіе Владиміру вѣру были скорѣе жители Кіева, чѣмъ иноземные апостолы. При Владимірѣ, послѣ его крещенія, при Святополкѣ и при Ярославѣ, Кіевъ быстро развивался и процвѣталъ. При веселой жизни и распущенности нравовъ, кіевляне не имѣли ничего строгаго, подавляющаго; оттого въ Кіевъ и Русскую Землю сбѣгались, по извѣстію Титмара, разнаго рода бѣглые рабы, — тутъ они находили себѣ пріютъ и пропитаніе. Вѣроятно тутъ же себѣ находили люди рабочіе хорошіе заработки; охота строить зданія, украшать дома, призывала туда рабочихъ. Въ Кіевской Землѣ менѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, могъ сохраниться чистый типъ одной народности, когда люди всякаго званія и ремесла скоплялись тамъ отовсюду. Даже тѣ, которые составляли княжескую дружину, — классъ возвышавшійся надъ массою, по значенію и силѣ, — были не Кіевляне по происхожденію, а пришельцы. Это показывается въ былинахъ стараго времени Владимірова цикла. Богатыри призываютъ служить Владиміру, — кто изъ Муромъ, кто изъ Ростова, кто изъ Царягорода, или съ береговъ Дуная, изъ чуждыхъ далекихъ странъ. Все это даетъ поводъ воображать себѣ старый Кіевъ въ родѣ тѣхъ городовъ, гдѣ наплывъ разнородныхъ типовъ даетъ жителямъ вообще физіономію смѣс. Даже и Кіевская Земля была населена такою же смѣсью. При Владимірѣ, на лѣвой сто-

ронѣ Днѣпра, населеніе увеличилось не посредствомъ природнаго размноженія народа и не подвиженіемъ его съ правой стороны Днѣпра, а переселеніемъ изъ разныхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ, странъ Русской системы. *И нача* — говоритъ нашъ лѣтописецъ (подъ 988 г.) — *стави-ти города по Деснѣ, и по Востри, и по Трубези, и по Суль, и по Стугнѣ, и нача нарубати мужь лучшій отъ Словенъ, и отъ Кривичъ, и отъ Чюди, и отъ Вятичъ, и отъ сихъ насели города*. Въ 990 г., онъ населилъ Бѣлгородъ также точно: «наруби въ не отъ нѣхъ городовъ и много людей сведе въ онъ». И здѣсь тоже заселился городъ вмѣстѣ своднымъ народонаселеніемъ изъ разныхъ странъ и городовъ. (Что значитъ *наруби*? Вѣроятно при сводѣ народа для населенія новыхъ мѣстъ употреблялся какой-нибудь обычай дѣлать *зарубки* или замѣтки, по жребію). Такимъ образомъ, переселеніе въ Русскую Землю совершилось изъ Бѣлоруссіи, изъ Средней Россіи, изъ Новгородской Земли и наконецъ изъ Чуды. Нельзя думать, чтобы это было первое заселеніе лѣвой стороны, ибо мы знаемъ, что тамъ жили уже народы, и притомъ лѣтописецъ влагаетъ въ уста Владиміру слова: «се малъ городъ около Кіева», т. е. мало городовъ, а не мало жителей. Жители жили въ деревняхъ и для защиты ихъ не нужно было городовъ, и поэтому онъ призвалъ или переселилъ лучшихъ людей изъ чужихъ народовъ — не земледѣльцевъ, не смердовъ, но способныхъ къ оружію. Это должно было способствовать образованію въ нѣкоторомъ смыслѣ высшаго сословія, ибо въ тотъ вѣкъ люди, посвященные военнымъ занятіямъ и оборонѣ края, должны были пользоваться уваженіемъ и преимуществами предъ простымъ народомъ; а военные — мужи города — были люди разнаго происхожденія и, слѣдовательно, составляли сами по себѣ общество, отдѣльное отъ массы народа и несвязанное съ ними этнографическимъ единствомъ и мѣстными преданіями.

При свободѣ и распущенности, при стеченіи разнохарактернаго народа изъ близкихъ и далекихъ сторонъ, не удивительно, что отъ этого древняго періода нашей исторіи сохранились черты, показывающіе тогда дурное состояніе нравственности. Въ Кіевѣ и въ Русской Землѣ происходили убійства и безчинства. Лѣтописецъ говоритъ: *умножишася разбоеве*; слово *разбоеве*, какъ видно изъ Русской Правды, нельзя принимать въ нашемъ смыслѣ этого слова; оно выражало тогда ссоры, поединки и драки. Какъ вообще въ торговомъ городѣ, гдѣ любятъ богатства, гдѣ комфортъ своего рода предпочитается всему, въ Кіевѣ человекъ дѣлался продажнымъ. Эта продажность очень высказывается и тѣмъ, что еписко-

пы и старцы сказали о казни убійць: у насъ войны часто, а когда виру брать, то будетъ на оружье и на лошадей (Рать много; оже вира, то на оружьи и на конехъ буди). У князей Святополка и Ярослава являются черты, воспитанныя на Кіевской почвѣ: и дикость язычества и развращеніе столицы. Святополкъ былъ пьяница и сибаритъ, гуляка и наглый злодѣй. »Лють бѣ граду тому, въ немже князь юнъ, любяй пиры, вино съ гуслями и съ младыми совѣтниками«. Святополкъ любилъ пожить, повеселиться и не останавливался ни предъ какимъ злодѣяніемъ. Ему мѣшали братья. За чѣмъ съ ними дѣлиться, когда можно взять одному? Едва ли здѣсь, какъ нѣкоторые толковали, руководила имъ месть за отца Ярополка, и ни въ какомъ случаѣ не подвигало его сознательное стремленіе къ единовластію, съ видами политическими: то были порывы необузданного пьяницы, развращеннаго гуляки и легко было ему найти исполнителей въ массѣ разноплеменнаго и развращеннаго края; имена ихъ указываютъ на иноземное происхожденіе. Имя Еловить—какъ-будто Сербское, имя Лешко показываетъ, что отецъ его былъ Ляхъ родомъ. И съ другой стороны, у Бориса былъ отрокъ Угринъ. Совершивши злодѣянія, Святополкъ долженъ былъ обезопасить себя отъ Кіевлянъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же они признаютъ княземъ братоубійцу? Но Кіевлянъ легко было привести къ признанію княжескаго достоинства за злодѣемъ. »Созвавъ люди, нача даяти овѣмъ коръзни (одежды), а другимъ кунами, и разда множество«. Кто были эти люди — или передовые въ городѣ, бояры, или простой народъ? И то и другое возможно, а неясность поставляетъ насъ въ неудомѣніе относительно этого важнаго обстоятельства. Отъ кого бы ни зависѣла судьба Кіева, а съ нимъ и цѣлой Руси, въ то время: отъ избранныхъ ли классовъ, или отъ народа, — въ томъ и другомъ случаѣ легко можно было торжествовать неправдѣ и прикрыться продажности. Дѣйствительно, Святополкъ даже могъ обдарить цѣлый Кіевъ. Все вознаградилось бы, коль скоро онъ начнетъ собирать дань съ подвластныхъ народовъ и областей. Вотъ здѣсь открывается народная мѣстная черта. Еще народъ Кіевскій не впалъ въ рабскую покорность, но могъ подпасть подъ всякую неправую власть посредствомъ приманки его матеріальными выгодами. Съ другой стороны, Ярославъ, прославленный лѣтописцемъ столько же, сколько былъ проклинаемъ Святополкъ, по нравственнымъ своимъ понятіямъ недалеко былъ выше Святополка; хитрый, жестокій, онъ вполне обрисовывается въ поступкѣ своемъ съ Новгородцами, которыхъ, за избіеніе чужеземцевъ Варяговъ,

созвавши тайно къ себѣ, перебилъ. Другой, не менѣе возмутительный, поступокъ этого князя былъ съ роднымъ братомъ Судиславомъ.

Чувственность, порывы наслаждаться жизнью, производя развращеніе нравовъ, не убивали однако въ народѣ воинственного элемента, не доводили его до той изнѣженности, при которой народъ дѣлается неспособнымъ ни къ общему предпріятію, ни къ общему самосохраненію. Столкновения съ иноплемениками, какъ выше мы сказали, не давали уснуть его молодымъ силамъ. Въ пѣсняхъ великорусскихъ о Кіевскомъ періодѣ, гдѣ хотя послѣдующіе вѣка положили сильно свой колоритъ, но гдѣ, тѣмъ не менѣе, нельзя не видѣть основы глубоко древней, въ характерѣ тогдашнихъ богатырей, вмѣстѣ съ чувственностію, показывается и удалъ и богатырство. На самыхъ пирахъ отправлялись разныя пробы удалства: борьба, стрѣлянье изъ лука въ цѣль:

Будетъ день въ половицу дня,
Будетъ столъ въ полустолъ,
Богатыри прирасхвастались молодецкой удалю.
Алешенька Поповичъ, что бороться гораздъ,
А Добрыня Никитичъ — гораздъ его,
А Дунай сынъ Ивановичъ изъ лука стрѣлять,
По той было мѣточкѣ стрѣлять въ золотъ перстень,
Что во ту было ставочку муравлену.

Даже женщины показываютъ удалство. Такова жена Дуная, погибшая нечаянно отъ любившаго ея мужа, который хуже ея стрѣлялъ въ цѣль; такова жена Ставра-боярина, героиня, освободившая своего супруга отъ тюрьмы. Всѣ онѣ не Кіевлянки. Но въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ крещеніемъ и развращеніемъ, приходили и свѣжія нравственные стихіи жизни. Разгульная, веселая жизнь Кіевлянъ смущалась безпрестанными набѣгами Печенѣговъ. Битвы съ ними носятъ на себѣ поэтическій характеръ. Къ намъ перешли чрезъ лѣтописъ два разсказа, очень поэтическіе, о битвѣ на мѣстѣ нынѣшняго Переяслава и о хитрости въ Бѣлгородѣ. Какъ народны были эти разсказы и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ народны и значительны были тогдашнія войны съ Печенѣгами, достаточно видно изъ того, что разсказъ о богатырѣ, побѣдившемъ Печенѣговъ, до сихъ поръ живъ въ памяти народной. Въ древніе годы — разсказываетъ преданіе — явился подъ Кіевомъ змѣй и побѣдивъ Кіевлянъ, наложилъ на нихъ дань — по юношѣ и по дѣвицѣ. Давали горожане; пришла очередь и князю (замѣтимъ мимоходомъ, что это уравниеніе правъ князя съ простыми смертными есть, въ существующей теперь пѣснѣ, остатокъ древняго взгляда, когда дѣйствительно о князѣ, хотя бы сильномъ и самовластномъ по обстоятель-

ствамъ, не имѣли такого понятія, какъ о государѣ). Князь далъ змѣю дочь свою. Змѣй полюбилъ ее страстно. Однажды кіевская княжна приласкалась къ нему и говоритъ: а щó, змійоно, чи е такой на свѣті, щобъ тебѣ подужавъ? «Змѣй отвѣчалъ:» есть, не далеко отъ Кіева, Кожемяка Кирило: какъ затопить печь, такъ дымъ стелется подъ облака; а какъ выѣдетъ на Дибиръ мочить кожи, то несетъ ихъ не по одной, а разомъ двѣнадцать штукъ; какъ онѣ пащаются водою, то такъ отяжелѣютъ, что я, пробуя, цѣплялся за нихъ, думалъ вытянуть, анъ нѣтъ! а онъ какъ потянулъ, такъ и меня чуть съ ними не вытащилъ.»

Быль у княжны голубокъ, съ которымъ она пришла къ змѣю. Она написала записочку и привязала къ голубку; въ записочкѣ, она дала знать отцу: есть въ Кіевѣ человекъ Кирило Кожемяка; просите его черезъ старыхъ людей, не побѣтся ли онъ со змѣемъ и меня бѣдную не вызволить ли?

Когда голубокъ спустился на землю въ княжескомъ подворьѣ,—княжескіе дѣти играли по двору и, увидѣвши голубка, закричали: «татусю, татусю! голубокъ одъ сестрички прилетѣвъ!» Поймали голубка. Прочитавъ записку, князь созвалъ старцевъ и допросился отъ нихъ о силачѣ. Послали стариковъ къ Кирилу Кожемякѣ. Отворивъ двери его хаты, они застали его сидящаго за работою къ нимъ спиною: онъ мѣлъ кожи. Старцы кашляли, какъ обыкновенно дѣлаютъ малороссіяне, желая дать знать о своемъ присутствіи. Кожемяка вздрогнулъ, испугавшись внезапности, и разорвалъ двѣнадцать шкуръ, которыя держалъ въ рукахъ и чрезвычайно разсердился на гостей, обезпокоившихъ его и надѣлавшихъ ему убытку. Никакъ не могли упросить его. Князь послалъ къ нему молодыхъ (дружину),—и тѣ не упросили разсерженного богатыря. Наконецъ послали къ нему дѣтей: тѣ упросили его. Онъ явился къ князю, потребовалъ двѣнадцать бочекъ смолы и двѣнадцать воевъ конопляныхъ *повісомъ*, намазалъ повісма смолою, обмотался ими, взялъ въ руки десятипудовую булаву, и пошелъ къ змѣю. Змѣй, увидя его, спрашиваетъ:—щó, Кирило, чогó прийшовъ до мене: битьця, чи миритьця?—Дѣ вже тамъ миритьця! отвѣчалъ богатырь: прийшовъ зъ тобою битьця.—Змѣй вырвалъ съ Кожемяки зубами коноплю; Кожемяка билъ булавою змѣя въ голову. И когда змѣй, разъярившись, не могъ вытерпѣть и бѣгалъ пить дибровскую воду, чтобъ сколько нибудь придти въ свѣжія силы, Кожемяка успѣвалъ снова обматывать коноплями мѣста, вырванныя змѣиными зубами; и снова начинался бой. Кожемяка билъ булавою въ голову змѣя, и расходился по окрестностямъ такой стукъ, какой бываетъ отъ множества работаю-

щихъ кузницъ. Въ Кіевѣ между тѣмъ звонили въ колокола, служили молебны, а народъ стоялъ на горахъ съ поднятыми къ небу руками и испрашивалъ Божіей помощи своему богатырю. Наконецъ змѣй палъ. Кирило сжегъ мертвое чудовище и пустилъ на четыре стороны свѣта его пепель, — и сдѣлалъ не хорошо: изъ этого пепла расплодилось всякая дрянь на свѣтѣ: комары, мухи, мошки. Но это послѣ испытали люди; а въ тотъ день, когда Кирило привелъ къ князю освобожденную дочь его, радость была неимоверная въ Кіевѣ.

Эта народная повѣсть, по своей основѣ, есть остатокъ древняго языческаго эпоса. Связь ея съ исторіей того богатыря, о которомъ говорится въ лѣтописи, не подлежитъ сомнѣнію. Черты: его гнѣвъ, его упрямство, его занятіе — все представляетъ сходство съ разсказомъ нашего лѣтописца. До сихъ поръ подъ Кіевомъ существуетъ *байракъ* съ хатами, висящими на двухъ обрывистыхъ горахъ. Это мѣсто называется *кожемяки* и народъ связываетъ это названіе съ именемъ Кирила Кожемяки.

Одною изъ разительнѣйшихъ чертъ древняго времени было *побратимство* или *названное братство*. Это былъ союзъ двухъ, трехъ и болѣе постороннихъ, не родныхъ между собою, лицъ, обязавшихся другъ другу помогать, другъ за друга сражаться, другъ друга избавлять, вызволять отъ опасностей, другъ за друга жертвовать жизнью и хранить пріязнь и братство дружбы ненарушимо. Этотъ обычай очень древень. Его слѣды встрѣчаются у Скифовъ. Г. Новосельскій, въ своемъ сочиненіи—*Lud Ukrainski*, очень кстати представилъ на видъ разсказъ изъ діалоговъ Лукіана о трехъ Скифахъ, заключившихъ между собою союзъ дружбы. Грековъ изумлялъ тогда этотъ варварскій обычай. Какое отношеніе имѣли къ намъ древніе Скифы, до этого нѣтъ дѣла при опредѣленіи значенія нашего побратимства или названнаго братства; довольно только, что оно существовало издавна на нашей почвѣ. Одинакія обстоятельства производятъ сходныя слѣдствія. »У васъ, Грековъ, — говорилъ имъ Скифъ, — нѣтъ истинной дружбы; но у насъ, гдѣ безъ войны не обойдешься, гдѣ надобно или нападать, или ждать нападенія, или оборонять свои поля, или грабить чужія, — дружба необходима; нужно имѣть друзей, которые бы на всякую бѣду отважились. « Въ такомъ сходномъ положеніи была тогда Южная Русь. Богатыри, которыхъ имена блестятъ такимъ эпическимъ сіяніемъ, не мнѡе. Владиміръ часто долженъ былъ посылать удалыхъ высматривать, нѣтъ ли Печенѣговъ, а послѣдующіе князья — Половцевъ; другіе должны были ѣздить къ князьямъ

или отъ князей, или помогать имъ отъ себя для сбора даней; и тамъ и здѣсь имъ было небезопасно: надобно было пріобрѣтать друзей. Свято (читилось это названіе братства или побратимства: измѣна брата чувствительнѣе казалась всякаго лишенія. Въ былинѣ о Василіѣ Даниловой, когда, угождая необузданному произволу сладострастнаго князя, пошелъ на ея мужа, Данила Денисьевича, названный братъ Добрыня Никитичъ, Данило заплакалъ горькими слезами:

И гдѣ это слыхано, гдѣ видано:
Братъ на брата съ боемъ идетъ?

И Данило не пережилъ такого ужаса:

Беретъ Данило свое востро копье,
Тупымъ концемъ втыкать во сыру землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ.

Это-то уваженіе къ святынѣ дружбы произвело болгарское сочиненіе и распространило свою у насъ легенду о братствѣ, гдѣ Иисусъ Христосъ устанавливаетъ братство.

Вотъ начало того братства, которое такъ сродно южнорусскому народу и составляетъ нѣкоторую характеристическую черту позднѣйшей исторіи его.

Вмѣстѣ съ богатырскимъ побратимствомъ, или названнымъ братствомъ, является подобное же въ монастыряхъ — братство духовное. Названные братства Алексѣя Поповича, Ильи Муромца, отозвались впоследствии въ Запорожской Сѣчи, а духовное братство первыхъ монастырей приготовило церковныя братства XVII в., отстоявшія религію греческую отъ насилія западнаго.

Побратимство никогда не прекращалось въ Украинѣ, какъ и въ Дунайскихъ Славянскихъ земляхъ. Главный и древнѣйшій символическій знакъ этого нравственнаго обычая есть обмѣна драгоценныхъ вещей или взаимный даръ. Теперь существуетъ этотъ обычай не только между мужчинами (или лучше — не столько между мужчинами, сколько между женщинами), но и женщинами — *посестримство*. Оно состоитъ въ обмѣнѣ крестовъ. Такой же обрядъ побратимства видѣнъ и въ разговорѣ воеводы Претича съ печенѣжскимъ княземъ въ 962 году: *рече же князь печенѣжскій къ Прѣтичу: буди ми другъ. Онъ же рече: то же створю. И подаста руку межи собою, и въдасть печенѣжскій князь Претичю: конь, сабля, стрѣлы; онъ же дастъ ему: броню, щитъ, мечъ,*

Во время борьбы Святополка съ Ярославомъ, Кіевъ первый разъ попадаетъ въ руки чужеземцевъ. Болеславу такъ понравилось въ Кіевѣ, какъ нѣкогда Святославу въ Переяславцѣ. Народъ южнорусскій былъ въ такомъ же отношеніи къ Польскому, какъ Болгарскій къ Русскому. Какъ Русскіе, при Святославѣ, могли принять Болгарію за продолженіе Руси, такъ и Болеславъ—Русь за продолженіе Польши. Русскіе не противились, когда Болеславъ поставилъ на покормъ, по городамъ, свои дружины, а самъ засѣлъ въ Кіевѣ. По потомъ, когда чужеземное соседство имъ надоѣло, приняты были средства не рыцарскія, именно такія, какія были вполне согласны съ характеромъ населенія. Святополкъ, князь Кіева, руководилъ народомъ. Поляковъ избивали тайно. Поляки бѣжали, Ярославъ сдѣлался княземъ Кіевскимъ и правилъ, окруженный чуждою силою. Роль однихъ чужеземцевъ, Поляковъ, смѣнилась ролью другихъ—Варяговъ—Шведовъ. Это было время, когда Скандинавы, просвѣтившись христіанствомъ, начали показывать энергическую дѣятельность въ новой сферѣ; охота странствовать по-свѣту для разбоевъ замѣнилась нѣсколько болѣе законнымъ способомъ—стали наниматься въ военную службу греческихъ императоровъ. Явились собственно такъ называемые Варенги или Варяги; они во множествѣ проходили черезъ Русь по Днѣпру. Кіевъ былъ ихъ временнымъ пристанищемъ. Тогда князья нашли удобнымъ приглашать ихъ, и вотъ они также, какъ и въ Греціи, у насъ являются съ тѣмъ же значеніемъ наемнаго сословія. Связь съ Норманами уже была очень значительна при Владимірѣ, какъ показываетъ сага Олафа Тригвасона. Князь Ярославъ, еще живучи въ Новгородѣ, женился на Ингегердѣ, дочери короля Свенона. По поводу этого брака, много Нормановъ приходило къ намъ. По связямъ съ Швеціей, Ярославъ воспитывалъ у себя Олафова, сына Магнуса и отдалъ дочь свою за Гаральда Гардраре, Норвежскаго короля. Около княгини были одноземцы. По брачному договору съ Ингегердой, Ладога была уступлена Ярлю Рагвальду. Съ помощію Варяговъ удержался князь на столѣ Кіевскомъ. Но какъ видно, Варяги вскорѣ надоѣли ему, и Ярославъ, видя, что уже устался крѣпко, выпроводилъ ихъ въ Грецію. Тѣмъ кончилось кратковременное норманское вліяніе, продолжавшееся лѣтъ около 70-ти.

Намъ неизвѣстны подробности управленія Кіева и другихъ городовъ Южнорусскаго края, на столько, чтобы судить отношеніе его къ народному быту. Мы, однако, видимъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ, что народъ раздѣлялся на сотни и десятки, были сотскіе и десятекіе, вѣроятно, выборные; по городамъ вмѣсто князя были княжескіе посадники (намѣстни-

ки) и старцы—старѣйшины изъ туземныхъ жителей. Близкіе князю лица носили общее названіе *дружины*; это было вмѣстѣ и военное сословіе и стража княжеская и совѣтники его. Владиміръ, по извѣстію лѣтописца, совѣтовался съ дружиною »о строи землянѣмъ, и о ротахъ и уставѣ земскѣмъ«. Слово бояре употребляется въ другихъ мѣстахъ въ смыслѣ первенствующихъ лицъ, не принадлежавшихъ къ составу дружины. Бояре, какъ кажется, были старѣйшины Земли, или народа. Коль скоро былъ народъ, была и земля, съ землею соединялось понятіе бояра. Такъ различаются бояре по городамъ, бывшимъ центрами земли или ея отдѣловъ, наприм. бояре вышгородскіе, бояре бѣлогородскіе: это были лица, которыхъ значеніе соединялось съ мѣстностію, по какой они назывались. Чтѣ бояре отличались отъ мужей княжескихъ, это указываетъ въ житіи св. Владиміра, гдѣ говорится, что св. князь ставилъ трапезу *собѣ и бояромъ своимъ и всѣмъ мужемъ своимъ*. Часть дружины, окружавшей князя, составляла то, чтѣ называлось *гриди* (лит. greitis—прислѣнники, служители). Въ важныхъ дѣлахъ князь не начиналъ самъ собою ничего, а совѣтовался съ боярами, и дружиною, и старцами людскими. Подъ послѣдними разумѣлись выборные народомъ должностные лица. Какъ ихъ выбирали и какой объемъ былъ ихъ власти и обязанности, теперь напрасно хотѣли бы мы разъяснить. Со времени побѣды надъ Хазарами съ одной стороны, а потомъ съ знакомствомъ съ Греціею, на князѣ, предводителѣ дружины, отчасти ложится отпечатокъ восточнаго вліянія. Замѣчательно, что, въ словѣ Иларіона, Владиміръ называется Хаганомъ. Это указываетъ на вліяніе восточно-хазарскаго элемента, который могъ бы, совокупно съ византійскимъ, водворить, подтвердить и укрѣпить единовластіе и значеніе царственности княжескаго достоинства, если бы развитіе удѣльности не помѣшало этому тотчасъ же. Невозможно опредѣлить, чтѣ брало перевѣсъ — восточный элементъ или свобода; и то и другое было въ зародышѣ, какъ и удѣльность и единовластіе. Возвышеніе чловѣка за услуги могло быть по волѣ князя. Такъ богатыря, который побѣдилъ Печенѣжскаго исполина на мѣстѣ, на которомъ построенъ былъ Переяславль, Владиміръ сотворилъ великимъ мужемъ. Слѣдовательно, существовало понятіе о нареченіи на высшее достоинство, о пожалованіи. Даже существовали вишніи украшенія, означающія отличія. Такъ на Георгіи Угринѣ, отрокѣ Бориса, была гривна золотая, повѣшенная княземъ ему на шею, въ знакъ особаго расположенія.

Недостаточность источниковъ не даетъ намъ права представить, до

какой степени власть князя поглощала личную дѣятельность народа и общественную. Не было институцій ни подпиравшихъ княжескую власть, ни указывающихъ ей предѣлы. Несомнѣнно то, что, съ одной стороны, князь не утвердилъ еще въ себѣ понятія о царственности и о недоступности своей особы для прочихъ смертныхъ, съ другой—и народъ не развилъ въ себѣ идеи свободы въ отношеніи съ властію. Князь Владиміръ совѣтовался съ боярами и старцами людскими, призвалъ также къ себѣ сотскихъ и десятскихъ народа. Ни въ это время, ни послѣ, не видимъ мы ничего, что бы ставило князя на неприступную высоту величія. Владиміръ пировалъ со своими богатырями, какъ съ равными, или по крайней мѣрѣ не такъ, какъ съ рабами. Но бояре и дружина не имѣли, кажется, ничего строго родового, ибо послѣ смерти Владиміра, по извѣстію лѣтописца, плакали по немъ два рода людей: *бояре и убоиѣи*. Раздѣляя такимъ образомъ народъ, лѣтописецъ хотѣлъ выразить словомъ бояре—люди съ достаткомъ, въ противоположность бѣднякамъ—убогимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ же мѣстѣ, поясняется слово бояре выраженіемъ: *плакали бояре, яко заступника ихъ земли, а убоиѣи, яко заступника и кормителя*. И такъ бояре были владѣтели земли, ибо земля представляется ихъ достояніемъ; охраняя землю, князь охранялъ бояръ. Въ Русской Правдѣ также имя бояринъ употребляетъ въ смыслѣ владѣтеля земли. Натурально, что тѣ, которые владѣли землями, имѣли и голосъ и составляли вмѣстѣ съ княземъ власть; дружина же состояла изъ тѣхъ, которые охраняли князя и города, подвергавшіеся непрерывнымъ опустошеніямъ.

Вообще, однако, древній духъ южно-русскаго народа представляетъ уравнительное начало общественныхъ условій, какъ это показываютъ древнія сказки, на которыхъ лежитъ отпечатокъ глубочайшей старины. Хотя въ нихъ являются князья, короли и королевичи, за то сказка всегда хочетъ представить своего богатыря изъ незначительнаго происхожденія, или если даже сына королевскаго, то даетъ ему значеніе по чему нибудь унижительное предъ другими, дабы послѣ выставить на показъ ту мысль, что вотъ тотъ, который сначала былъ меньшимъ всѣхъ по людскому понятію, стоить уваженія; на кого меньше возлагали надежды, тотъ вышелъ и дѣльнѣе и полезнѣе всѣхъ. Много есть сказокъ, гдѣ играетъ роль мужицкій сынъ и притомъ сынъ мужика бѣднаго, а въ одной, въ фантастической, сынъ собаки (сучичъ) беретъ верхъ надъ сыномъ королевскимъ и спасаетъ его отъ всякихъ бѣдъ.

Въ то время, когда въ Кіевѣ образовывалось такое, повидимому, разлагавшее общество, явилась нравственная оппозиція этому развращенію

въ монастырь Печерскомъ. Съ самого появленія христіанства, новый духовный элементъ долженъ былъ ратовать противъ языческаго образа понятій и всего теченія жизни подъ языческими привычками. Въмѣсто эгоистической преданности своимъ чувственнымъ пожеланіямъ, являются примѣры любви къ ближнему, помощи страждущему. Духовенство является съ оружіемъ одного слова, становится на челѣ народа, живущаго матеріальною силою. Уваженіе новокрещеннаго Владиміра къ епископамъ указываетъ на первую готовность подчинять языческую гордыню и необузданность христіанскому смиренію. Князь построилъ десятинную церковь, — со всѣхъ его доходовъ назначена 10 часть на эту церковь; изъ житія св. Владиміра, писаннаго близкимъ къ нему по времени лицомъ, видно, что это назначалось для содержанія *духовенства и помощи сиротамъ и вдовамъ* (Христ. Чт. 1849, II. 307).

Вмѣсто уваженія къ силѣ и презрѣнія къ слабости (это столь естественно въ первобытныя времена цивилизаціи) является противное тому — уваженіе къ нищетѣ, и даже обоготвореніе страданія. Вѣра христіанская указываетъ другую цѣль жизни, открываетъ надежду на загробныя блага; вся здѣшняя жизнь не имѣетъ цѣны сама для себя. Страданія, терпѣнія за правду, ведутъ къ достиженію царствія Божія. Кто страдаетъ, тотъ получаетъ награду за свое страданіе по смерти. Отъ этой идеи возникла другая: не только не должно убѣгать отъ страданія — слѣдуетъ искать его. Это идея, новая для Русскихъ, вошедши къ намъ съ Православіемъ, какъ вообще всякое новое направленіе, приобрѣла себѣ тотчасъ же горячихъ послѣдователей. Образовался такой взглядъ на новую вѣру, что сущность ея состоитъ въ постѣ, удрученіяхъ плоти и самопроизвольномъ страданіи. Увлеченные этимъ убѣжденіемъ искали страданія. Симонъ, епископъ Владимірскій, питомецъ Печерскаго монастыря, въ своемъ посланіи выразился: *вопрошаю же тя: чимъ хочещи спасенія? аще и постникъ еси или трезвитель о всемъ и нищъ и безъ сна пребывая, а досажденія не терпя, не оузриши спасенія*. Подъ вліяніемъ этого, внесеннаго къ намъ извнѣ, убѣжденія о необходимости страданія и терпѣнія для угожденія Богу, образовалось у насъ скоро послѣ принятія христіанства аскетическое направленіе: монастырское затворничество, изнуреніе себя голодомъ, безсонницею и трудами, и безпрестаннымъ обращеніемъ мысли и чувства къ духовному міру. Направленіе это, конечно, разнесли у насъ Греки, монахи и паломники, которые тотчасъ же послѣ крещенія Руси странствовали по городамъ и селамъ Русской Земли. Это видно изъ житія Θεодосіева. Настроенный уже

къ чудесному, къ которому имѣлъ наклонность по своей натурѣ, Θεοδο-сій встрѣтился со старцами и *любезны цѣлова ихъ и вопросы ихъ: откуда суть и камо грядуть? Онѣмъ же рекшимъ, яко отъ святыхъ мѣстъ есма.* Вотъ, видно, вскорѣ послѣ принятія христіанства, у насъ странствовали восточные паломники между народомъ и они-то, своими разказами, своимъ ученіемъ, своими образами блаженства будущей жизни, бросили сѣмя аскетическаго направленія въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начали распространяться книги, переведенныя съ греческаго, житія святыхъ, гдѣ аскетическая жизнь выставялась, какъ образецъ.

Говоря въ обширномъ смыслѣ, православное ученіе о страданіи и терпѣніи за правду и вѣру можетъ быть очень разнообразно и способно избрать тотъ, другой и третій исходъ, смотря по настроенію и характеру народнаго быта. Идея терпѣнія можетъ различно проявляться. У насъ, по-видимому, сначала это аскетическое направленіе стало проявляться въ паломничествѣ или странничествѣ, ибо Антоній, первый изъ подвигоположниковъ, отправился на Афонскую гору; Θεодосій также устремился было къ святымъ мѣстамъ, но скоро это направленіе измѣнилось и обратилось къ отечеству. Центромъ подвижничества сдѣлался Кіевъ. Страннымъ можетъ показаться нѣкоторымъ то обстоятельство, что люди, искавшіе уединенія, избрали мѣсто близъ многолюднаго и, какъ мы уже показали, сластолюбиваго города, а не гдѣ-нибудь вдаль отъ центровъ гражданственности и торговли. Но вмѣстѣ съ желаніемъ спастись въ уединеніи самому, аскетами руководило еще желаніе и другихъ увлечь къ такому же добровольному терпѣнію, а Кіевъ былъ изъ всѣхъ городовъ болѣе христіанскій въ то время, слѣдовательно, какого бы рода ни была христіанская проповѣдь, нигдѣ столько не могла имѣть успѣха и пайти себѣ послѣдователей. Примѣръ Θεодосія, отъ котораго осталось нѣсколько проповѣдей, показываетъ, что эти аскеты были не только труженики, но и проповѣдники, учителя, пропагаторы монастырскаго житія.

Вмѣстѣ съ религіозными преданіями Востока, зашли къ намъ повѣсти о богоугодившихъ Оивандскихъ отцахъ, которые жили не въ домахъ, а въ пещерахъ, и сами себѣ ихъ искапывали. Въ древности, какъ извѣстно, кромѣ аскетическаго настроенія, къ этому побуждали и гоненія на христіанство и необходимость прятаться отъ преслѣдователей и враговъ. Это правилось у насъ и сохранялось даже до позднѣйшихъ временъ. Многіе, желая угодить Богу, копали пещеры. Первый, начавшій копать пещеру, былъ Иларіонъ, священникъ бывшій въ Берестовѣ, котораго

Ярославъ послѣ сдѣлалъ кіевскимъ митрополитомъ. Богоугодіе въ копаніи пещеръ заключалось въ томъ, что человекъ томилъ себя произвольнымъ трудомъ, съ мыслию — приносить себя самого въ жертву. Явился Антоній. Житіе, внесенное и въ лѣтописи, не говоритъ о томъ, какъ вошла къ нему идея идти въ Афонскую гору и кто былъ его наставникомъ. Вѣроятно, любечскій юноша, будущій начальникъ монашескаго житія въ Россіи, получалъ первыя сѣмена этого аскетизма отъ какихъ нибудь грековъ, какъ и Θεодосій, о которомъ говорится, что онъ встрѣтилъ старцевъ изъ Святой Земли и пожелалъ съ ними идти на Востокъ. Неизвѣстность, какимъ образомъ вошла Антонію мысль идти въ святую гору и съ кѣмъ онъ дошелъ туда — для насъ большая потеря. Несомнѣнно то, однако, что полное развитіе аскетизма въ немъ совершилось уже на Святой Горѣ, ибо и житіе его (въ нашей лѣтописи) говоритъ, что онъ, обходявъ афонскіе монастыри, получилъ желаніе принять иноческій образъ; тогда монахи греческіе отправили его въ Русь и сдѣлали изъ него проповѣдника аскетическаго благочестія. Ему предсказали, что отъ него *черницы мнози быти плути*. Антоній, слѣдовательно, возвращался въ отечество съ сознаніемъ призванія своего и съ убѣжденіемъ, что ему суждено основать въ Россіи монашеское житіе; онъ явился въ Кіевъ, а не куда-нибудь, въ Кіевъ, потому что тамъ уже были и монастыри, заведенные тотчасъ же прозелитами послѣ крещенія. Но, какъ видно, эти монастыри были не таковы, какъ святогорскіе, и житіе въ нихъ не было то, какого образъ составилъ въ созерцательной головѣ Антонія. Антоній поселился въ пещерѣ, ископанной Иларіономъ; получивши митрополичій санъ, послѣдній оставилъ ее; Антоній полюбилъ это мѣсто и началъ тамъ жить, изнуряя себя воздержаніемъ, вкушая только хлѣбъ и воду, и то чрезъ день. Скоро, однако, слава его разнеслась по Кіеву: христіане, зная изъ поученій своихъ священниковъ, что древніе святые проживали въ пещерахъ и тѣмъ угождали Богу, приходили къ Антонію, приносили ему все потребное и удивлялись его подвигамъ. Такъ, это была первая школа, не только словомъ, но и дѣломъ и примѣромъ распространившая и утвердившая въ народѣ то неизмѣнное до сихъ поръ понятіе, что сущность христіанскаго спасенія достигается самопроизвольными трудами, изнуреніемъ и всевозможнѣйшимъ терпѣніемъ и страданіями. Антоній не былъ однимъ изъ такихъ лицъ, которые способны энергическою практическою дѣятельностію основать, укрѣпить и поддержать создаваемое зданіе. Это была натура, какъ видно, кроткая, мягкая. Біографъ его необинуясь говоритъ, что онъ былъ

простъ умоу. Когда къ нему сошлось нѣсколько братіи, то онъ устроилъ имъ церковь, назначилъ игумена, а самъ удалился въ пещеру, гдѣ пробылъ сорокъ лѣтъ. Лѣтописное житіе говоритъ, что онъ не выходилъ оттуда никогда; въ житіи св. Оеодосія говорится, что онъ вышелъ къ его матери.

Напротивъ, другой святой мужъ, Оеодосій, послѣдовавшій за Антоніемъ, былъ совсѣмъ другого характера. Это былъ человѣкъ столько же суроваго аскетизма, сколько и практической дѣятельности. Это былъ человѣкъ, для котораго недостаточно было думать о собственномъ спасеніи, онъ чувствовалъ въ себѣ силы дѣйствовать на ближнихъ, это былъ человѣкъ, желавшій спасти и другихъ — мужъ, дающій инициативу, руководящій духомъ времени. Въ терпѣніи онъ не уступалъ Антонию. По ночамъ, говоритъ жизнеописатель его, святой Оеодосій выходилъ надъ пещеру, обнажалъ свое тѣло до пояса и въ такомъ положеніи прятъ волну, отдавая тѣло свое на съѣденіе комарамъ и мошкамъ, и въ тоже время пѣлъ псалтырь; но этотъ человѣкъ не довольствовался самозаключеніемъ въ пещерѣ. Онъ создалъ монастырь, устроилъ общину воздержанія и самопроизвольнаго терпѣнія и истязанія. Въ немъ является качество законоположника, зодчаго; потому онъ прежде всего выписалъ изъ Греціи студійскій уставъ, пославъ въ Константинополь одного изъ благочестивыхъ братій. Когда принесли этотъ уставъ, устроитель приказывалъ читать его передъ братіей, ввелъ строгій порядокъ, наблюдавшійся во всѣхъ видахъ повседневной жизни. Прежде чѣмъ построенъ былъ монастырь, братія жила подъ землею въ тѣсныхъ пещерахъ, по подобію Оивандекихъ отцевъ, и сильно скорбѣла — говоритъ ихъ жизнеописатель — отъ тѣсноты мѣста. Понятно, что для русской натуры, любящей просторъ, показывающей эту склонность повсемѣстно, не могло быть ничего хуже тѣсноты. Братья ѣли хлѣбъ и воду, *въ субботу же и въ недѣлю сочива вкушаху; многажды и въ тѣ два дни, не обрѣтающуся сочиву, зелья сваривше, и то ядаху едино.* Трудъ постоянный считался необходимостью, отшельникъ долженъ былъ питаться непремѣнно отъ своихъ трудовъ: *еще же руками своими дѣлаху — ово ли копытця плетуше и колбукы и иная ручная дѣла строюще и тако, носяще въ градъ, продаваху и тѣмъ житю купляху и се раздѣлаху, да каждо въ ноци свою часть изимельше, на оустройство хлѣбомъ; также потомъ начатокъ пѣнію утреннему створяху, и тако паки дѣлаху ручное свое дѣло; другойци же въ оградѣ копаху зеленнаго ради растенія —*

дондеже бываше утреннему славословію, и того часа въкупъ съшедшеся въ церкви, пенія часовъ творяху, и тако святую литургію свершивше и тако вкусивше мало хлѣба, и пакы дѣло свое каждо импьяше, и тако по вся дни трудящеся. Когда наконецъ состроенъ былъ Печерскій монастырь и Оеодосій былъ его начальникомъ, онъ старался умножить монаховъ, принималъ всякаго, но держалъ ихъ въ подчиненіи и постоянно наблюдалъ, чтобы братія не облегчала себѣ подвиговъ спасенія. Уже тогда братія жила въ кельяхъ; каждую ночь Оеодосій обходилъ кельи и смотрѣлъ, кто что дѣлаетъ; не входя въ кельи, онъ не рѣдко подслушивалъ у дверей, и если слышалъ, что въ кельѣ разговариваютъ монахи между собою, то ударялъ палкою въ дверь и уходилъ, а на другой день призывалъ и дѣлалъ обличенія. По его правилу, монахи должны были избѣгать разговоровъ другъ съ другомъ по вечерни, но отслушавъ вечерню и павечерницу, каждый долженъ былъ отходить въ свою келію, и тамъ молиться. Ни у кого не должно быть ничего собственнаго, иначе св. Оеодосій бросалъ все въ огонь, что ни находилъ въ кельи монаха. Строгое послушаніе предписывалось безъ изыятія всеѣмъ и для всякаго случая. Къ какому бы благому дѣлу ни приступалъ монахъ, онъ долженъ былъ испросить разрѣшенія и благословенія игумена, а безъ того — и хорошее дѣло считалось нехорошимъ. Оеодосій, предписывая строгость для другихъ, не только не дѣлалъ для себя изытій, но налагалъ на себя еще болѣе томительныя тяжести, чѣмъ на подчиненныхъ. Онъ самъ нерѣдко носилъ воду, рубилъ дрова, топилъ печь, ходилъ въ самой дурной, разодранной одеждѣ. Оеодосій любилъ дѣлать поученія и говорилъ ихъ монахамъ.

Трудясь для монастыря, онъ не оставлялъ своими поученіями и міра, не вполнѣ, какъ Антоній, былъ чуждъ мірскихъ дѣлъ. Къ нему часто приходилъ князь Изяславъ Ярославичъ и бояры съ нимъ совѣтовались о жизни; онъ давалъ душеспасительные совѣты, исповѣдывалъ во грѣхахъ, разрѣшалъ и налагалъ епитимьи. Замѣчательно, что въ поученіи его князю о постѣ, онъ гораздо снисходительнѣе къ свѣтскимъ въ отношеніи поста, чѣмъ можно было ожидать отъ такого строгаго аскета. Но за то — главное — онъ требуетъ подчиненія духовенству, власти духовной. Вотъ чѣмъ отличается духъ его посланія. Не смотря на то, что постъ для него высшее проявленіе христіанства, онъ даже и поститься не позволяетъ, если іерей не прикажетъ. Не думай и будь покоренъ власти духовной — вотъ сущность его аскетическаго ученія; послушаніе безъ размышленія есть долгъ. Вратарь у пе-

черскаго монастыря не пустилъ даже князя Изяслава, когда не приказалъ никого пускать игуменъ. Жизнеописатель Оеодосія рассказываетъ, что въ дѣтствѣ надъ нимъ господствовала мать; онъ убѣждалъ отъ нея въ монастырь и можетъ быть, что эта суровость родительской власти оставила вліяніе на тотъ строгій порядокъ, какой ввелъ онъ въ монастырь, и какой посредственно переходилъ и въ міръ, съ благочестивыми понятіями. Напримѣръ, вмѣнено въ вину келарю то, что въ противность Оеодосію игумену, онъ предложилъ пожертвованные хлѣбы братіи за трапезою не въ тотъ день, когда приказалъ игуменъ, а на другой. Этого мало: самые хлѣбы уже черезъ то сочтены оскверненными, и св. мужъ приказалъ ихъ пометать въ огонь, *яко вражью часть*.

Вмѣстѣ съ этимъ духомъ безусловной покорности, Оеодосій предостерегалъ братію отъ общенія съ иновѣрцами вообще. Жизнеописатель Оеодосія говоритъ, что нерѣдко онъ выходилъ тайно изъ кельи и монастыря къ Жидамъ и ругалъ ихъ въ глаза отметниками и беззаконниками, желая, чтобъ они его убили, и дабы такимъ образомъ сподобиться пострадать за христіанскую вѣру.

Въ пищѣ проповѣдывалось имѣть воздержаніе и неприхотливость, крайнюю умѣренность. Но святые поставляли въ томъ подвигъ, чтобъ ѣсть дурное и невкусное. Такимъ образомъ одинъ изъ нихъ, Прохоръ, прозываемый Лебедникомъ, во время голода осудилъ себя ѣсть хлѣбъ изъ лоды; онъ былъ горекъ и противенъ, но Богъ превращалъ его въ сладость.

Церковь заботилась объ аскетическомъ совершенствѣ чловѣка, смотря по силамъ, — начиная отъ суроваго воздержанія печерскихъ затворниковъ, до легкаго соблюденія постовъ мірянами. Лишать себя того, что нравится, — вотъ въ этомъ состояла заслуга, на этомъ основывается такое уваженіе къ посту, которое привилось въ Русскомъ народѣ тотчасъ съ знакомства съ Христіанствомъ. И первые религіозные споры наши были о постѣ, ибо еще Изяславъ Ярославичъ спрашивалъ Оеодосія о томъ, можно ли ѣсть мясо въ Господскіе праздники. Оеодосій не только разрѣшилъ ему, но считалъ противузаконнымъ постъ въ большіе праздники. Такъ снисходительно смотрѣлъ онъ на мірянъ, когда такого суроваго воздержанія требовалъ отъ монаховъ.

Вмѣстѣ съ воздержаніемъ соединялось уваженіе къ труду; иногда трудъ этотъ предпринимался безъ опредѣленной цѣли, или лучше сказать, цѣль его была въ самомъ себѣ; трудиться было спасительно, ибо это Богу угодно, хотя бы не имѣлось въ виду никакой пользы. Такъ, трудились мужи святые по кельямъ; но большею частію трудъ, по понятіямъ, разви-

вавшимся въ Печерскомъ монастырѣ, былъ соединенъ съ униженіемъ и смиреніемъ. Такъ, напримѣръ, игумень Θεодосій носилъ братіи дрова въ избу и это ставилось ему въ заслугу потому, что онъ былъ начальное лицо, и потому уже собственно, по его сану, не должно было бы трудиться. Ставили въ большую заслугу то, что князь Никола Святоша служилъ въ монастырской поварнѣ, потомъ былъ вратаремъ; именно это ставили ему въ заслугу потому, что онъ былъ князь. Примѣръ уваженія къ дѣйствию представляетъ повѣсть о Моисеѣ Угритѣ, сложенная очевидно такими, которые, живя въ монастырѣ, не знали міра и воображали его себѣ такимъ, какимъ онъ могъ казаться только тѣмъ, кто разошелся съ его тревоженіями. Моисей былъ взятъ Болеславомъ въ плѣнъ (братъ его былъ слугою Бориса и съ нимъ вмѣстѣ былъ убитъ). Какая-то знатная Польша хотѣла сочтаться съ нимъ, онъ упорствовалъ; она жаловалась королю и король хотѣлъ его заставить, но святой мужъ вмѣсто того сдѣлался евнухомъ.

Печерскій монастырь сообщилъ нашему религіозному убѣжденію неприязнь ко всему веселому, ко всему, что можетъ сообщить прелесть земной жизни. Вмѣстѣ съ пирами преслѣдовалось всякое смѣхотворство, всякое даже невинное увеселеніе. Θεодосій, заставши князя Святослава пирующимъ съ боярами и гусярами, со слезами представлялъ ему, что такого не будетъ на томъ свѣтѣ.

На слезы и грусть смотрѣли, какъ на нѣчто священное. Одинъ изъ святыхъ, Θεофилъ (въ житіи Марка Печерника) выплакалъ глаза; ожидая много лѣтъ часа кончины, предсказанной ему Маркомъ, онъ мучился безпрестаннымъ ожиданіемъ смерти, — и когда умиралъ, то ангелъ показалъ ему сосудъ съ благовоннымъ мвромъ, въ которое превратились его слезы; однако было столь мало, что превратившихся въ мвро было меньше случайно упавшихъ на землю и оставшихся на платкѣ, отъ тѣхъ, которыя святой, плача, имѣлъ терпѣніе собирать въ сосудъ, который подставлялъ всегда, какъ собирался плакать. Объ одномъ изъ затворниковъ говорится: *оттолъ разумѣша вси, яко угоди Господеви: никогда же бо изыйде и видѣ солнце, и 12 лѣтъ и плача не преста день и ноць; ядѣше бо мало хлѣба и воды, но скуду піяше и то черезъ день.*

Страданія, болѣзни принимались также за благополучіе. Пимень многострадальный терпѣлъ ужасныя болѣзни и сознавалъ, что если бы онъ захотѣлъ, то Богъ бы его помиловалъ, но онъ самъ не хочетъ, и лежа въ смрадной болѣзни, другихъ пещѣлялъ: «здѣ убо скорби и туга

и недугъ в малѣ, а тамъ радость и веселіе, идѣже нѣсть болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь вѣчная; того бо ради, брате, сія терплю; Богъ же, иже тебе мною исцѣливый отъ недуга твоего, той можетъ и мене вѣставити отъ одра сего и немощь мою исцѣлити, но не хочу; претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ», и такъ далѣе.

Сколько можно заключить, самое правило: дѣлать добро ближнимъ и не дѣлать имъ зла, связывалось съ тѣмъ понятіемъ, что въ сердцахъ лежатъ побужденія дѣлать зло, а добро дѣлать трудно. Вообще — трудъ и лишенія — вотъ-что ставилось на первомъ планѣ въ дѣлѣ спасенія. Сдѣлать доброе дѣло важно было не для того, кто получаетъ, а для того, кто дѣлаетъ и даетъ; ибо давать и дѣлать добро, по понятію тогдашнему—было непріятно, и потому спасительно. Поэтому Русское нравственное вѣроученіе и не старалось о томъ, чтобы всѣмъ было хорошо здѣсь, чтобы въ обществѣ каждый могъ наслаждаться жизнію: это было не въ его цѣли, ибо непріятности, страданія ведутъ въ царствіе небесное, и слѣдовательно все благодѣаніе, какое могла оказать Церковь, относиться могло только къ лицамъ въ отдѣльности, а не къ цѣлому обществу.

Богатство считалось уже само по себѣ корнемъ зла. Желаящій спастись лучше ничего не могъ сдѣлать, какъ раздать нищимъ свое состояніе и итти въ монастырь въ произвольную нищету. Св. Феодоръ, по указанію бѣса отыскавшій сокровище въ землѣ, зарылъ его въ землю снова и молилъ Бога забыть о томъ мѣстѣ, гдѣ онъ погребъ его. При раздачѣ имущества нищимъ, цѣлью не было обогатить своихъ ближнихъ, а только цѣль—достичь самому царствія Божія. Замѣчательно, что святому, пожалѣвшему о растратѣ имѣнія, другой святой предложилъ, что онъ возвратитъ ему все, но съ тѣмъ, что милостыня отъ Бога ему вмѣнится.

Эта философія, отвергающая земное стяжаніе, облеклась въ сказаніе объ Іоаннѣ и Сергіѣ въ Патерикѣ. Іоаннъ и Сергій заключили между собою *духовное братство* (древнее побратимство, осященное теперь церковнымъ освященіемъ) и Іоаннъ оставилъ сыну своему Захару наслѣдство, которое поручилъ названному брату; названный братъ счелъ лучше самому чужимъ достояніемъ воспользоваться и не отдалъ Захару, когда онъ требовалъ отцовскаго достоянія, не отдалъ даже и тогда, когда Захаръ просилъ не болѣе половины, даже трети. Тогда Захаръ призвалъ его къ клятвѣ предъ иконою Богородицы въ Печерскомъ монастырѣ. Обманщикъ не могъ приблизиться къ иконѣ и принужденъ былъ сознаться въ своей винѣ. Лучшаго конца повѣсть не представляетъ намъ, кромѣ

того, что Захаръ все золото и серебро свое пожертвовалъ на монастырь, и онъ и его обиратель — постриглись въ монастырь.

Нищета считалась первою принадлежностію монашескаго быта. Однако усердіе дателей не было отвергаемо, и вскорѣ монастырь сталъ богать. Жертвовать на монастырь было такое же доброе дѣло, какъ и дарить нищимъ и кормить ихъ. Печерскій монастырь надѣлили богатыми по тому временикладами звонкаго металла, разныхъ драгоценныхъ вещей, записывали въ его вѣчное владѣніе недвижимыя имѣнія, села. *И приношаху ему* (князья и бояре) *отъ имѣній своихъ на утѣшеніе братіи и на устроеніе монастыря, друзіи же села вдающе на церковную потребу.*

Монастыри создались двумя способами, или 1) строили ихъ князья и знатные богатые люди по душѣ или по данному обѣту, во время испрошенія какой нибудь особенной Божіей помощи; 2) основывались они и такъ, какъ основывался Печерскій: собирались добровольные любители аскетическаго житія.

Основаніе церкви печерской приписуютъ Варягу Шимону — вѣроятно Шведу родомъ; это былъ сынъ Африкана, брата Якуна-Слѣпого, того самого, который помогалъ Ярославу въ сраженіи противъ Мстислава Владиміровича на Лиственской битвѣ и отбѣжалъ золотой *луды*. По смерти Африкана, братья его выгнали изъ отечества Шимона, какъ это обыкновенно случалось въ Скандинавскомъ мірѣ. Онъ убѣжалъ къ Ярославу въ Гардерикъ. Якунъ Слѣпой послѣ службы Ярославу возвратился на родину и тамъ участвовалъ въ несправедливостяхъ къ племяннику. Впослѣдствіи рассказывалъ о себѣ Шимонъ слѣдующее: «Былъ у моего отца Африкана крестъ съ изображеніемъ Христа вапною (известью), очень великъ, въ десять локтей, *якоже Латинны имуть*. На этомъ изображеніи былъ золотой поясъ въ 8 гривенъ золота и золотой вѣнецъ на главѣ. Когда Шимону приходилось убѣгать изъ родины, онъ захватилъ съ собою этотъ поясъ и вѣнецъ. *Тогда ему гласъ бысть: никакоже сего не возложи на главу свою, неси сія на уготованное мѣсто, идѣ строится церковь матере моя и отдай въ руки преподобнаго Θεодосія, пусть повѣситъ надъ жертвенникомъ*. Послѣ этого видѣнія, когда онъ плылъ по морю въ Гардарикъ, сдѣлалась буря; Шимонъ испугался и подумалъ, что это наказываетъ его Богъ за то, что онъ взялъ украшенія отъ Христова образа; началъ онъ въ этомъ каяться, и тогда увидѣлъ на воздухѣ изображеніе церкви и услышалъ голосъ, объясняющій, что это за церковь: »это церковь,

которая хочет создаться отъ преподобныхъ во имя Божіей Матери; въ ней и ты будешь положенъ; размѣръ поясомъ 20 лактей въ вышину, 30 въ длину и 30 въ ширину.» Не смотря на то, когда пріѣхалъ Шимонъ въ Кіевъ, то долго, какъ видно, не думалъ строить церкви: впоследствии объяснялъ онъ, что не зналъ и мѣста, на которомъ указано отъ Бога быть этой церкви. Шимонъ прибылъ въ Кіевъ еще при Ярославіи и служилъ у сына его Всеволода; когда же, по смерти князя Ярослава, появились впервые Половцы, Шимонъ отправился противъ нихъ съ Русскимъ ополченіемъ и обратился вмѣстѣ съ князьями Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ къ преподобному Антонію. Боговдохновенный старецъ предрекъ имъ всемъ несчастіе. Шимонъ въ простотѣ сердца палъ къ ногамъ преподобнаго и молилъ сохранить его ото вражескаго меча. Преподобный отвѣчалъ ему: «о чадо! многіе падутъ отъ острія меча и убѣгутъ отъ сопостатъ, будутъ попираемы и узвляемы, будутъ тонуть въ водѣ; ты же останешься спасенъ, ибо тебѣ суждено лежать въ печерской церкви, которая создастся твоимъ попеченіемъ.» Несчастно для русскихъ было пораженіе на Альтѣ; Шимонъ былъ раненъ и лежалъ на полѣ посреди труповъ и умирающихъ, и вдругъ въ воздухѣ увидѣлъ то же изображеніе церкви, которое нѣкогда представилось ему надъ Балтійскими волнами. Тогда онъ вспомнилъ, что съ нимъ прежде было, началъ молиться о спасеніи. Онъ потомъ выздоровѣлъ. Тогда пришелъ онъ къ Антонію, отдалъ ему поясъ для размѣренія церкви и вѣнецъ, который слѣдовало повѣсить надъ трапезою. Потомъ онъ явился къ Θεодосію и просилъ благословить себя не только въ жизни, но и по смерти. Θεодосій отвѣчалъ, что самъ еще не знаетъ, будетъ ли угоденъ Богу своими молитвами по смерти, но Шимонъ представлялъ, что ему былъ отъ образа гласъ, которой свидѣтельствовалъ о святости Θεодосія и о томъ, что ему суждено основать церковь, поэтому Шимонъ просилъ молиться о себѣ и о своемъ сынѣ Георгіѣ. Θεодосій изъявилъ желаніе молиться за него и за его семейство наравнѣ, какъ и за всѣхъ Христіанъ. Шимонъ этимъ былъ не доволенъ; онъ требовалъ, чтобы Θεодосій далъ ему свое благословеніе на письмѣ. Θεодосій согласился и далъ ему молитву. По этому примѣру на Руси начали влагать въ руки мертвымъ при погребеніи рукописаніе. Шимонъ, готовясь строить храмъ, хотѣлъ прежде всего взять для себя еще выгоднѣйшія условія: онъ потребовалъ отъ святого мужа отпущенія грѣховъ своихъ родителей. Θεодосій, воздвигнувъ руки, сказалъ: да благословитъ тя Господь отъ Сіона и до послѣднихъ рода твоего! Шимонъ принялъ

православную вѣру и нареченъ Симономъ. О родѣ Симона Печерскій Патерикъ приисовокупляетъ, что сынъ его Георгій былъ отправленъ съ Мономахомъ, съ сыномъ его Юрьемъ въ Суздальскую землю и потомъ былъ тамъ поставленъ управлять всею Суздальскою землею.

Повѣсть эта многозначительна въ исторіи жизни Русской. Это былъ у насъ первообразъ множества подобныхъ событій, когда, вслѣдствіе укоренившагося вѣрованія о спасеніи души посредствомъ постройки монастырей, богатые люди благодѣтельствовали монастырямъ, давали имъ села, доходы, и такимъ образомъ способствовали развитію монастырской жизни.

Вслѣдъ за повѣстью о Шимонѣ, образовались тогда же старинныя сказанія о пришествіи церковныхъ мастеровъ изъ Греціи и объ основаніи Печерской церкви. Придавая еще болѣе въ глазахъ народа святости печерской обители, повѣсть приводитъ изъ Греціи мастеровыхъ людей, которые получаютъ отъ пресвятыя Богородицы указаніе идти въ Русь и строить церкви. Ангелы являлись въ видѣ *благобразныхъ скопцовъ* звать ихъ къ Богородицѣ во Влахернѣ. Образъ ангеловъ въ видѣ скопцовъ нерѣдкость въ византійской легендарной литературѣ. Аскетизмъ и самоистязаніе достигаютъ до умерщвленія плоти и способствуютъ дѣвственному житію. То же сказаніе говоритъ, что икона, которая впоследствии сдѣлалась въ Печерскомъ монастырѣ мѣстною, была принесена прибывшими греческими мастерами, она была имъ вручена самою Богородицею и есть произведение не земного, а небеснаго, сверхъестественнаго искусства. Вотъ начало благоговѣйнаго почитанія явленныхъ иконъ, столь распространеннаго впоследствии въ религіозной сферѣ русской жизни. Эта вѣра въ явленные иконы съ востока принесена была къ намъ прежде всего въ Печерскій монастырь, на Кіевскую почву, точно какъ и многія другія священныя вѣрованія.

Отыскали мѣсто для будущей церкви, и ея заложеніе сопровождалось чудесами, подобными восточнымъ чудесамъ ветхаго завѣта и сходнымъ съ ними позднѣйшимъ церковнымъ преданіямъ Востока. Подобно Гедеоу и Іліи, святой Оеодосій, желая узнать, какое именно мѣсто пріятно Богу для возвиженія церкви, молился, чтобъ вездѣ была роса, а на томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдуетъ быть церкви, не было росы; а на другую ночь просилъ обратно, чтобъ именно тамъ была роса, когда повсюду не было росы. Все совершалось по его желанію. На томъ мѣстѣ, гдѣ высшее знаменіе указало быть церкви, росли кустарники; они были истреблены огнемъ, низведеннымъ съ неба силою молитвы св. Оеодосія. Когда нужно было копать ровъ для закладки храма, эту работу пред-

принялъ первый князь Святославъ, и богатые люди жертвовали вклады на созданіе святыни съ тѣмъ, чтобъ по смерти быть погребенными на этомъ благословенномъ мѣстѣ.

Уже повѣсти о Варягѣ Симонѣ и о греческихъ мастерахъ придаютъ особое значеніе погребенію въ Печерской церкви. Въ словѣ, составляющемъ часть Патерика и называющемся: *Слово, еже когда основана бысть церковь Печерская*, говорится: *блаженъ и треблаженъ сподобившійся положенъ быти; блаженъ и треблаженъ сподобившійся въ той написанъ быти, яко оставленіе приметь грѣховъ*. Преп. Θεодосій говоритъ: *всякъ положенный здѣ, помилованъ будетъ*. Вотъ какое важное значеніе получила тогда Печерская церковь и Печерская обитель! Не удивительно, что эта обитель скоро процвѣла. До построенія церкви Θεодосій говоритъ пришедшему къ нему Варягу Симону: *а въси, чадо, оубожество наше, иже многа многажды и хлѣба не обрѣтается въ дневную пищу*. Но скоро послѣ того, когда Θεодосій, по откровенію Божію, готовился отойти отъ міра сего и собиралъ братію, то уже многая братія жила въ разныхъ селахъ монастырскихъ. Князья и княгини давали и записывали въ монастыри богатые вклады, имѣнія. Такъ князь Ярополкъ Изяславичъ далъ въ монастырь Неблоскую волость, Деревскую и Лутскую и около Кіева; зять его Глѣбъ Всеславичъ — 60 гривенъ золота и 30 гривенъ золота, а по его смерти назначилъ 600 гривенъ серебра и 30 гривенъ золота и по смерти села съ челядью (Ип. сп. лѣт. 82). Монастырь Печерскій сдѣлался даже хранилищемъ чужихъ сокровищъ. Въ тотъ вѣкъ достояніе не было слишкомъ обезпечено отъ произвола, и потому многіе отдавали туда на сохраненіе и серебро и золото, и этотъ обычай распространился на все монастыри.

Преподобный Θεодосій оградилъ свое твореніе отъ притѣсеній въ будущія времена со стороны князей и духовныхъ сановниковъ. Преданіе, записанное въ Патерикѣ, сообщаетъ, что предъ смертію онъ видѣлъ князя Святослава и молилъ его, чтобъ церковь Печерская была освобождена отъ власти и князей и владыки; ибо не люди, а сама Богородица ее создала. Такъ на долго обитель пребывала независимымъ обществомъ. Мудрый Θεодосій установилъ самъ твердую нравственную связь между всеми принадлежащими къ обители. Онъ предвидѣлъ, что обитель сдѣлается разсадникомъ игуменовъ и владыкъ въ Россіи. Конечно, уже и прежде, вѣроятно, она начала имѣть свое важное значеніе; поэтому онъ сказалъ, что если кто изъ братіи будетъ призванъ на какое нибудь начальническое мѣсто въ Россіи, то выходить изъ обители можетъ только

съ позволенія старшихъ и всегда долженъ искать успокоиться въ Печерской обители; только за такихъ общается св. Θεодосій молиться предъ Богомъ. Понятно, какъ послѣ такого завѣщанія, впоследствии Печерскіе иноки, гдѣ бы они ни были, не теряли связи съ монастыремъ, какъ показываетъ письмо Симона, епископа Владимірскаго. Напутствуемый мысленнымъ благословеніемъ великаго основателя обители, такой питомецъ Печерской обители, будетъ ли онъ въ Ростовѣ, во Владимірѣ, въ Новгородѣ, въ Полоцкѣ — всегда обращался къ Кіеву, къ завѣтной обители, сердцемъ, какъ къ обѣтованной землѣ спасенія, и хранилъ тѣ преданія, тѣ вѣрованія и правила, которыя получилъ въ этомъ монастырѣ, и сообщалъ ихъ повсюду, куда простиралось его вліяніе.

Печерскій монастырь указалъ Русской религіозности и то направленіе, которое въ дѣлахъ общественныхъ обращало дѣйствіе христіанскаго правоученія со всеміи наставленіями единственно къ совершившемуся факту, а не касалось самаго общественнаго порядка. Преподобные святые Печерскіе развили это начало. Антоній былъ благорасположенъ и къ Изяславу и ко Всееславу, и за послѣдняго былъ первымъ изгнанъ. Θεодосій жилъ въ согласіи и осыпалъ благословеніями Изяслава, а потомъ изгнавшаго его брата Святослава. Онъ менѣе укорялъ его за изгнаніе Изяслава, за похищеніе стола кіевскаго, чѣмъ за то, что засталъ Святослава въ пирушкѣ съ гусярами, и восхвалялъ его, когда князь удалялъ веселыя сцены отъ преподобнаго мужа, коль скоро преподобный приходилъ ко князю. Однажды пришла къ Θεодосію убогая вдовица жаловаться на судью, который ее обобралъ и рѣшилъ неправо ея дѣло. Θεодосій упросилъ судью возвратить ей неправильно взятое. Но Θεодосій не считалъ своимъ дѣломъ стараться, чтобъ такихъ судей не было. Онъ заступался — говорить его житіе — за утѣсненныхъ передъ княземъ и судьями, и это ставится въ заслугу его милосердію, но съ точки зрѣнія Θεодосія не было потребности измѣненія того порядка, отъ котораго зависѣли утѣсненія, облегчаемыя его заступничествомъ. Точно такое направленіе получило и послѣ него вліяніе церковныхъ мужей на общественную жизнь. Благочестіе съ радостію оказывало пособіе страждущимъ, гонимымъ, но мало вопіяло противъ тѣхъ, которые были виновниками несчастій, поражавшихъ тѣхъ, кто искалъ утѣшенія въ религіи; оно не заглядывало внутрь земныхъ побужденій. Покорность настоящему, отсутствіе мысли объ общественномъ движеніи — было основою нравственнаго понятія, выработаннаго на религіозной почвѣ. Пусть каждый только о себѣ заботится, о своемъ спа-

сеніи помышляетъ — это было правило нравственное; такимъ образомъ даже слово Христово о неосужденіи брата своего примѣнялось болѣе къ собственному самоуничиженію, чѣмъ къ сохраненію чести другого. Зачѣмъ тебѣ разсуждать и уметь; помни, что ты хуже всѣхъ человѣкъ, долженъ Христа ради смиряться! всѣмъ слѣдуетъ угождать, всѣхъ хвалить, всѣмъ покорствовать; только тогда и можно спастись. Самостоятельнымъ слѣдуетъ быть только тогда, когда дѣло идетъ о постѣ и о соблюденіи церковныхъ правилъ и обрядовъ: тутъ должно отвращаться отъ житейскихъ удовольствій, слѣдуетъ быть упорнымъ и не склоняться ни передъ какою властію. Но во всемъ прочемъ не слѣдуетъ быть строптивымъ.

До какой степени простиралась важность покорности начальству и считалась первѣйшею добродѣтелію, видно изъ того, что въ одной изъ повѣстей умершій, воскреснувъ, не могъ сказать братіи въ монастырѣ большей истины, какую могъ вынести изъ будущей жизни, какъ только то, что слѣдуетъ быть покорнымъ игумену. Замѣчательно, что даже самый суровый аскетизмъ и плотеистязанія не помогутъ, если монахъ не будетъ отличаться безмолвнымъ послушаніемъ.

Война со всѣми ея ужасами мало смущала благочестіе. Развитое на почвѣ Печерскаго монастыря, оно заботилось о томъ, чтобы давленіе войны проходило мимо его и не лишало обители законнаго ея достоянія. Вотъ, напримѣръ, Георгій, Симоновъ сынъ, бывшій въ Суждалѣ, сознается, что когда онъ съ Юріемъ Долгорукимъ и при помощи Половцевъ воевалъ противъ Изяслава Мстиславича, то напалъ онъ съ Половцами на какой-то городъ, но это было село монастырское, которое показалось градомъ, чтобы не даться Половцамъ на разграбленіе; ибо враги, видя его твердыни, не рѣшились отваживаться на приступъ. Такимъ образомъ, по понятіямъ времени, не считалось предосудительнымъ воевать, брать села и города и разорять ихъ, но слѣдовало щадить монастырскія имущества.

Главные признаки аскетическаго настроенія: покорность, воздержаніе и предписанный правиломъ страхъ мысли, страхъ земныхъ удовольствій и внутренняя борьба со злымъ духовнымъ существомъ. Послѣ принятія христіанства, въ Печерскомъ монастырѣ настала война съ бѣсами. Бѣсъ — мрачное, злое существо.... Какъ скоро святой мужъ обречетъ себя на сугубое воздержаніе, запрется въ тѣсной кельѣ или пещерѣ, начнетъ день и ночь изнурять плоть свою поклонами, языкомъ безмолвіемъ, а умъ бѣганьемъ грѣховныхъ помысловъ, — тотчасъ являются къ нему эти искушители, отвлекаютъ его отъ богомыслія и сѣются сдѣлать съ нимъ какую нибудь пакость. Святой мужъ долженъ не поддаваться и муже-

ственно бороться съ ними. Сначала дѣйствуютъ духи невидимо, а потомъ являются и тѣлесному зрѣнію. Они принимаютъ образъ похожій на обезьяну, въ шерсти, съ когтями, съ хвостомъ, да въ добавокъ, чего нѣтъ у обезьяны, съ рогами и съ крыльями; но иногда являются вполне въ человѣческомъ видѣ, только чаще всего въ видѣ человѣка неправо-славнаго. Однажды святой, одаренный прозорливостію, увидѣлъ бѣса въ образѣ Ляха; онъ сыналъ цвѣтами на братію во время заутрени: на кого цвѣтокъ упадетъ и прилипнетъ, тотъ братъ разслабѣвалъ, уходилъ изъ церкви и дожился спать; но были такіе строгіе подвижники, что цвѣтки не прилипали къ нимъ. Здѣсь цвѣтокъ — символъ грѣшнаго удовольствія. Когда братъ уходитъ изъ монастыря, тутъ-то было бѣсамъ раздолье. Одинъ святой видѣлъ однажды бѣса, ѣхавшаго верхомъ на свинѣ; лукавый духъ величался и посмѣивался надъ монахомъ, который успѣлъ ускользнуть послѣ заутрени за монастырскую ограду. Обыкновенно бѣсы старались развлечь, склонить къ чему нибудь подвижника и мѣшать ему, когда онъ погружался въ безмолвіе и творилъ надъ собою истязанія, и чѣмъ сильнѣе старался угодникъ преодолѣть лукаваго, тѣмъ больше лукавый старался его искусить. Примѣръ искушенія въ исторіи затворника Исакія, котораго бѣсы довели до того, что заставили его проплясать, а потомъ привели въ совершенное истощеніе, такъ что нужны были годы, чтобъ святой могъ поправиться. Торопецкій кузнецъ по прошехожденію, по прозвищу Чернь, онъ вступилъ въ монастырь, раздалъ все свое имѣніе на монастырь и нищимъ, и принять былъ; потомъ облеченъ во власяницу и повелъ себя купити себѣ козлищъ и одрати его мѣхомъ и взвече на власяницу и осе около его; затворися въ пещерь въ единой улицы въ кельици малъ, яко чѣтыри лакотъ сущи, и ту моляше Бога со слезами; сподѣ же бѣше просфира едина и то чрезъ день. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, бѣсы явились ему въ образѣ ангеловъ и Исакій, по простотѣ, поклонился имъ; тогда одинъ изъ бѣсовъ сказалъ: *возмѣйте сопѣли и бубны и гусли, и ударяйте, а тѣ Исакій намъ спляшетъ. И удариша въ сопѣли и въ бубны и въ гусли и начаша имъ шрати и утомиша его и оставиша ѿ оле жива суца, и отыдоша, поругавшеся ему.* Іоанна многострадальнаго бѣсы мучили похотью, и святой мужъ истязалъ себя сначала тѣснымъ заключеніемъ, голодомъ и молчаніемъ, носилъ на тѣлѣ желѣзныя вериги, а потомъ на время поста зарывалъ себя въ землю, оставляя наружи только руки и голову. Бѣсы пугали его то огнемъ съ-низу, то ему

представлялось, будто онъ горитъ, то являлся змѣй и грозилъ его поглотить. Іоаннъ выстоялъ всякія искушенія. Святой особенно подвергался искушенію въ затворничествѣ и долженъ былъ помнить, что предъ появленіемъ къ нему непременно слѣдуетъ заставить приходящаго прочитать молитву Іисусову, и если бы кто не захотѣлъ этого сдѣлать, то явная улика, что онъ бѣсъ. (Не даждь ему бесѣдовать съ тобою и прежде, даже молитву сотворить, тогда розумѣши, яко бѣсъ есть). Одному подвижнику бѣсъ явился въ образѣ его друга и сподвижника, помогъ ему отыскать золото и велъ было его къ тому, что онъ собирался убѣжать изъ монастыря. Но къ счастью обманъ открылся скоро и святой этотъ (Феодоръ) лучше разсчитался съ бѣсомъ, чѣмъ Исакій. Когда нужно было изгнать отъ себя лукавыя помысленія, приходившія въ праздности, подвижникъ осудилъ себя на тяжелыя работы, — сначала молоть муку на ручной мельницѣ съ ручнымъ жерновомъ; другой разъ, когда сгорѣла печерская церковь — таскать лѣсъ съ берега Днѣпра на гору. Бѣсъ вздумалъ было искушить его, и когда святой отдыхалъ однажды отъ своей мукомольной работы, бѣсъ сталъ молоть, но святой своими заклинательными молитвами принудилъ его въ самомъ дѣлѣ трудиться и продолжать работать на жерновѣ, а самъ въ это время молился. Потомъ, когда святой таскалъ на гору лѣсъ, тогда собралось уже много бѣсовъ, товарищей проказника, творившаго пакости надъ святымъ; они бросили съ горы наношенное дерево. Тогда святой силою своихъ молитвъ принудилъ бѣсовъ все дерево, сколько его ни было изготовлено подъ горою, перетаскать на гору въ одну ночь. Бѣсы рѣшились отомстить за такое униженіе, которое было тѣмъ для нихъ чувствительнѣе, что они не могли забыть, какъ люди ихъ нѣкогда чествовали подъ именами идоловъ. Сначала научили они извозчиковъ, которые подрядились въ монастырь возить лѣсъ, требовать платы за перевозку того дерева, котораго они не возили и которое вмѣсто ихъ возили бѣсы. Когда дѣло дошло до суда, то судья, выслушавши протосердечныя оправданія святого, сказалъ ему, что бѣсы помогутъ ему и заплатить, какъ помогли свезти. Непзвѣстно, какія послѣдствія имѣла эта тяжба; но бѣсъ явился во образѣ Василия къ одному изъ княжескихъ совѣтниковъ, боярину Святотоплка и сына его Метислава, жадному и злому, какъ князя его, и доносилъ, что Феодоръ отыскалъ сокровище въ Варяжской пещерѣ и не являетъ князьямъ. За это потребовали Феодора и стали мучить, когда онъ отговаривался, говорилъ что забылъ, гдѣ зарылъ снова кладъ. Потомъ послали за Василиемъ, не выходявшимъ уже 15 лѣтъ изъ пещеры: Василій,

разумѣется не зная, что происходило подъ его именемъ, привелъ въ недоумѣніе и досаду князя Мстислава своими неясными отвѣтами, и тотъ думая, что онъ запирается, тогда какъ самъ же прежде ему доносилъ, застрѣлилъ его стрѣлою. Василій, умирая, предрекъ Мстиславу лютую смерть, и она сбылась въ битвѣ съ Давыдомъ Игоревичемъ.

При умственной покорности — знаніе не считалось достоинствомъ. Въ повѣстяхъ печерскаго монастыря знаніе и земная мудрость являются даромъ бѣсовъ. Такъ о преподобномъ Никитѣ рассказываютъ, что къ нему явился бѣсъ и научилъ его понимать одни только книги Вѣтхаго завѣта, такъ что онъ могъ пророчествовать. По составившемуся нѣкогда юному понятію о знаніи, вмѣстѣ съ нимъ соединялось вѣрованіе въ пророчество; знать, быть мудрымъ, значило вмѣстѣ — дѣлать чудеса, говорить то, чего другой не скажетъ, однимъ словомъ — дѣлать то, чего другой никто не можетъ сдѣлать и для чего нельзя придумать обыкновенныхъ способовъ. Но когда святые отцы, сошедшися около Никиты, прогнали бѣсовъ, Никита сталъ прежнимъ невѣждою и сподобился впоследствии низводить дождь съ неба на произрастенія земныя. О Лаврентіѣ затворникѣ рассказывается, что когда онъ пошелъ въ затворъ и получилъ благодать цѣлить бѣснующихся и къ нему приводили больныхъ, бѣсы научили его по гречески, изошрили его способности; но когда другой святой молитвами исцѣлилъ его отъ бѣсовскаго искушенія, Лаврентій забылъ все свои знанія.

Печерскій монастырь не благоволилъ къ иновѣрцамъ. Такъ въ житіи св. Агапита, безмезднаго врача, рассказывается, что когда къ нему пришелъ врачъ Армянинъ, то не смотря на свое смиреніе, какъ скоро онъ узналъ, что это *Арменинъ*, то воскликнулъ: *почто смѣлъ еси внити и осквернити келію мою и держати за грѣшную мою руку? Изыди отъ мене, невѣрне и нечестиве!* Въ отвѣтъ св. Оеодосія Изяславу Ярославичу на вопросы о Варяжской вѣрѣ, святой мужъ порицалъ варяжскую вѣру; тамъ не только обвиняютъ послѣдователей западнаго христіанства въ яденіи кошекъ и псовъ и удушеніи, но говорятъ и о крайнихъ непристойностяхъ при брачномъ обрядѣ. Въ поученіи и отвѣтѣ совѣтуется не давать католикамъ ѣсть и пить изъ сосуда своего, и если придется дать по крайней нуждѣ, то непременно вымыть сосудъ; приказывается не только не принимать чужевѣрнаго къ себѣ, но проклинать всякое чужевѣрье.

Такъ какъ раздаваніе богатствъ нищимъ не имѣло въ себѣ цѣли, а само по себѣ составляло цѣль, такъ точно и трудъ предпринимался и

считался полезнымъ не по плодамъ его, а самъ по себѣ, въ своемъ процесѣ.

Видно, что въ южной Руси оставались языческіе обычаи; долго еще смотрѣли Русскіе на жизнь сквозь языческое покрывало и въ-самые христіанскіе обычаи и обряды вносили языческое содержаніе. Вотъ, напримѣръ, Оеодосій воспрещалъ, что въ его время многіе ставили на кутію яица, приставляли къ кутьѣ воду, ставили обѣды по умершимъ, и носили въ церковь съѣтное, однимъ словомъ — отправляли тризны, ибо у язычниковъ погребеніе сопровождалось пьянствомъ. Святый соболѣзнуя вопіялъ противъ соблазнительнаго цѣлованія мущинъ съ женщинами на пирахъ. Отъ этого христіанство противодѣйствовало языческой чувственности строгою стороною своей духовной чистоты, а аскетическое ученіе дѣлалось единою нравственною философіею для всего христіанства вообще.

Самая мірская жизнь не имѣла, съ церковной точки зрѣнія, другого идеала, кромѣ аскетизма. Это было тѣмъ естественнѣе, что вотъ, напримѣръ, въ словѣ отца къ сыну (послѣдній очевидно не готовился въ монастырь, но намѣревался жить въ мірѣ семейно), отецъ, представляя ему примѣръ добродѣтели подвижниковъ, *иже мало свѣта сего причащахуся*, говоритъ: *изволи себѣ тѣхъ житие и тѣхъ правий путь приими, тѣхъ правы и ты, чадо мое, взъици со всею силою и со всею крѣпостію*. Въ томъ же словѣ отецъ заповѣдаетъ сыну давать десятую часть отъ своего имѣнія Господу (то есть, въ монастыри и духовенству). Такимъ образомъ видно, что понятіе о десятинѣ переходило изъ княжескаго быта въ частный, домашній

Понятно, что при направленіи заботиться каждому лишь о собственномъ спасеніи, не удержалось вполне согласіе, миръ и братство въ Печерекомъ монастырѣ, и уже въ раннія времена встрѣчаются слѣды взаимной зависти и вражды и обмановъ между братіею. Такъ въ житіи Алимпія Иконописца разсказывается, что монахи брали деньги съ одного богатаго господина, заказывали Алимпію икону, но въ самомъ дѣлѣ не давали объ этомъ знать Алимпію, а боярину говорили, что Алимпій просить втрое.

Не смотря на аскетическое исключительное направленіе, въ церквахъ читались однако поученія переведенныя съ греческаго, гдѣ аскетизмъ представляется недостаточнымъ безъ добрыхъ чувствъ, любви: *аще ли кто отъ хлѣба ся удержитъ, а инъвъ имать, и таковый подобенъ есть звѣрю; тѣ бо не пьтъ хлѣбъ; аще же отъ*

нитія и отъ рыбы кто оудержится и на голъ землѣ лежитъ, а злобу имья и неправду дѣя, не хвалится оубо: пущи есть и скота.

Добродѣтели были: постъ, грусть; смѣхъ и веселіе — грѣхъ. Одинъ подвижникъ, по имени Памва, далъ обѣтъ никогда не смѣяться. Бѣсы употребляли всевозможнѣйшія уловки, чтобы разсмѣшить святого, — долго все было напрасно; наконецъ, когда бѣсы привязали маленькое перышко къ огромному бревну и потащили его мимо подвижника съ крикомъ: алай, алай! Памва улыбнулся, и бѣсы всплескали и запрыгали отъ радости, восклицая: Авва Памва засмѣяся! Авва Памва засмѣяся, засмѣяся! — Я засмѣялся немощи вашей — сказалъ имъ святой, — что вы и то только съ трудомъ можете это бревно сдвинуть. Въ одной древней правоучительной бесѣдѣ говорится: «смѣхъ не съзидаетъ, не хранитъ, но погубляетъ и съзиданія раздроушаетъ, смѣхъ Духа Святаго нечалитъ, не пользуетъ и тѣло растливаетъ; смѣхъ добродѣтели прогонитъ, не имать бо памяти смертныя, ни поученіе моукамъ. Отъими, Господи, отъ мене смѣхъ и дароуи плачь и рыданіе, егоже присно ищещи отъ мене (Имп. Публ. Библ. Погод. Сб. № 1297, стр. 91).

Съ женщиною не слѣдовало даже говорить, женщина было существо, располагающее къ согрѣшенію: «Не достоинъ мниху ясти съ женою или пити или что промыслиати с женами или инакъ како разоумъ имѣти съ ними; прелободѣйство есть, велико прелободѣйство женское соужитѣство: еда камень еси? человекъ еси, общему естеству подлежаи в паденіи, огнь имаша въ лонѣ — не изгориши ли? како имать слово: положи свѣщу на сѣно, тогда възможещи рещи, яко не горитъ сѣно? аще не отмещешися, яко горитъ сѣно, и мѣ глаголи, но невѣдущему тайныхъ.

Убѣгая отъ женскихъ очей, слѣдуетъ избѣгать и помысленій о женщинахъ. «Всякъ бо възрѣвый на жену съгрѣшаетъ.» Надобно имѣть постоянно блѣдное лицо и дурныя одежды: *блѣдъ и щоуби видъ и рызы хруды подобаетъ имѣти* (Пог. Сб. 1288, стр. 226).

Монашеское самоистязаніе, уединеніе отъ всего, что составляетъ матеріальную прелесть на землѣ, открывало идею торжества духовнаго начала надъ грубою силою. Въмѣсто богатыря съ оружіемъ, странствующаго по чужеземнымъ странамъ, ищущаго опасностей, побѣждающаго ихъ, получающаго въ награду богатства, и т. п. являются богатыри духа, странствующие въ таинственной области видѣній, вступающіе въ борьбу съ духами; они побѣждаютъ ихъ, отваживаются на всякія лишенія добровольно, и за все терпѣніе получали награду высшую, награду на

небѣ. Такъ какъ богатырь не сидитъ на мѣстѣ, богатырь ищетъ приключеній, то и въ сферѣ духовнаго подвижничества явились странствующие богатыри — паломники, скитавшіеся по святымъ мѣстамъ и съ сѣвера отправлявшіеся въ Палестину. Они-то назывались въ древнихъ пѣсняхъ *каликами переходжими*. Похожденія въ Іерусалимъ, видно, были значительно въ ходу на Руси вскорѣ по водвореніи Христіанской вѣры, когда такъ часто встрѣчается въ пѣсняхъ, носящихъ печать стараго происхожденія, имя каликъ. Въ похожденіи Данила Паломника говорится, что въ его время были *мнози доходящіе до Іерусалима*. Это было до такой степени обычно, что иные старались ходить, видно, какъ можно скорѣе (*тищащся вборзѣ*) и навлекали за то нареканія отъ истинно благочестивыхъ; Данилъ замѣчаетъ, что *се то путь вборзѣ нельзя ходити*, и укоряетъ ихъ въ томъ, что они, *много добра невидѣвши*, возвращались; но путешествіе было предметомъ общественныхъ разговоровъ, и бывшій въ Іерусалимъ пользовался уваженіемъ; онъ могъ быть вездѣ принятъ съ честью и потому они, по словамъ Данила, *вознесшеся умомъ, яко ничто добра сотворивше, погубляютъ мзду труда своего*.

Идея торжества ума надъ матеріальною силою, въ народной утѣвительной жизни проложила себѣ не одну религіозную тропинку. Заявленіемъ ея потребности могутъ служить и такія сказанія, гдѣ или дурачокъ или ребенокъ, признаваемый слабымъ и глупымъ, торжествуетъ надъ сильными. Такова замѣчательная повѣсть о купцѣ Кіевскомъ, Дмитріѣ и его сынѣ, Борзомыслѣ Дмитріевичѣ, семилѣтнемъ мудрецѣ, — хотя сохранившаяся въ позднѣйшихъ спискахъ, но показывающая несомнѣнные слѣды своего существованія въ древнюю Кіевскую эпоху нашей образованности. Дѣйствіе происходитъ на югѣ; купецъ богатый съ кораблями выѣзжаетъ изъ Кіева, странствуетъ по отдаленнымъ чужестраннымъ землямъ. Проплававши тридцать дней по морю, купецъ присталъ къ берегу и увидѣлъ приморскій городъ, близъ котораго стояло въ гавани безчисленное множество кораблей. »Удивися Дмитрій Кіевскій купецъ и рече: что сіи корабли безчисленно много стояща? мнѣ зѣло земля блага есть и купцы въ немъ »и много торгуютъ здѣ. Спиде съ корабля купецъ Дмитрій и поиде подъ »градъ, и срѣтоша его гражане и вопрошаху его: отъ коея страны и коея земли? Онъ же сказася имъ: азъ емь отъ Рускія земли и вѣрую въ »Отца и Сына и святаго Духа. И рекоша ему гражане: брате купецъ! единыя есть вѣры съ нами Русская земля, — только за наше согрѣшеніе по»слалъ намъ Богъ царя законопреступника и отступника отъ Бога, ел-

»линскія вѣры, и тѣснить ны, хотя привести къ своей вѣрѣ; мы же, не
 »могуще терпѣти бѣдъ тѣхъ, неволею пожрохомъ идоломъ, видѣхомъ себе
 »въ великихъ нуждахъ: всегда боярами мучаше насъ, овогда силою приво-
 »жаше насъ ко своимъ идоломъ, овогда заповѣданіемъ намъ, не велѣше хлѣ-
 »бовъ на торгъ печи и голодомъ морить насъ для своей вѣры; се видиши,
 »купче, въ пристанищи семъ 300 кораблей стояще, купцы же со всѣхъ
 »странъ приходяху къ сему граду, и приходяще къ царю зъ дары, хо-
 »тяще торговати въ его царству; царь же дары отъ нихъ пріемлетъ и
 »повелѣваетъ имъ 3 загадки отгадывати свои, а все то приводяще къ
 »своей вѣрѣ; они же, не могуще отгадати загадки, царь же глаголаше
 »къ нимъ: уже все загадокъ моихъ не отгадаете и вы пребываете въ
 »моей вѣрѣ, пожрите идоламъ; купцы же не хотяще того сотворити и
 »того ради въ темницу посажены бывше, терпяще всякую нужду и гладъ
 »и тяготу и скорбь имени ради Христова; и заповѣдываетъ царь, не вел-
 »ить хлѣба печи 3 годы, дабы они голодомъ померли.»

Услышавъ объ этомъ, купецъ Дмитрій хотѣлъ было тотчасъ отплыть,
 и повернулъ на свой корабль; но когда пришелъ къ нему, то увидѣлъ,
 что тамъ уже стояла стража. Нечего было дѣлать, надобно было являть-
 ся къ царю. Царя звали Несмѣянъ Гордѣвичъ. Донесли царю, что при-
 шелъ купчишко изъ Русской земли, принесъ дары и проситъ позволенія
 торговать въ его царствѣ. Царь ласково пригласилъ Дмитрія обѣдать; а
 послѣ обѣда спросилъ: *купче! которыя ты вѣры?* Купецъ отвѣчалъ,
 что вѣруетъ во имя Отца и Сына и святаго Духа. — А я чаялъ, сказалъ
 царь, что у насъ вѣра общая; ты же сказываешься не нашей, а Русской
 вѣры. Я же хотѣлъ было тебѣ позволить торговать и отпустить въ твою
 землю; но теперь отгадай, купче, три загадки, «что азъ тебѣ загадаю;
 »аще ли отгадаешь, и азъ тебѣ велю торговати въ своемъ царствѣ вся-
 »кимъ товаромъ, и зъ дары и съ проводниками отпущу ты въ свою зем-
 »лю; аще ли не отгадаешь ни единыя загадки и въ вѣрѣ моей не пребу-
 »деши, вѣдомо жъ буди тебѣ, купче, велю ты смерти предати, а товары
 »твоя взяти будутъ въ мою царскую казну.»

Купецъ испросилъ у царя срока на три дни, и пришедши на свой ко-
 рабль, плакалъ, видя себѣ неминуемую смерть. Семилѣтній сынъ его
 игралъ на кораблѣ и ѣздилъ верхомъ на палочкѣ, «на древцѣ сѣдѣе,
 »рукою за древцы конецъ держаше, а другою рукою плеткою побиваше,
 »и ѣздыше, аки на конѣ скакаше.» Увидя плачъ отца, ребенокъ сталъ его
 спрашивать; отецъ сначала не сталъ было и рассказывать ему, но ког-
 да сынъ умно ему обѣщалъ помочь въ напасти, отецъ рассказалъ. Сынъ

сказалъ, что онъ за него отгадаетъ: «а ты, отче, не скорби и не тужи, «яждь, пей, веселися и молися Богу, вся печали возлагай на Бога». Сынъ продолжалъ играть на кораблѣ. На четвертой день позвали ихъ къ царю. Мальчикъ объявилъ, что онъ отгадаетъ загадку за отца и потребовалъ пить. Царь налилъ золотую чашу съ медомъ и подалъ ее дитяти; отрокъ далъ отцу, и когда отецъ хотѣлъ возвратить чашу, отрокъ сказалъ: *отче! не отдавай чаши, закрой въ нѣдра своя!* Царь далъ другую, и съ тою сдѣлось тоже: также царь требовалъ возврата чаши; отрокъ сказалъ: *данное царево вспять не возвращается.* Загадка царева была такова: «много ли того, или мало, отъ востока до запада?» Дитя на это отвѣчало: «отъ востока и до запада день и ночь, весь кругъ «небесный единымъ днемъ и единою ночью едино солнце пройдетъ отъ «сѣвера до юга; то твоей загадкѣ мой отвѣтъ». Царь удивился, далъ третью чашу купцу и купецъ спряталъ ее въ пазуху. Другая загадка отсрочена на другой день.

На другой день собрались «ищаты и тираны, и стратилаты и воеводы, и князи и бояри и вси людие, маліи и велиции, и вси граждане на «предивное чудо отрока, якоже всѣмъ гражданамъ не вмѣститися въ «царевъ дворъ. Царь спросилъ: что десятая часть изъ моря днемъ убываетъ, а ночью прибываетъ? — Отвѣтъ былъ: то есть, царю, что десятая часть воды солнце выѣдаетъ; ночью же прибываетъ, занеже солнцу «зашедшу и не сушашу. То тебѣ, государь, моя отгадка.»

Удивися царь и потребовалъ третьей отгадки; отрокъ попросилъ сроку на три дни, но съ тѣмъ, чтобы созваны были все граждане отъ мала до велика: пусть при этомъ имъ объявится, что *имъ добро будетъ во вѣки.* Это сдѣлано. Люди собрались по приказу царя. Отрокъ потребовалъ, чтобы царь сошелъ съ своего престола, далъ ему одѣяніе царское и жезлъ, и что онъ тогда отгадаетъ загадку. Царь отдалъ ему свои регалии и въ томъ числѣ мечъ. Тогда отрокъ, зная, что въ толпѣ есть христіане, нелюбящіе невѣрнаго царя, закричалъ: хотите ли вѣровать въ святую Троицу? — Все отвѣчали утвердительно. Отрокъ срубилъ мечемъ голову царю, сказавши: *вотъ тебѣ моя третья отгадка!*

На слѣдующій за тѣмъ вопросъ отрока: кого они хотятъ поставить себѣ царемъ? — все единодушно вручили ему власть, какъ своему избавителю. Послали за патріархомъ, который былъ въ заключеніи. Онъ былъ встрѣченъ торжественно и отслужилъ литургію. «Постави патріархъ надъ главою отрока рогъ златъ съ масломъ надъ нимъ и благо-«слови его патріархъ на царство; людие же вси кликнуша отъ мала до

»велика единогласно: много лѣтъ тебѣ, государю нашему, Барзомышу Дмитріевичу на царство! И возрадовашася ему вси людѣ великою радостію; царь же сотвори въ тотъ день пировище великое.» Потомъ оказалось, что у оставшейся прежней царицы была дочь осьми лѣтъ; Борзомышъ сочетался съ нею бракомъ, окрестивши ее напередъ и обвинявшись чрезъ сорокъ дней послѣ ея крещенія (сороковицей).— На сказкѣ этой легло то понятіе о страдательномъ состояніи женщины, которое отражается въ русской, особенно великорусской, поэзіи. Когда Борзомышъ призываетъ царицу и узнаетъ, что у ней есть дочь, то не спрашиваетъ ея, желаетъ ли она отдать за него дочь, не спрашиваетъ и невѣсты, а просто приказываетъ ее крестить и потомъ беретъ въ жену, и только по просьбѣ матери, даетъ ей срокъ на семь дней. Семилѣтній царь приказалъ привести всѣхъ заключенныхъ купцовъ, »и удивися царь, на нихъ смотря; бысть лице ихъ аки земля, а власы ихъ отросли до пояса, и ризы ихъ изодрашася, лежаша отъ гаду и тѣсноты, а голоса ихъ аки пчелиныя». Царь »учреди имъ праздникъ», и возвративши имъ имѣнія, отпустилъ каждаго въ свою землю. По волѣ царя, отецъ поѣхалъ домой, привезъ свою жену, мать царя. Они жили вмѣстѣ и царь Борзомышъ похоронилъ стараго родителя своего, Дмитрія, купца кіевского.

Ткань этой повѣсти показываетъ древнее ея происхожденіе. Побѣда посредствомъ загадокъ есть видоизмѣненіе той первообразной каввы, по которой составились разнообразныя редакціи сказанія о вѣщей мудрой дѣвицѣ, происходящей изъ простаго званія и, посредствомъ отгадыванія мудреныхъ загадокъ, выходящей замужъ за знатнаго мужа, — сказаніе, которое, въ южнорусской народной словесности, выразилось повѣстью *про дівку семилітку*. Замѣчательно, что сынъ Дмитрія также семи лѣтъ отъ роду. Ничтожное дитя оказывается не только сильнѣе взрослыхъ и славныхъ, но измѣняетъ судьбу цѣлаго края своею смысленостію. Народъ какъ будто себя тутъ выражаетъ: онъ ничтоженъ и юнъ, но въ немъ такія силы, которыя могутъ побѣдить могущество силы и обмана. Онъ сознаетъ, что умственная сила выше всякой ручной; нужно только ума, — и все преодолѣть, все побѣдить можно. Умъ этотъ выражается, какъ и должно быть у молодого народа, вступающаго въ жизнь, не теорією, не логичною послѣдовательностію понятій и процессомъ размышленій, а быстротою, смѣтливостію, находчивостію во-время. Отгадки мудреной загадки — форма, въ которой высказывается умъ. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на различное значеніе двухъ загадокъ, предложенныхъ царемъ; одна изъ нихъ основывается на мудренномъ выра-

женіи того, что само въ себѣ просто. Очевидно, здѣсь какъ бы насмѣшка надъ затѣйливостію выраженія, которое только для простака—мудрость, а сама по себѣ—вещь обыкновенная, и умная голова отгадываетъ ее безъ всякаго затрудненія. Другая загадка—предметъ знанія. Мальчикъ не только отгадываетъ то, что кроется подъ таинственностію, но показываетъ свое знаніе естественнаго феномена; такимъ образомъ народъ сознаетъ, что знаніе природы есть также мудрость и достоинство мудраго человѣка. Отрокъ обманулъ царя; понятіе народное таково, что обмануть злого не составляетъ ничего нравственно-неодобрительнаго, напротивъ служить также доказательствомъ ума и способностей. Онъ убилъ царя, но убилъ справедливо, спросивъ прежде народъ, и потому потребовалъ, чтобы всѣ сошлись отъ мала до велика; онъ поступилъ именно потому справедливо, что воля всего народа считается мѣриломъ справедливости. Народъ былъ склоненъ къ христіанству и даже исповѣдывалъ христіанство; власть имѣла другое убѣжденіе и насилывала къ нему народъ. Здѣсь народный смыслъ высказываетъ сознаніе, что народная воля можетъ проявиться только тогда, когда ей придется дать отвѣтъ на вопросъ, и тотъ есть истинный мудрецъ, кто найдетъ возможность задать ей вопросъ. Власть несправедливаго царя потому и держалась, что народъ не имѣлъ случая выразить свою волю отвѣтомъ. Воплощенная юная мудрость даетъ перевѣсъ народной волѣ: новый царь избирается по волѣ народа. Дѣтскій образъ мудрости, посрамившій тѣхъ, которые являлись въ ея обычномъ земномъ видѣ, въ видѣ стариковъ и сильныхъ властію, показываетъ въ народномъ понятіи сознаніе, что юное поколѣніе, не смотря на то, что играетъ верхомъ на палочкѣ, носить въ себѣ зародыши того, къ чему уже неспособны взрослые...

Н. Костомаровъ.